

БИБЛИОТЕКА
ФАКУЛЬТЕТА ПОЛИТОЛОГИИ МГУ

**БИБЛИОТЕКА
ФАКУЛЬТЕТА ПОЛИТОЛОГИИ МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук, член-корреспондент РАН ШУТОВ А. Ю. (председатель),
д-р полит. наук ШИРИНЯНЦ А. А. (первый заместитель председателя),
канд. филос. наук ОСАДЧЕНКО З. Н. (заместитель председателя),
канд. полит. наук ИОХИМ А. Н. (ответственный секретарь),
канд. ист. наук АНДЕРСОН К. М., канд. полит. наук БРОННИКОВ И. А.,
д-р полит. наук ВОЛОДЕНКОВ С. В., д-р полит. наук ГОРБАЧЕВ М. В.,
д-р полит. наук ДЕМЧУК А. Л., канд. ист. наук ЕВГЕНЬЕВА Т. В.,
д-р филос. наук КОВАЛЕНКО В. И., д-р полит. наук КУЗНЕЦОВ И. И.,
д-р полит. наук МАМЫЧЕВ А. Ю.,
д-р полит. наук, академик РАН ПИВОВАРОВ Ю. С.,
д-р экон. наук СЛУЦКИЙ Л. Э., д-р полит. наук СОЛОВЬЕВ А. И.,
канд. полит. наук СТОЛЕТОВ О. В., д-р филос. наук ЦЫГАНКОВ П. А.,
д-р филос. наук ШЕСТОПАЛ Е. Б.,
д-р полит. наук ЯКУНИН В. И.

МОСКВА, 2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ, ПРОБЛЕМЫ,
ПЕРСПЕКТИВЫ

К 30-летию образования отделения
политологии в Московском государственном
университете имени М. В. Ломоносова

Материалы Всероссийской научной конференции
МГУ имени М. В. Ломоносова
3 февраля 2021 г.

Под общей редакцией
профессора В. И. Коваленко

Издательство Московского университета

2022

УДК 32.019.5; 323; 327
ББК 66.2(2Рос); 66.4(0); 63.3(2)
П50

Публикуется по решению Ученого совета факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

Т. А. Алексеева, д-р филос. наук, канд. ист. наук, заслуженный деятель науки РФ,
профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО МИД России
М. М. Мчедлова, д-р пол. наук, доцент, зав. кафедрой
сравнительной политологии РУДН

Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы (к 30-летию образования отделения политологии в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова) : материалы Всероссийской научной конференции (МГУ имени М. В. Ломоносова, 3 февраля 2021 г.) / под общ. ред. проф. В. И. Коваленко. — Москва : Издательство Московского университета, 2022. — 159, [1] с. — (Библиотека факультета политологии МГУ).

ISBN 978-5-19-011816-2

В основе сборника — доклады участников научной конференции, в которых излагаются страницы истории политологического образования, актуальные вопросы современной политической науки в стране и мире. Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам высших учебных заведений, всем, кто интересуется политикой, политической наукой и политологическим образованием в стране.

УДК 32.019.5; 323; 327

ББК 66.2(2Рос); 66.4(0); 63.3(2)

Political Science and Political Science education in Russia: main milestones, problems, prospects (on the 30th anniversary of the formation of the Department of Political Science at Lomonosov Moscow State University): Materials of the All-Russian Scientific Conference (Lomonosov Moscow State University, February 3, 2021) / ed. by prof. V.I. Kovalenko. — Moscow: Moscow University Press, 2022. — 160 p. — (Library of the Faculty of Political Science, Moscow State University).

The collection is based on the reports of the participants of the scientific conference, which describe the pages of the history of political science education, current issues of modern political science in the country and the world. It is addressed to teachers, postgraduates, undergraduates, students of higher educational institutions, and anyone interested in politics, political science, and political science education in the country.

© Коллектив авторов, 2022

© Российское общество политологов, 2022.

© Факультет политологии

МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022

© Издательство Московского университета, 2022

ISBN 978-5-19-011816-2

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Коваленко В.И.</i> О возможности новых измерений предметного поля политической науки	6
<i>Кочетков А.П.</i> О повышении качества подготовки научных кадров в России	33
<i>Гуторов В.А.</i> Элиты и образование	41
<i>Шувалова Л.В.</i> Политик как профессия: к постановке задачи формирования политической элиты современной России	56
<i>Понеделков А.В., Воронцов С.А.</i> Роль политической элиты в обеспечении национальной безопасности России	67
<i>Юрченко В.М.</i> Политическая наука о ключевых вызовах современности: принцип социальной справедливости в государственной политике России	76
<i>Цветкова О.В.</i> Концептуализация государственной политики нациестроительства в современной России	84
<i>Козиков И.А.</i> К истории формирования факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова	94
<i>Моцелков Е.Н.</i> К истории институционализации политологии в Московском университете	98
<i>Соловьев А.И.</i> В ногу со временем	108
<i>Юрченко И.В.</i> О значении предметного поля политической науки в региональном измерении	118
<i>Вилков А.А.</i> Основные тенденции формализации требований к подготовке политологов в российских госстандартах	131
<i>Дроботушенко Е.В.</i> Политологическое образование и политическая наука в Забайкальском крае: история становления и развития . .	138
<i>Соболев В.А.</i> Вклад А.М. Ковалева в развитие политической науки и образования в России	146
<i>Рыхтик М.И.</i> О перспективах политологического образования в российском региональном университете	153

Коваленко Валерий Иванович

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия), Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
e-mail: rospolit.msu@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ НОВЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные со становлением политологического образования в России, ее задачами, которые определяются вызовами современного развития политических процессов и их адекватного осмысления в науке. Ставятся, в частности, вопросы об оптимизации теоретических и прикладных аспектов в политологии, об усилении внимания к разработке так называемых отраслевых политик. Особое внимание сосредоточено на необходимости выявления глубинных оснований цивилизационных характеристик России, их учета в теоретических исследованиях и вузовской практике. В этой связи выделяются вопросы природы и возможностей социальной демократии, морального императива в политике, инвентаризации категориального аппарата отечественной политической науки.

Ключевые слова: Политологическое образование, теоретические и инструментальные возможности политической науки, социокультурные основания политического процесса

Kovalenko Valeriy Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor, Head Department of Russian Politics Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, (Russia), Honored Worker of Higher Education Russian Federation

ON THE POSSIBILITY OF NEW DIMENSIONS OF THE SUBJECT FIELD OF POLITICAL SCIENCE

Abstract: The article examines issues related to the formation of political science education in Russia, its tasks, which are determined by the challenges of the modern development of political processes and their adequate understanding in science. In particular, questions are raised about the optimization of theoretical and applied aspects in political science, about increasing attention to the development of so-called sectoral policies. Particular attention is focused on the need to identify the deep foundations of the civilizational characteristics of Russia, to take them into account in theoretical research and university practice. In this

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

regard, the author highlights the issues of the nature and possibilities of social democracy, the moral imperative in politics, the inventory of the categorical apparatus of domestic political science.

Keywords: Political science education, theoretical and instrumental capabilities of political science, socio-cultural foundations of the political process

Первые отчетливые политические представления в России восходят еще к XI веку («Слово о законе и благодати» Илариона, первого митрополита из русских). Уже тогда были заложены основания самобытной отечественной политической традиции, в центр внимания поставившей вопрос о судьбах России, ее месте в истории, характере власти, отношений с Западом и Востоком. Эти вопросы, вплетаясь в более общие религиозные, историософские представления, и в дальнейшем напряженно переживались русскими мыслителями¹. Позже стало возможным говорить о развитии политической философии в стране. Предпринимались, вместе с тем, и неоднократные попытки институционализации политической науки и политологического образования².

Свое объемное воплощение становление политической науки и политологического образования получило впервые в Московском университете³. Уже с момента его создания в 1755 году М.В. Ломоносовым и И.И. Шуваловым в его структуре в числе десяти первых кафедр была и кафедра политики⁴. Первый систематический курс политики стал

¹Подробнее о различных аспектах отечественной общественной мысли см.: *Шириянц А.А.* Из истории политики и общественной мысли: монография, статьи и выступления. М.: Издательство Московского университета, 2022.

²Подробнее о попытках институционализации политической науки и политологического образования см.: *Соболев В.А.* История политической науки в России: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2022.

³См. подробнее: *Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835)* / Под. ред. А.Ю. Шутова. М.: Аспект Пресс, 2009; *Очерки истории политической науки в Московском университете (1835–1922): Материалы к спецкурсу* / Под. ред. А.Ю. Шутова. М.: Альфа-М, 2011.

⁴*Ломоносов М.В.* Письмо И.И. Шувалову [Об организации Московского университета] // *Ломоносов М.В.* В университете должен быть профессор политики...: сб. материалов и исследований к 260-летию проекта М.В. Ломоносова об учреждении Московского университета / Общ. ред.

читаться в университете с 1764 года¹. Позже Указом Александра I от 5-го ноября 1804 года в Московском Императорском университете было создано отделение (факультет) нравственных и политических наук². И хотя впоследствии имели место многочисленные перестройки, а в николаевское время факультет, вызывающий подозрения охранительных структур, был закрыт, развитие политической науки в стране не прервалось, хотя подчас и осуществлялось в превращенных формах, нередко находя свое воплощение в рамках предметного поля других научных дисциплин (прежде всего, юриспруденции).

Утверждались и традиции, в значительной степени отличавшие отечественную политическую мысль от начавшей развиваться с конца XIX — начала XX века политической науки на Западе³. Если для американской политологии, занявшей на многие десятилетия доминантное положение в политической науке, изначально были характерными установки, восходящие к канонам социологических разработок, юриспруденции (отчасти — психологии), то политические мыслители России (за немногими исключениями — насле-

и вступ. ст. А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 30.

¹О специфике политической науки XVIII века см.: *Шутов А.Ю.* Предмет политической науки: взгляд из XVIII века // Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки: Торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущественной Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой, 1771 г. апреля 22 дня / Общ. ред. и вступит. ст. А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 6–16.

²Подробнее о развитии политологического образования в этот период см.: *Нравственно-политический факультет Московского университета: 1804–1835* / Отв. ред. А.Ю. Шутов. М.: Издательство Московского университета, 2014; *Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения Московского университета (1804–1835)* / Предисловие А.Ю. Шутова. М.: Альфа-М, 2010.

³Разработка проблем политики и преподавание соответствующих курсов в Европе, впрочем, начала осуществляться в Европе задолго до этого. Первые кафедры нравственности и политики стали возникать в университетах Германии еще в XVI столетии. И в России изначально за основу была избрана немецкая модель образования. Не случайно поэтому, что в числе первых профессоров политики в Московском университете были ученые из Германии (фон Шлёцер и др.).

дие М.Я. Острогорского, А.С. Яценко и др.) ориентировались в большей степени на разработку более общих концептов — проблему смыслов, политико-антропологических измерений бытия, исторических судеб страны и т.п. Свое инструментальное выражение политическая проблематика в стране приобретала в большей степени в практически-политических форматах, представленных в основном идеологами разного рода оппозиционных течений, оказав, впрочем, огромное влияние на политический процесс¹. Показательно, что когда крупный американский социолог Д. Белл в середине 60-х годов прошлого века сформировал и опубликовал список идей, повлиявших в наибольшей степени на научное, техническое и общественное развитие мира в двадцатом столетии, он включил в него, в частности, теорию авангардной партии нового типа В. Ленина и доктрину «перманентной революции» Л. Троцкого. В целом же своего полного академического оформления политическая наука в стране не получила — ни в дореволюционный период, ни в российском зарубежье, ни в советские времена². Ситуация стала кардинально меняться лишь на излете «перестройки».

Актом официальной институционализации политологии можно считать постановление ГКНТ СССР от 4 ноября 1988 г. за № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников», куда были включены специальности по политическим наукам. По приказу ВАК при Совете Министров

¹Подробнее о различных форматах и течениях при становлении политической науки в СССР см.: *Соболев В.А., Ширинянец А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42; *Шутов А.Ю., Соболев В.А.* Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 28–38.

²Разработки политологического толка в советское время осуществлялись исключительно в рамках марксистской парадигмы. «Стиль и слог» этих публикаций, их методологические подходы в целом соответствовали господствовавшей в ту историческую эпоху идеологии, задававшей «дозволенные» принципы и форматы рассмотрения обществоведческой проблематики. Тем не менее, они так или иначе поддерживали (и во властных структурах, и в научном сообществе) значимость осмысления природы актуальной политической среды, характера международных отношений, принципов политического действия.

СССР за № 1 от 25 января 1989 г. номенклатура, утвержденная ГКНТ, была принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров¹.

Постановление ГКНТ и приказ ВАК открыли путь к созданию инфраструктуры, необходимой для становления и развития современной политической науки, а также соответствующей системы образования. Осенью 1990 г. в ВАК был утвержден первый экспертный совет по политическим наукам, тогда же стали появляться и специализированные диссертационные советы по политологии. В среднем в стране ежегодно действовало до 60 советов (к настоящему моменту их число резко сокращено). После начала защит докторами политических наук стали более 800 человек, а число кандидатов наук превысило к настоящему моменту уже 5 тысяч. Естественно, что в предметном поле политологии активно проявляют себя и специалисты, получившие ученые степени по другим научным направлениям (как правило, это философы, социологи, юристы и историки).

Постепенно в вузах России стали создаваться кафедры и отделения политологии, преподаваться учебная дисциплина «Политология»². Самостоятельные научные школы стали складываться не только в классических университетах (таких, как МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ), но и в специализированных вузах (МГИМО(У) МИД РФ, ГУ-ВШЭ, РУДН, РАНХиГС). Достаточно быстро такие школы начали формироваться не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и во многих других городах (Казань, Краснодар, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Пермь, Саратов и др.). Разработка проблем политической науки уже с начала 1990-х гг. стала активно осуществляться и в системе РАН (ИНИОН, Инсти-

¹ См. подробнее: *Пляйс Я.А.* О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 1. С. 9–32.

² См., например: *Гуторов В.А.* Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 9–29; *Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 5–20; *Шестопал Е.Б.* Трансформация политологического сообщества в постсоветской России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1999. № 1. С. 23–39.

тут социологии, Институт философии, Институт государства и права, Институт Европы и др.), во многих из которых были открыты отделы или сектора политологии. В стране насчитывается значительное количество аналитических и прогностических центров, консалтинговых фирм, центров политических (чаще всего — избирательных) технологий.

Координатором политологических исследований и разработок в стране выступает ряд организаций и объединений. Следует отметить роль Российской ассоциации политической науки (РАПН), возникшей в 1991 г. Ее предшественницей была Советская ассоциация политических наук (САПН), созданная в 1969 г. на базе Ассоциации политических наук, образованной в 1960 г. Заметную роль в профессиональном сообществе играет Академия политической науки (АПН), начавшая свою деятельность с 1995 г. Свою ответственную роль уверенно утверждает Российское общество политологов (РОП), прошедшее свой первый съезд в 2014 г. В отличие от уже существующих структур РОП концентрирует усилия не только на разработке собственно научной проблематики, но и на многих других аспектах жизнедеятельности политологической корпорации (поддержка молодых исследователей, профессиональный стандарт, профессиональные лифты и др.). Общество опирается на поддержку Ассоциации работодателей в области политических профессий.

Говоря о становлении в Московском университете политологического образования¹, не могу не отметить роли профессуры отделения — Александра Митрофановича Ковалева², сочетавшего разработку проблем политической

¹ См.: Коваленко В.И. Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 1. С. 4–9.

² Подробнее о жизни и творчестве А.М. Ковалева (1923–2010) см.: Ковалев А.М. Избранное. Воспоминания об А.М. Ковалеве. М.: Издательство Московского университета, 2013; Соболев В.А. Значение идейно-теоретического наследия А.М. Ковалева для становления политологии в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 136–141; Соболев В.А., Филимонов К.Г. Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалева // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 161–168.

науки с поиском фундаментальных оснований общественного бытия; Ивана Андреевича Козикова, настаивавшего на актуализации теоретического наследия М.В. Ломоносова, В.И. Вернадского и других русских ученых-естествоиспытателей, поднимавших в своих учениях сложные проблемы оснований российской государственности и общественной жизни в целом; Маргариты Стефановны Кудряшовой, активно разрабатывавшей проблематику гуманизма; Анатолия Ивановича Костина, настойчиво проводящего идею утверждения в рамках политической науки такого перспективного направления как экополитология и внесшего огромный вклад в ее развитие.

Весомую роль сыграл мой тогдашний заместитель Евгений Николаевич Мошцелков, активно выступавший против разного рода любительских изысков и ставший сокоординатором работы по созданию первых научных программ по основным политологическим курсам.

Исключительно велика роль молодых (тогда еще) сотрудников отделения — Александра Андреевича Ширинянца, ставшего главным мотором актуализации творческого наследия русских политических мыслителей, и Андрея Юрьевича Шутова, сумевшего (во многом — через его работу в Общественно-информационном центре МГУ) задать новые импульсы работе нашего журнала («Вестник Московского университета»¹), организации на базе отделения серьезных научных дискуссий, развитию инструментальных составляющих политической науки и перспективных направлений ее развития в целом.

И, конечно же, совершенно особое место в становлении и развитии отделения (равно как и политической науки в стране в целом) занял вернувшийся в университет Алек-

¹Подробнее об истории развития Вестника см.: *Шутов А.Ю., Топычанов А.В.* К истории и современному состоянию академической периодики в области политических наук (к 50-летию журнала «Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки») // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 5. С. 7–28; *Коваленко В.И., Цыганков П.А.* Вестник политических наук во взаимосвязи времен // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 5. С. 29–49.

сандр Сергеевич Панарин, один из наиболее пронизательных политических мыслителей конца XX столетия, оставивший и завещавший нам идею особой исторической миссии России в меняющемся мире, высокой гражданственности и ответственности ученого¹.

Не могу не сказать и о позиции деканов философского факультета, в рамках которого развивалось отделение, — Александра Владимировича Панина и Владимира Васильевича Миронова, которые своей деятельностью способствовали устойчивому развитию отделения политологии, укреплению его кадрового и научного потенциала.

Первоначально отделение было образовано в составе 4-х кафедр — кафедры теоретической политологии (руководитель А.С. Панарин), кафедры истории социально-политический учений (руководитель Н.И. Бочкарев, после его кончины — Е.Н. Моцелков), кафедры политического процесса России (руководитель В.И. Коваленко), кафедры мирового политического процесса (руководитель Ю.М. Павлов). Отделение развивалось весьма динамично. Уже в 2000 году была создана кафедра политической психологии, которую возглавила основатель признанной в мировой науке научной школы профессор Елена Борисовна Шестопад. В 2002 году на базе функционирующей при кафедре политического процесса России лаборатории политического анализа и прогнозирования была создана кафедра государственной политики во главе с А.Ю. Шутовым. Имели место и другие преобразования².

Со временем все большую роль в развитии отделения стали играть выпускники факультета и пришедшие в МГУ новые сотрудники — Кирилл Михайлович Андерсон, Ольга Юрьевна Бойцова, Ирина Алексеевна Василенко, Сергей Владимирович Володенков, Артур Леонович Демчук, Татьяна Васильевна Евгеньева, Андрей Леонидович Зверев,

¹ См.: Коваленко В.И. А.С. Панарин как политический мыслитель // *Философия политики и права*. 2020. № 11. С. 174–181.

² Так, в 2002 г. в силу ряда причин две кафедры (политического процесса России и мирового политического процесса) были объединены в кафедру мировой и российской политики. Короткое время в рамках отделения функционировала кафедра экономической политики.

Алексей Александрович Зоткин, Анна Валерьевна Мыркова, Валерий Николаевич Расторгуев, Юрий Ивлоневич Шелистов и другие. К преподаванию на отделении широко привлекались известные специалисты в области и политической теории, и практической политики.

Московский государственный университет в реализации своей исторической миссии никогда не ограничивал себя границами московского ареала. Он всегда определял себя как флагман российской науки, его ученые внесли огромный вклад в развитие научного знания в мире в целом. Естественно, что мы, сотрудники вновь созданного отделения, стремились соответствовать этим высоким требованиям. За годы существования отделения нами были подготовлены многие десятки докторов и кандидатов наук¹, сотни специалистов для работы в регионах. Довольно значительным был и удельный вес иностранных учащихся. Были существенно расширены и углублены связи со становящимися научными коллективами политологов в Москве и России в целом. Через механизмы УМО по классическому университетскому образованию мы дали путевку в жизнь образующимся в университетах страны кафедрам политологии. Отделение политологии играло определяющую роль в разработке первых поколений Государственного стандарта по политологии.

Как автор настоящей статьи я не выполнил бы, однако, стоящей передо мною задачи, если бы ограничился только рассмотрением проблем организационного порядка. Главное (и мы это хорошо осознавали) было все же в другом.

Политологи России сегодня активно разрабатывают широкий круг вопросов, которые связаны с осмыслением специфических черт политической среды и «человека политического», их влияния на развитие общества и его отдельных компонентов; с анализом основных тенденций современного мирового политического процесса и перспектив глобальных социально-политических изменений; с совершенствованием понятийно-категориального аппа-

¹ На базе отделения было создано два совета по защите кандидатских и докторских диссертаций.

рата и методологического инструментария политической науки; с развитием технологии и техники эмпирических политических исследований, способов и методов политической мобилизации. Значительное место в политологических исследованиях занимают вопросы, связанные с российской проблематикой (особенности отечественной политической традиции, социокультурные основания политического процесса в стране, историческая память, особенности взаимодействия государства и общества, власти и бизнеса и др.). К сегодняшнему дню можно определенно констатировать, что политологическое сообщество в стране вполне сложилось и обрело состояние своего устойчивого развития.

Вместе с тем, проблемными остаются многие содержательные стороны политической науки. Одним из центральных при этом, естественно, выступает вопрос о самом ее предмете, ее базовых характеристиках и важнейших критериях, ее месте среди других гуманитарных и социальных дисциплин. Хотя в современной научной литературе, как зарубежной, так и отечественной, нет единой общепризнанной позиции в отношении всех этих вопросов, в целом можно констатировать, что предметом изучения политической науки является мир политического во всей его тотальности, в контексте исторического развития и реальной социальной действительности, а также взаимодействия и переплетения различных социальных сил¹.

В известном смысле политология выступает как междисциплинарная научная дисциплина, она открыта влиянию на нее со стороны других социальных и гуманитарных (отчасти — и естественных) наук. Это вполне оправданно, так как мир политического существует не в изоляции, он тесно переплетается с историей, культурой, сферой экономики, социальными и духовными феноменами и т.п. Политология обязана учитывать и все нюансы практической политики с ее неизбежными конъюнктурными аспектами,

¹ Более подробно см.: Политическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 203–204.

амбициями политических лидеров, стремительно меняющейся динамикой политических процессов.

Все это в совокупности обусловило значительные сложности в определении предметного поля политической науки, рождая подчас сомнения в ее научной самостоятельности и состоятельности. В ходе ее институционализации в стране довольно распространенными были представления о том, что политология имманентно чужда «мертвящему» академизму, что преподавание политологических курсов нужно осуществлять исключительно по «Собачьему сердцу» М. Булгакова или по «Бесам» Ф. Достоевского. Предстояла огромная работа по преодолению подобных представлений, утверждению необходимого категориального аппарата, основных составляющих политологического знания.

В этих условиях естественным было обратиться к основаниям политологических разработок тех стран, в которых политическая наука уже приобрела свое дисциплинарное закрепление.

Европейская наука о политике своими корнями восходит к традициям античной политической мысли (труды Аристотеля, Платона, Цицерона и др.). В качестве первого мыслителя, идеями которого в принципиальном плане еще в эпоху Возрождения был задан вопрос о выделении политических исследований в самостоятельное направление, принято считать Н. Макиавелли. Дальнейшее свое развитие политические представления получали в политических работах многих выдающихся ученых Нового и Новейшего времени: Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, Э. Бёрка, Д. Милля, К. Маркса. Со временем стал проявляться все больший интерес и к идеям Заратустры, Конфуция, Лао-цзы и других восточных мыслителей. Предпосылки для формирования политической науки и ее выделения из общей системы гуманитарного и социального знания к середине XIX века в целом были созданы. У А. де Токвиля были все основания говорить о необходимости создании «новой политической науки для нового мира», которая способна выйти за рамки традиционного юридического формализма и исторических обобщений, быть обогащенной

необходимым социологическим материалом и развиваться как самостоятельная отрасль научного знания.

Формальным началом политической науки как самостоятельной научной дисциплины в Европе принято считать создание в первой половине XIX века правовой школы — *Staatslehre* — в Германии, опирающейся на идеи И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, появлением позже политико-социологических и политико-философских работ М. Вебера и К. Шмитта. В США кафедра «История и политическая наука» была создана в 1857 года в Колумбийском колледже. В 1903 году была учреждена Американская ассоциация политических наук. В Великобритании политическая наука в качестве самостоятельного научного направления определилась с конца XIX века с момента основания Лондонской школы экономики и политической науки при Лондонском университете. Во Франции политическая наука особенно активно стала развиваться после Второй мировой войны такими возникшими в этот период учреждениями, как Национальная административная школа, Институт политических исследований при Парижском университете. Национальный фонд политических наук, Французская ассоциация политических наук.

Вместе с тем, со временем встал вопрос о необходимом упорядочении, систематизации политологического знания, выявления неких его общих знаменателей. Важную роль в решении этого вопроса сыграла Международная конференция по вопросам политической науки, организованная по инициативе ЮНЕСКО в Париже в 1948 году. В принятом на конференции специальном документе впервые была предпринята попытка систематизировать составные элементы и разделы политической науки. Были выделены следующие ее разделы: 1. Политическая теория: а) политическая теория, б) история идей. 2. Политические институты: а) конституция, б) центральное управление, в) региональное и местное управление, г) публичная администрация, д) экономические и социальные функции управления, е) сравнительный анализ политических институтов. 3. Партии, группы и общественное мнение: а) политические партии, б) группы и ассоциации, в) участие граждан в управлении и администрации, г) общественное мнение. 4. Международ-

ные отношения: а) международная политика, б) политика и международные организации, в) международное право¹. В последующем (отчасти — и параллельно) шло бурное развитие и других направлений политологического знания — политической социологии, политической психологии, политической антропологии, политической географии, геополитики. В последние годы существенно возрос интерес к проблемам экополитологии и политической глобалистики, политической этики. Продолжает сохранять (и даже усиливать) свое значение политическая философия.

Естественно, что все эти наработки были всемерно осмыслены и учтены становящимся политологическим научным сообществом России. Вместе с тем, в отечественной политической науке изначально высветились некоторые специфические «узлы натяжения», сложности, требующие своего разрешения.

На одно из первых мест выдвинулась проблема соотношения теоретических и прикладных (инструментальных) аспектов политической науки.

В принципе эта проблема определяла себя издавна. В истории политической мысли принято выделять две линии. Первую из них можно обозначить условно как «линию Аристотеля», который «мир политического» во многом сопрягал с ценностными его измерениями. Вторая — «линия Макиавелли» — мир политических технологий. В России для становящейся политологии этот вопрос имел особое значение. В Советском Союзе в науках обществоведческого цикла сфера политического в большей мере рассматривалась в предметных измерениях философии, и именно философские факультеты и отделения первоначально стали в стране базой подготовки политологических кадров. Обращенная к осмыслению глубинных оснований мироздания философия в силу своей природы не могла в полной мере вооружить исследователя методологическим инструментарием, требуемых политическим знанием. Отчасти в советский период проблематика государственного управления, методов политической работы и т.п. разрабатывалась в си-

¹ См.: Политическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 206.

стеме научных и образовательных учреждениях правящей партии с ее перегруженностью соответствующими идеологиями и жесткими официальными предписаниями. Дело, однако, не сводилось только к этому.

Сама смена политической и социально-экономической системы страны с утверждением многопартийности, острейшей конкуренцией между новыми политическими акторами, новыми (и неотлаженными) механизмами взаимодействия власти и бизнеса и т.д. и т.п. — все это требовало новых разворотов политической науки, связанных с оснащением технологического сопровождения политического действия. Возникла необходимость в разработке таких направлений, как политический менеджмент, политический маркетинг, методика сценариев политического развития, GR и PR кампании, технологии политической мобилизации и многое другое. Политология в этом смысле в большей степени стала напоминать отраслевую структуру юриспруденции, где наряду с солидной теоретической разработкой в правовой проблематике серьезное внимание уделяется и исследовательским задачам прикладного толка.

Актуализация инструментальных возможностей политической науки была ожидаемой и во многом оправданной. Ход общественного развития вполне убедительно свидетельствует о том, что односторонняя ориентация на теоретические и аксиологические стороны политики делает общество слабым в технологическом отношении. И задача политической науки во многом и заключается в том, чтобы вырабатывать рекомендации концептуального толка, могущие задать импульсы необходимым политическим решениям. Проблема, вместе с тем, резко обозначилась в другом отношении.

Ставка лишь на политические технологии, маня искусством мнимой эффективности ближайших политических результатов и выгод, с неизбежностью оборачивается непрофессионализмом и очень часто — даже профессиональным крахом. К сожалению, в определенной степени это проявилось и в молодом политологическом сообществе России. Утрата необходимого пиетета к теоретическим основаниям политологического знания, затронувшая часть работа-

ющих в практически-политической сфере¹ (особенно в организации избирательных кампаний), сопровождавшаяся во многих случаях ростом откровенной беспринципности и даже прямого цинизма, стала оборачиваться дискредитацией политической науки и реально грозила профессиональному сообществу политологов (к которому к тому же настойчиво причислял себя каждый желающий) утерей своего научного статуса. Потребовалась напряженная работа по преодолению представлений о механической смене приоритетов и нахождению необходимого оптимума в сочетании теоретических и прикладных аспектов политической науки. К настоящему моменту острота этой проблемы в значительной степени снята, но она по-прежнему требует к себе повышенного внимания.

Другой серьезной проблемой для отечественной политической науки стала необходимость коррекции стоящих перед ней исследовательских задач и даже уточнения предметного поля политологии в целом.

«Мир политического» трактуется в науке по-разному. Его ядром, безусловно, выступают проблемы власти и властных отношений, соответствующая характеристика политических институтов, политических идеологий и пр. Соответственно природа политических изменений и шире — пружины общественного развития сводятся к характеристикам преимущественно самой политической сферы. Естественно, что на первый план выдвигаются такие вопросы, как природа и типы политических систем, политической культуры, парламентаризма, политических элит, политических партий, электоральное поведение граждан и т.п. Существуют, между тем, и другие точки зрения, отражающие несколько иную логику.

Так, крупные реформы, которые многократно проводились в нашей стране, свидетельствуют о необходимости более объемного осмысления проблемы. Можно вспомнить, в частности, о пакете крупномасштабных реформ 60–70-х го-

¹ В первой половине 90-х годов при разработке Государственных образовательных стандартов по политологии нередко были даже требования освободить студентов от какой бы то ни было «теоретической дохлятины».

дов XIX века, включавшем в себя аграрную, судебную, земскую, военную и другие реформы. Вопрос о преобразовании собственно политической системы встал, однако, только на излете этих реформ (проект так называемой конституции М.Т. Лорис-Меликова), да и он не получил своей реализации. Тем не менее, в результате этих реформ страна приобрела новое качество политической жизни, появились новые субъекты политического действия. Иными словами, подтвердился тезис о том, что действительно значимая реформа, обладая колоссальным политическим потенциалом, должна носить многообразный характер, предусматривать изменение всех основных структур жизнедеятельности человека и общества.

В этих условиях существенно возрастает роль государственной политики в целом, отраслевых ее выражений в частности. Последние на первых этапах политической науки занимали в теоретических разработках достаточно периферийное положение. Негласно подразумевалось, что определением задач энергетической, транспортной, экологической, промышленной политики должны заниматься соответствующие специалисты — финансисты, управленцы, инженеры. Филиппики Запада по поводу «Северного потока-2» как «новом издании пакта Молотова-Риббентропа»), санкции, масштабно вводимые сегодня в отношении России, показали, тем не менее, всю значимость именно политического звучания этих проблем.

Политическая наука, конечно же, не претендует на технологическую разработку отраслевых проблематик, но выбор приоритетов, определение необходимых стратегем лежат в плоскости политических решений. Эта задача не может быть решена с позиций узкоспециализированного видения, она выступает стержневой для государственной политики, интегрирующей концептуальные разработки теоретиков и практиков. И к настоящему моменту в политологическом сообществе уже в полной мере наступило осознание того, что политическая наука, будучи естественным фундаментом государственной политики, должна существенно переосмыслить свое предметное поле, активнее

проявлять себя на «стыковых» направлениях научного знания и практической политики¹.

Более сложные задачи стоят, однако, в определении теоретико-методологических оснований отечественной политической науки.

В учебных планах политологических факультетов в классических университетах Запада изучению соответствующей национальной проблематики уделено в среднем до 60-ти процентов учебного времени. Многие из выпускников идут на государственную службу, на работу в разного рода административные учреждения, в бизнес, где эти знания способствуют их карьерному росту. В остающейся более суженной в этом отношении академической среде соответствующие пропорции несколько меняются, но в любом случае разработка национальных оснований, характеристик и институтов политической среды, общественного мнения и т.д. остается и востребованной, и приоритетной. Естественно, что и в российской политологии эти задачи выходят на одно из самых центральных мест, причем основным здесь выступает заостренность не только и не столько на объектной стороне собственно, но, прежде всего, на особенностях и качестве используемой исследовательской методологии.

Вопрос для политологического сообщества определился как крайне серьезный, ибо в обществоведческом знании, казалось бы, вполне абстрактные, на первый взгляд, методологические установки имеют обыкновение неизменно и всегда наполняться вполне определенным социально-политическим звучанием.

Так, согласно методологии марксизма история предстает как последовательная и закономерная смена общественно-экономических формаций с ее диалектикой производи-

¹ Собственно, о такой эволюции предметного поля политологии можно судить по меняющемуся перечню научных специальностей, утверждаемых ВАК Российской Федерации, который уже после сдачи настоящего материала в печать выражен в следующем формате: 5.5.1. История и теория политики. 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии. 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики. 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования. Третья из этих специальностей была введена впервые.

тельных сил и производственных отношений, требующей определения основных носителей новых отношений и их противников. В центр рассуждений, таким образом, ставится выявление исторической миссии того или иного класса, а вся история (в ее сути) изображается как арена классово-борьбы. Преимущественное внимание в историческом анализе обращается поэтому на характер социально-экономических противоречий, социальные движения протеста, программатику и выступления политической оппозиции, революционные сдвиги и т. д.

Парадигма классического либерализма с его пиететом к личностному раскрепощению индивида, правам человека в своем понимании истории ставит в центр исторический процесс обретения политических свобод, выстраивания зрелых правовых институтов, утверждения соответствующего институционального дизайна в политической системе общества.

Методология технологического детерминизма, широко распространенная во второй половине двадцатого века, отводит роль демиурга общественных отношений технике, тем самым придавая ей статус социально определяющей силы. Соответствующим образом в техницистских теориях определяются и узловые точки общественного прогресса, и те социальные силы, которые способны логику этого прогресса воплотить в существующую реальность.

Свои основания и пружины исторического бытия и соответственно свой понятийный ряд предлагает и религиозное мировоззрение во всех его различных проявлениях.

Более того, перед российской политологией в этой связи обозначился вопрос, активно обсуждавшийся в философской мысли еще с XIX века — о различиях «наук о природе» и «наук о культуре». Вопрос для политологии крайне принципиальный, ибо в общественном знании истины не имеют своего аксиоматического характера. Если в естественных науках положение «дважды два — четыре» выступает как безусловное, во всяком случае, в постулатах классической математики, то в политологии, вопрос о пружинах политического развития, его основных факторах, его субъектах и пр., в громадной степени определяется историческими обстоятельствами, национальными особенностями, харак-

тером политической культуры и многим другим. В этом смысле в методологии политической науки особую значимость приобретает проблема универсалий и национальной специфики, и в дискуссионном поле в ходе становления отечественной политической науки именно эта проблема проявилась в самых крайних своих «измерениях».

На первом съезде Российского Общества Политологов отмечалось: «Когда в условиях ценностного вакуума, слова прежней ценностной системы появилась потребность в новых инструментах, мы попытались заимствовать западную модель общественных наук, в том числе политической науки. Мы использовали термины западной политологии... Мы переняли прежде всего некие доктрины, идеологизировали их..., не придавая должного значения вопросам научности, идеалов и норм научности, процедур и норм научного исследования»¹.

Проблема стала выходить за свои академические рамки. Со временем становилось все более явственным, что механистическое перенесение теоретико-методологического инструментария политологической науки Запада на отечественную почву способствует реанимированию взглядов на Россию как на бессодержательное географическое пространство, которое может быть заполнено любым — экономическим, социальным, политическим, ментальным — содержанием. Определенной частью политологов (и не только) как главная стала формулироваться задача — «прорвать защитные бастионы русской культуры». В этих условиях в политологическом сообществе страны стала все отчетливее выкристаллизовываться иная позиция.

В опубликованной уже в 1999-м году книге «Спротивление материала» отмечалось: «“Российский феномен”, сколь бы “неправильным” он ни казался с точки зрения нормативного западного опыта, вновь удручающе и грозно продемонстрировал свою неместимость в имеющиеся стандарты политического управления, восприятия и ожиданий.

¹ Клемешев А.П. Российское политологическое образование: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 5. С. 40–41.

Конечно, нет никаких оснований полагать, что (за... годы реформ. — В.К.) в нашей стране ничего не изменилось. Изменениям и сдвигам нет числа, в том числе и в такой априорно устойчивой к новациям сфере, как национальная психология и модели мышления и поведения граждан. Тем не менее, размышлять о проблеме сопротивления реформам, которое исходит не просто от отдельных “реакционных” социальных, политических и иных групп, а от “исходного российского материала”, в целом уместно и необходимо. Это важно, прежде всего, в методологическом отношении — в той мере, как точно выверенный учет этого сопротивления предстает совершенно необходимым условием проведения рациональной (а не романтически оторванной от жизни) реформистской политики в России. И напротив, продолжение попыток “продавливать” либеральный курс при игнорировании устойчивых “конструктивных” особенностей российских реалий в сфере политической психологии, экономико-социальных и иных отношений обрекает инновационные импульсы на фронтальное противостояние с действительностью, расчеты на одномоментное перерождение которой являются лишь немногим менее опасной утопией, чем учиненный в 1917 г. над нашей страной большевистский эксперимент»¹.

В глубинном теоретическом плане вопрос восходит к разному пониманию концепта «цивилизация». В интересующем нас отношении можно выделить два подхода к определению его содержания: ее «особости» с точки зрения отличительных социокультурных составляющих, с одной стороны, и ее встроенности в общий ход мирового развития — с другой.

Еще этосом эпохи Просвещения была задана линия, нацеленная на отстаивание единства мировой истории, поступательно-прогрессивного характера ее развития, означавшая резкий разрыв с представлениями Средневековья. Последующие ее разработки соответствовали настроением тогдашней либеральной интеллигенции России и мира; в

¹ «Сопротивление материала». Международные нормативы на российской почве. М.: МОНФ, 1999. С. 7.

специфических своих преломлениях такого рода установки нашли воплощение и в теоретико-методологических основаниях социалистических учений. Эти идеи во многом отражали действительную логику исторического процесса. Кто будет отрицать, что ступень собирательства в движении человечества уступает ступени земледельческой, что индустриальная цивилизация по своему потенциалу уступает цивилизации информационной? Впереди, несомненно, — новые витки и ступени цивилизационного развития. И сегодня было бы непростительным упрощением отрицать то, что мировая история — это подлинно общецивилизационный поток, в который включены все народы, страны и регионы нашей планеты.

Не менее важным следует, однако, признать и то, что в этот поток страны и народы входят со своей уникальной культурой, мироощущением, неповторимым историческим опытом. Все более уверенно в науке стали поэтому заявлять о себе возможности и другой парадигмы, восходящей во многом к разработкам Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби. Возможности, которые (в современных, конечно же, интерпретациях) позволяют отойти от установок на структурно-функциональное «сжатие» социальных реалий, цивилизационную унификацию мира, уже не способных сегодня адекватно отвечать потребностям общественного прогресса. Моносистема, как фиксируется в разработках естественных наук, — всегда смерть системы, путь к социальной атрофии и энтропии.

В области политологии данная проблема конкретизировала себя преимущественно в вопросе о соотношении ее институциональных и социокультурных оснований политической жизни.

С одной стороны (и это было важным для отработки концептуальных оснований трансформирующейся в России политической системы), осознавалась значимость институционального аспекта, определяющаяся тем, что оптимальное развитие демократии напрямую связывается с выбором правильной стратегии конституционного строительства, с «правилами игры», принимаемыми политическими субъектами, которые формируют таким образом институциональ-

ный контекст собственной деятельности. Понятно, что как стержневые в такой парадигме выступают вопросы выявления некоторого инварианта в функционировании власти и властных отношений, утверждения известных стандартов в сфере политики и других областях общественной жизни. В русло такой парадигмы вполне вписываются и идеи модернизации, развития, социальной динамики и т.п.

Со временем, однако, как не менее важный, определился и вопрос, а что, собственно, изменяется, каков субстрат этих изменений, каковы его субстанциональные характеристики¹. В этой связи в политической науке закономерно стала формулироваться задача социокультурной реабилитации пространства, разработки соответствующей социально-политической теории. Уместно и плодотворно стало говорить поэтому не только о комплексе единых норм и ценностей, но и о комплексе ценностей национальных. Задолго до того, как это прозвучало на официальном уровне, в политической науке стала утверждаться категория цивилизационной идентичности, подчеркиваться значимость для социального бытия таких понятий, как сопричастность глубинным традициям, основаниям и принципам отечественной истории и географии, базовым ценностям народа.

Надо признать, вместе с тем, что в политологическом сообществе, как, впрочем, и в общественном сознании россиян в целом, в отношении всех этих проблем наблюдается заметная разноголосица, достигающая подчас самых крайних

¹ Лев Тихомиров, человек сложной политической судьбы, требующей, конечно же, неоднозначной оценки, писал: «Нельзя стройно и прочно устроить жизнь нации в противность качеству материала, из которого мы строим, — подобно тому, как в постройке архитектурной материал предопределяет все: и способы достижения прочности, и доставление удобства помещений, и формы красоты стиля. Из камня строим иначе, чем из дерева, из железа иначе, чем из камня. Таким материалом в политике и социологии является дух нации, сложившийся в процессе образования ее» (Тихомиров Л.А. К реформе обновлений России (статьи 1909, 1910, 1911 г.). М., 1912. С.1–2). Многие отечественные политологи сегодня, хотя и не склонны ограничить движущие силы национального развития лишь концептом «духа нации», считают, тем не менее, что общая методологическая заостренность этого положения обладает серьезными эвристическими возможностями.

своих проявлений — от требований полной интеллектуальной автаркии до настроений безоговорочного вписывания в рамки евроатлантической парадигмы. В этом смысле можно заключить, что одним из центральных вопросов сегодня, стоящих в том числе и перед политикой, и перед политической наукой, выступает необходимость отхода от линейного дихотомического мышления, выработка принципов и механизмов взаимодействия всего того, что определяется логикой непреложных общеисторических императивов, и того, что вырастает из требований национальной традиции.

В политике тем не менее всегда было актуальным определение приоритетов политического действия. Столь же актуальной эта проблема обозначается и в такой науке, как политология.

Драматические события последних лет фактически поставили перед человечеством вопрос об утверждении в мире новой реальности. Речь при этом идет не только о сфере политики, но и вызовах, проявляющих себя во всех основных областях жизнедеятельности. Устоявшиеся институты и нормы, в течение длительного исторического времени претендовавшие на роль гаранта стабильного развития и, тем самым, на свой статус универсального образца и примера, очевидным образом демонстрируют сегодня свою неспособность эффективно противостоять новым угрозам и вызовам. Не менее важно зафиксировать и то, что сами эти образцы далеко ушли от классических своих измерений и подверглись серьезной коррозии. В рамках строя либеральных представлений, которые, собственно, и определяли в основном содержание политологического знания в мире, основополагающие ранее концепты стали стремительно утрачивать свое реальное содержание. В практической политике Запада под сомнение поставлен даже конституирующий его мироустройство принцип неизблемости «священного права» частной собственности. При этом, однако, ценности и стандарты, взращенные на определенной социокультурной почве, стратегия атлантизма предусматривает перенести на иные цивилизационные ареалы не просто методами механического насаждения, но и прямого политического и даже военного диктата.

Естественно, для отечественной политологии осмысление новых реалий стало задачей первостепенной важности. В решении все более осознаваемой политологическим сообществом потребности в создании национально ориентированной системы политической науки стала (наряду, безусловно, с разработкой самой актуальной проблематики) отчетливее проявляться проблема национальных интересов, ценностей отечественной политической традиции, духовно-нравственных измерений политики. В этих условиях поставлен и вопрос о необходимой инвентаризации категориального аппарата политологии.

В центре обсуждений такого рода сегодня — проблемы типологии политических режимов, классификации политических идеологий, природы власти, гражданского общества, характеристик и качества политической элиты, значения морального императива в политике. Разумеется, речь идет не об утверждении какой-либо особой, выпадающей из общепризнанного терминологического ряда системы понятий, но исключительно об их содержательной трактовке, их восприятии в контексте исторического самосознания народа, их конкретном ценностном звучании¹. Другими

¹ Концепты государства и гражданского общества в этом смысле весьма показательны. Ростки гражданского общества стали на Западе приобретать свою зримую форму в ходе вызревания капиталистического общественного уклада, когда для третьего сословия, становящегося нервом и центром производства, оказывались далее нетерпимыми сковывающие развитие узкие рамки абсолютистского государства. В этих условиях вполне оправданным был упор на противостояние гражданских структур государственной организации, их независимости от государства, что мощно подкреплялось субстанциональными характеристиками западноевропейского архетипа с его пиететом к индивидуализму, личностному началу. Исторические обстоятельства России были существенно иными. Задачи обретения национальной независимости от татаро-монгольской зависимости, преодоления неурядиц удельного времени властно ставили вопрос о сильной государственности; соответственно особое звучание приобрела и идея гражданственности, которая органически сливалась с идеей служения — служения государству, служения России. Наполнение идеи служения высоким духовным смыслом выступало пружиной саморазвития народного духа. Парадоксально, что при отсутствии гражданского общества в России идея гражданственности, соединенная с идеей сильной государственности, в сознании укоренена была достаточно прочно. Это с особой силой проявляло себя в годы

словами, проблема — в возможности и способности политической науки, опираясь на отечественные политические традиции, наполнить свои категории таким содержанием и смыслом, которые шли бы навстречу общественным ожиданиям, утверждению системы новых требований к качеству политической жизни.

Мерилом такого качества вполне может быть рожденная пусть и не на отечественной почве формула: «Политик мыслит категориями выборов, государственный деятель — категориями национальных интересов». Здесь и встает вопрос о предназначении политической науки. В истории политическая мысль, политическая наука в отношении власти проявляли себя по-разному. Они и стимулировали поиск новых решений, иногда через движения общественного протеста, и могли выступать и рупором охранительных идей. В любом случае политическая наука, как, очевидно, никакая иная, функционирует в рамках существующих политических отношений. В ряде случаев это рождает сомнения в ее научном статусе. Ориентиром для нее здесь единственно могут быть слова Иммануила Канта, которые в несколько перефразированном виде звучат так: Политика в любом случае останется госпожой, политология ее служанкой. Но эту роль она может выполнять двойко. Она может нести шлейф платья за своей госпожой, но может и идти впереди с факелом, освещая ей дорогу.

В этом контексте и определяется главная задача отечественной политической науки — постигать смысл непростых политических реалий современного мира, вырабатывать надежные рекомендации в утверждении состоятельности такого мощного исторического проекта, каким является проект «Россия».

Литература

Гуторов В.А. Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 9–29.

смуты, глобальных общественных потрясений. Показательно, что еще в абсолютистской России на Красной площади был воздвигнут памятник **князю** Пожарскому и **гражданину** Минину (выделено автором. — В.К.).

- Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения Московского университета (1804–1835) / Предисловие А.Ю. Шутова. М.: Альфа-М, 2010. 256 с.
- Клемешев А.П.* Российское политологическое образование: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 5. С. 39–42.
- Ковалев А.М.* Избранное. Воспоминания об А.М. Ковалеве. М.: Издательство Московского университета, 2013. 552 с.
- Коваленко В.И.* А.С. Панарин как политический мыслитель // Философия политики и права. 2020. № 11. С. 174–181.
- Коваленко В.И.* Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 1. С. 4–9.
- Коваленко В.И., Цыганков П.А.* Вестник политических наук во взаимосвязи времен // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 5. С. 29–49.
- Ломоносов М.В.* Письмо И.И. Шувалову [Об организации Московского университета] // Ломоносов М.В. В университете должен быть профессор политики...: сб. матер. и исследований к 260-летию проекта М.В. Ломоносова об учреждении Московского университета / Общ. ред. и вступ. ст. А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 30.
- Нравственно-политический факультет Московского университета: 1804–1835 / Отв. ред. А.Ю. Шутов. М.: Издательство Московского университета, 2014. 64 с.
- Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835) / Под. ред. А.Ю. Шутова. М.: Аспект Пресс, 2009. 288 с.
- Очерки истории политической науки в Московском университете (1835–1922): Материалы к спецкурсу / Под. ред. А.Ю. Шутова. М.: Альфа-М, 2011. 240 с.
- Пляйс Я.А.* О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 1. С. 9–32.
- Политическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 1999.
- Соболев В.А.* Значение идейно-теоретического наследия А.М. Ковалева для становления политологии в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 136–141.
- Соболев В.А.* История политической науки в России: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2022. 200 с.
- Соболев В.А., Филимонов К.Г.* Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалева // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 161–168.
- Соболев В.А., Ширинянец А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42.
- Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 5–20.
- «Соппротивление материала». Международные нормативы на российской почве. М.: МОНФ, 1999.

- Тихомиров Л.А.* К реформе обновлений России (статьи 1909, 1910, 1911 г.). М., 1912.
- Шестопал Е.Б.* Трансформация политологического сообщества в постсоветской России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1999. № 1. С. 23–39.
- Шириняц А.А.* Из истории политики и общественной мысли: монография, статьи и выступления. М.: Издательство Московского университета, 2022. 832 с.
- Шутов А.Ю.* Предмет политической науки: взгляд из XVIII века // Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки: Торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущественной Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой, 1771 г. апреля 22 дня / Общ. ред. и вступит. ст. А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 6–16.
- Шутов А.Ю., Соболев В.А.* Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 28–38.
- Шутов А.Ю., Топычанов А.В.* К истории и современному состоянию академической периодики в области политических наук (к 50-летию журнала «Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки») // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 5. С. 7–28.
-

Кочетков Александр Павлович

доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета
политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

e-mail: apkoch@mail.ru

О ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИИ

Аннотация. *Задачи:* Целью статьи является анализ истории и практики присуждения ученых степеней в странах мирового сообщества и России, определение целесообразности введения в нашей стране при защите диссертаций системы PhD. *Методы:* Используются методы сравнительного анализа и историко-системного подхода, позволившие проанализировать становление и развитие системы присуждения ученых степеней в России и странах мирового сообщества. *Полученные результаты:* Проведенное исследование показало возможность внесения некоторых изменений в процедуру присуждения ученых степеней в России. Однако существующая двухступенчатая система ученых степеней (кандидат и доктор наук) является приемлемой для России и соответствует нашим научно-историческим традициям.

Ключевые слова: научные кадры, политическая наука, практика защиты ученых степеней, система PhD, Россия, страны мирового сообщества

Kochetkov Aleksandr Pavlovich

doctor of philosophical science, Professor at the Department of Russian Politics
Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University

e-mail: apkoch@mail.ru

ON IMPROVING THE QUALITY OF SCIENTIFIC PERSONNEL TRAINING IN RUSSIA

Abstract. *Tasks:* The purpose of the article is to analyze the history and practice of awarding academic degrees in the countries of the world community and Russia, to determine the feasibility of introducing the PhD system in our country when defending dissertations. *Methods:* The methods of comparative analysis and the historical-systematic approach were used, which allowed us to analyze the formation and development of the system of awarding academic degrees in Russia and the countries of the world community. *The obtained results:* Of the study showed the possibility of making some changes in the procedure for awarding academic degrees in Russia. However, the existing two-stage system of academic degrees (Candidate and Doctor of Sciences) is acceptable for Russia and corresponds to our scientific and historical traditions.

Keywords: scientific personnel, political science, practice of defending academic degrees, PhD system, Russia, countries of the world community

Политическая наука как самостоятельное научное направление существует в современной России уже больше 30 лет. За

это время среди ученых-политологов периодически возникали дискуссии о том, как повысить качество подготовки научных кадров, усовершенствовать систему защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора политических наук. [Бедный, Миронос, Жданова, 2013; Петров, Матушкин, Ташкинов, Кузнецов, 2007; Сулейманова, 2015].

За прошедшее время в диссертационных советах ряда вузов периодически возникали скандалы, вызванные тем, что эти советы выпускали «фальшивые диссертации», которые не соответствовали необходимому научному уровню и в которых было много плагиата. Все это дало толчок для широкой дискуссии о необходимости кардинального реформирования всей системы подготовки ученых в России. Уничтожающей критике подвергалась практика работы диссертационных советов, двухступенчатый порядок (кандидат — доктор наук) присуждения ученых степеней. При этом многие считают панацеей решения всех проблем подготовки научных кадров введение системы PhD, давно утвердившейся во многих странах мира. [Садков, Аронов, Машегов, 2005; Бордовский, 2014].

Рассмотрим более подробно данную проблему. Сначала немного истории. Практика присуждения учёных степеней ведёт историю со времён первых западноевропейских университетов. В XII в. степень «доктор права» была присуждена в Болонском университете, «доктор медицины» — в Салернском институте (Италия). В XIII в. Парижский университет ввёл степень «доктор богословия». Первоначально наименования «доктор» (лат. *doctus* — «учёный») и «магистр» (лат. *magister* — «учитель») были близки друг другу и взаимозаменяемы. Степени «доктор» предшествовала степень «лицензиат» (лат. *licenciatus* — «имеющий право»), получение которой предполагало сдачу экзамена и представление письменной работы, а степени «магистр» — «бакалавр» (позднелат. *vassa-laureus* — «увенчанный лаврами»), присуждавшаяся лицам, успешно сдавшим экзамен по специальности. [Исмаилов, 2009].

Иерархическая система степеней «магистр» — «доктор» сложилась в XV–XVII вв. При корпоративной организации университетов степень «магистр» давала право на замещение должности преподавателя лишь в стенах определённо-

го университета, тогда как присвоение степени «доктор» было предпосылкой самостоятельного ведения учебной и исследовательской работы.

Сегодня в странах англосаксонского мира действует система одной докторской степени — PhD. Расшифровывается она как «доктор философии» (*doctor of philosophy*), но это не значит, что ее обладатель — обязательно философ. Дело в том, что в средневековой Европе университет, как правило, имел четыре факультета: теологии, права, философии и медицины. Соответственно, по традиции докторские степени присваиваются по этим четырем направлениям до сих пор, а наука в современном смысле имеет своей парадигмой философию. Иначе говоря, возможен «доктор философии по физике» или «доктор философии по математике». Эта степень присуждается после трех лет обучения в аспирантуре. Ранее ее всегда приравнивали к нашему «кандидату наук». [Преподаватель University of East Anglia об особенностях получения PhD в США, Великобритании и России, 2009].

Во Франции и странах, использующих французскую систему высшего образования, наименование «доктор» охватывает несколько степеней. Низшая среди них — «доктор третьего цикла» (*docteur de troisieme cycle*; таким циклом считаются 5-й и 6-й годы обучения в университете). Высшие по отношению к ней — степени «доктор университета» (*docteur de l'Universite*). С 1897 их присуждают по итогам защиты диссертации двух видов:

а) с более низкими требованиями — предназначается главным образом для иностранцев;

б) «государственный доктор» (*docteur de l'Etat*). Для ее получения требуется представление двух печатных диссертаций — главной (*these principale*) на тему, избранную диссертантом, и дополнительной (*these complementaire*) на тему, определенную факультетом.

В 1935 в Германии кроме степени «доктор наук» (наш кандидат наук) была введена степень «*Doctor habilitatus*», «хабилитированный доктор» (наш «доктор наук»), представлявшая право на замещение должности профессора университета. В университетах ФРГ в докторский диплом вносится оценка, полученная на докторском экзамене, а также оценка защиты. В ФРГ, Австрии, Италии степень

«доктор» является единственной. Во многих странах специалисту в знак признания научных заслуг может быть присуждена почётная степень «доктор наук» (*honoris causa*; сокращенно: *h.c.*) [Кадникова, Чвора, 2017].

В зарубежных университетах, организованных по образцу британских, степени «доктор» предшествует степень «магистр». В Японии степень «магистр» (*shusi*) присваивается по всем наукам. В Болгарии, Румынии, Чехии и Словакии степень «магистр» в 50-е гг. была приравнена к советской учёной степени «кандидат наук» и предшествовала степени «доктор». Во Франции, Польше, Швеции, Дании, Норвегии и большинстве стран Латинской Америки степень «магистр» присуждается по окончании университета и не требует представления специальной диссертации. В Финляндии, Греции, Испании, Португалии, Мексике и Эквадоре степени «магистр» соответствует степень «лиценциат», присуждение которой предполагает сдачу экзамена и представление печатного труда. В странах Латинской Америки, скандинавских странах, в Швейцарии система учёных степеней дифференцирована более широко: степень «лиценциат» присуждается по окончании высшего учебного заведения. В Бельгии, Нидерландах, Швеции, Дании и Норвегии ступенью к степени «лиценциат» считается степень «кандидат наук», присуждение которой свидетельствует о прохождении определённой части университетского курса.

Даже краткий обзор показывает многообразие подходов и традиций к присуждению ученых степеней в разных странах мира. В России действует «немецкая» система двух докторских степеней: кандидат наук и доктор наук. В соответствии с германо-российским межправительственным соглашением Россия и Германия признают степени друг друга. Ученую степень кандидата наук на уровне своего «доктора» признает и Франция.

Что же будет, если мы откажемся от традиционной двухступенчатой системы присвоения ученых степеней и перейдем на PhD? В СПбГУ одно время даже хотели учредить собственную степень «доктора наук/PhD». Для ее получения надо написать и защитить диссертацию объемом в 300 страниц на английском языке. Претендовать на получение степени доктора СПбГУ смогут только российские доктора и

кандидаты наук, а также магистры СПбГУ и магистры вузов, если последние входят в число 300 лучших по мировым рейтингам. Иначе говоря, из выпускников российских вузов на подобную программу могли бы поступить разве что магистр из МГУ или пары других лучших отечественных вузов.

Казалось бы, стремление СПбГУ ввести свою ученую степень, присуждаемую согласно общепринятой мировой практике вузом, можно было бы приветствовать. Тем более, в случае успеха данный эксперимент можно было бы распространить и на другие российские вузы. Но вот к каким последствиям это может привести.

1. Введение PhD в России по англосаксонскому образцу приравняет российского кандидата наук не к западному доктору, а к магистру — выпускнику вуза, окончившему магистратуру, который рассматривается в РФ как окончивший вторую ступень высшего образования, а не как получивший ученую степень. Если аналогичные решения примут и другие российские вузы, произойдет инфляция ученых степеней и их значимость еще более снизится. Казахстан несколько лет назад провел реформу своей образовательной системы, Вместо двухступенчатой схемы «кандидат — доктор» ввели западный PhD. В результате все бросились получать PhD в западных вузах (кому нужен PhD, присужденный казахстанским вузом?), что губительно сказалось на казахстанской системе подготовки научных кадров.

Если российская система образования пойдет по тому же пути, то ее ждет аналогичная судьба. Как может российская политология стать действительно профессиональной и самостоятельной, если российским политологам придется не только публиковать свои работы в первоочередном порядке в иностранных изданиях, но и писать диссертации, защищать их на английском языке? Останется только узаконить введение английского языка (а еще лучше латыни) официальным языком российской науки! В этих условиях российская наука быстро утратит конкурентоспособность и станет придатком западной научной системы.

2. PhD на Западе — это давняя историческая традиция. Есть ли российская традиция присуждения ученых степеней? О советской и постсоветской практике подготовки научных кадров уже говорилось выше. А как ученые степени

присваивались в досоветской России? В России учёные степени были учреждены в начале XIX в. С 1803 г. на философском и юридических факультетах университетов вводилась система 3 степеней: «кандидат университета», «магистр», «доктор». В 1819 Министерством народного просвещения было утверждено обязательное для всех российских университетов «Положение о производстве в учёные степени», согласно которому степень «кандидат университета» присваивалась всем выпускникам, отлично окончившим курс. Для других соискателей-выпускников присуждение этой степени предполагало написание сочинения в присутствии экзаменаторов. Магистерский экзамен состоял из 2 вопросов, докторский — из 4. На них полагалось ответить в письменной форме. Докторские диссертации было принято писать на латыни. Кандидат и доктор именовались по факультету, а магистр получал наименование по одному из 14 разрядов наук, впервые установленных в практике присуждения учёных степеней. Утверждение в степени «магистр» и «доктор» производилось министром народного просвещения [Савин, 2006].

По «Положению об испытании на учёные степени» от 1837 г. было уменьшено число вопросов на докторском экзамене, разграничены главные и дополнительные предметы магистерских испытаний. Латынь стала обязательным языком лишь для диссертаций по классической филологии и медицине. Нововведения затронули и разряды наук. Степень «доктор» без специализации сохранилась только для юристов («доктор прав»). Были учреждены степени: «доктор математических наук», «доктор естественных наук», «доктор общей словесности» и «доктор восточной словесности». «Положением о производстве в учёные степени» (1844) число разрядов наук, по которым присуждалась степень «магистр», увеличилось до 22. Латынь как обязательный язык диссертаций по классической филологии была отменена, докторские диссертации по медицине писались на латыни до 1859 г.

Университетский устав 1863 г. предоставил учёным советам право присваивать заслуженным учёным степень «почётный доктор» без защиты диссертации, а лицам, не имевшим степени магистра, и без экзамена. В 1864 г. докторский экзамен и утверждение диссертаций были упразднены министерством. Число разрядов наук увеличилось до 39, одинако-

вое для магистров и докторов. Разряды наук, определявшие специализацию учёного, в принципе стали соответствовать делению по кафедрам университетов. [Исмаилов, 2009].

В 60-х гг. XIX в. рукописные диссертации сменились печатными. В отличие от стран Западной Европы, стала практиковаться их публикация в учёных записках и трудах университетов и научных обществ, а также в отраслевых журналах. К диссертации прилагались печатные тезисы, отражающие основные научные положения, выносимые на защиту. Диссертация, не допущенная к защите одним из российских университетов, могла быть представлена в другой. Университетский устав 1884 г. упразднил степень «кандидат университета» и предоставил факультетам право в отдельных случаях присуждать степень «доктор» за магистерскую диссертацию.

Следовательно, на протяжении досоветского этапа в России сложилась традиция двухступенчатой схемы присуждения ученых степеней: магистра и доктора. В советское время степень магистра была заменена на степень кандидата наук. *Поэтому, исходя из наших давних традиций, сегодня необходимо на новом витке исторического развития вернуться к традиционной российской схеме присуждения ученых степеней магистра-доктора (это будет соответствовать и современным зарубежным аналогам).*

Прежде всего, надо провести реформу системы присуждения кандидатских степеней (неважно, будет это магистр или кандидат наук), а не уничтожать ее, как это многими предлагается сегодня. Раз уж Германия и Франция признают наших кандидатов на уровне своих докторов (то есть все тех же PhD), целесообразно опираться на это признание и работать над качеством научных текстов, а не разрушать систему в целом. Что касается степени доктора, то следует оставить право присваивать ее только крупным вузам, в которых действуют общепризнанные научные школы и центры, таким как, например, МГУ, СПбГУ, МГИМО, Высшая школа экономики, Новосибирский госуниверситет.

Чтобы поднять научный уровень диссертационных работ, не надо изобретать велосипед. Необходимо повысить требования к соискателям независимо от их должностного или социального положения на протяжении всего цикла под-

готовки диссертаций и проявлять принципиальность. Важно помнить, что какую бы систему подготовки научных кадров мы не избрали, она станет эффективной только при условии, если люди, отвечающие за это дело, будут добросовестно исполнять свои обязанности. В противном случае любая система, в том числе и PhD не избежит коррупции и все вернется на круги своя.

Литература

- Бедный Б.И., Миронос А.А.* Подготовка научных кадров в высшей школе. Состояние и тенденции развития аспирантуры: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. 219 с.
- Бордовский Г.А.* О подготовке кандидатов наук и PhD в рамках Болонской системы: к постановке проблемы // Человек и образование. 2014. С. 40–44.
- Исмаилов Э.Э.* Подготовка научных кадров в России и за рубежом (сравнительный анализ) // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 24–34.
- Жданова Л. В.* Качество подготовки научных кадров / Л.В. Жданова. Текст: непосредственный // Проблемы и перспективы развития образования: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Пермь, июль 2013 г.). Пермь: Меркурий, 2013. С. 138–141. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/72/4102/> (дата обращения: 17.02.2021).
- Кадникова О.В., Чвора А.А.* Подготовка научных кадров в России и Германии // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/02/13900> (дата обращения: 17.02.2021).
- Петров В.Ю., Матушкин Н.Н., Ташкинов А.А., Кузнецова Т.А.* Повышение качества подготовки научных кадров на основе единства образовательной и исследовательской деятельности вуза // Образование и наука. 2007. № 4(46). С. 20–31.
- Преподаватель University of East Anglia об особенностях получения PhD в США, Великобритании и России.* 2009. URL: <https://www.educationindex.ru/articles/higher-education-in-the-uk/phd-in-the-uk/osobennosti-poluchenia-phd-v-usa-uk-russia/> (дата обращения: 17.02.2021).
- Савин В.А.* Из истории подготовки научных кадров в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 6. С. 58–62.
- Садков В., Аронов Д., Машегов П.* Еще раз о качестве образования, ученых степенях и званиях и вхождении в европейское образовательное пространство // Alma mater (Вестник высшей школы). 2005. № 1. С. 27–31.
- Сулейманова А.Р.* Проектирование образовательных маршрутов аспирантов на основе анализа подготовки научно-педагогических кадров в России и за рубежом: Автореф. дис. ... канд. педаг. н. Казань, 2015. 22 с.

Гуторов Владимир Александрович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ

e-mail: gut-50@mail.ru

ЭЛИТЫ И ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. Цель доклада состоит в том, чтобы выделить и обсудить некоторые тенденции современных дискуссий относительно теоретических принципов и парадигм формирования элитарных моделей образования в современных западных странах. Одна из особенностей современного научного дискурса состоит в том, что взаимосвязь концепций элитарной политики с теоретическими проблемами образования, хорошо просматриваемая в историческом плане и прочно зафиксированная в политической философии, тем не менее, далеко не всегда становится объектом внимания ученых.

Ключевые слова: элиты, образование, политика, демократия, капитализм, государство, дисциплинарное воспитание, рациональность, автономия, либерализм, социализм, консерватизм, ценности, индоктринация, этика, иерархия

Gutorov Vladimir Aleksandrovich

Dr. of Sci. (Philos.), Professor, Head of Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Russia.

e-mail: gut-50@mail.ru

ELITES AND EDUCATION

Abstract. The aim of the report is to highlight and discuss some trends in contemporary discussions regarding the theoretical principles and paradigms of the formation of elite models of education in modern Western countries. One of the most noticeable features of modern scientific discourse is that the interrelation of concepts of elite politics with theoretical problems of education, which is well viewed in historical terms and firmly fixed in political philosophy, however, does not always become the object of attention of scientists.

Keywords: elites, education, politics, democracy, capitalism, state, disciplinary education, rationality, autonomy, liberalism, socialism, conservatism, values, indoctrination, ethics, hierarchy

Уважаемые коллеги!

В своем докладе я хотел бы кратко и «точечно» затронуть несколько взаимосвязанных актуальных проблем, на которые я уже не раз обращал внимание в моих работах, посвященных теоретическим аспектам интерпретации образования.

Одна из особенностей современного научного дискурса состоит в том, что взаимосвязь концепций элитарной политики с теоретическими проблемами образования, будучи прочно зафиксированной в историческом плане, тем не менее, далеко не всегда становится объектом политической теории. Причин для этого немало. На одну из них (на мой взгляд, самую главную!), в начале XXI века обращал внимание Кевин Б. Смит в работе «Идеология образования»: «Проблема состоит в том, что в такой сфере политики как образовательные реформы, групповая приверженность и идеология охотно берут на вооружение продукты научного исследования, когда это соответствует их целям. Арена споров оставляет совсем немного места для нейтральных доводов даже у чистых эмпириков, скрупулезно применяющих свои наилучшим образом выверенные теоретические и методологические практики. Неудобный факт выражается в том, что образовательная реформа является и всегда была чисто политической борьбой вокруг того, кто и каким образом приобретает право определять, что мы “должны” делать» [Smith, 2003: p. XI-XII].

Еще в конце XX — начале XXI вв. один из наиболее примечательных моментов современного политического дискурса состоял в том, что ученые и политики редко обращали внимание на проблему, каким образом влиятельные социальные группы обеспечивают себе институциональные и практические преимущества в сфере образования. Доминирование в образовательном дискурсе Запада и посткоммунистических стран стереотипов либеральной идеологии и либеральной демократии как бы поневоле заставляет любого исследователя обращать внимание на следующие вопросы: в каком контексте мы должны а) рассматривать проблему соотношения либерально-демократических институтов и образования — школьного и университетского — не поступаясь научными принципами; б) насколько основательной в современных условиях является критика демократии и либерального образования, прежде всего, консервативными теоретиками; в) какую роль в этих спорах играет предельно актуальная проблема прогрессирующей

щей бюрократизации процессов управления, так или иначе затрагивающая и образовательную сферу.

Еще в 1950-е гг. Ч.Р. Миллз, например, отмечал, что элитные школы являются «наиболее важной структурой для передачи по наследству высших социальных классов и регулирования допуска к новому богатству» [Mills, 1956: p. 64–65]. Основываясь на анализе Миллза, Питер Куксон и Каролин Перселл в середине 1980-х гг. стали проводить исследование большого количества закрытых учебных заведений (boarding schools) и пришли к аналогичным заключениям. Они фокусировали внимание на том, как именно элитные школы воспроизводят элитарный класс в порядке наследования власти и привилегий. В частности, они доказывали, что комбинация «философий, программ и стилей жизни» представляет собой своеобразный «ритуал», дающий учащимся «право прохода» (rite of passage), но одновременно лишаящий их ощущения самих себя и тем самым способствующий развитию различных форм приверженности по отношению к другим представителям элиты [Cookson, Persell, 1985: p. 4]. В наши дни обозначенная выше традиция социологического анализа постепенно восстанавливается и имеет хорошие шансы вновь занять достойное место в междисциплинарных исследованиях [См., например: Courtois, 2018].

На протяжении всего XX века и вплоть до наших дней продолжается острая дискуссия о преимуществах демократической и элитарной моделей образования, в рамках которой идеологические предпочтения явно превалируют над научными соображениями и доводами. Так, Петер Слотердаjk, комментируя труды Арнольда Гелена, «ученого, которому обычно дают не слишком объясняющую суть дела характеристику, называя самым блестящим — до Никласа Лумана — из признанных консерваторов XX столетия» [Слотердаjk, 2010: с. 713] отмечает, что в наши дни «аналитический аппарат зрелой современности самым недвусмысленным образом был поставлен на службу консервативным настроениям и убеждениям, враждебным облегчению человеческой жизни» [Слотердаjk, 2010: с. 713].

Большинство современных консервативных теоретиков нередко стремятся подкреплять свои аргументы ссылками

на античную традицию спора между сторонниками демократической и элитарной образовательных моделей. Такого рода исторические параллели, на мой взгляд, очень поучительны, прежде всего, потому, что в типологическом плане теоретические споры эпохи античной классики удивительно напоминают современные дискуссии. В свое время Платон, резко критикуя софистов, очень пластично сформулировал и выразил следующую общую тенденцию античного «просвещенного консерватизма», которая в разных версиях весьма популярна и сегодня: цель образования — формирование политической элиты с помощью специальных технологий, позволяющих в конечном итоге осуществлять «социальную селекцию» именно в данном направлении. Основная масса населения при этом довольствуется лишь системой общих предписаний, требующих от нее безоговорочного повиновения, а точнее — нахождения в рабстве у «лучших людей», обладающих «божественным господствующим началом», основанном на «мудрости» и «мужестве» [См. подробнее: Гуторов, 1989: с. 161].

Эрик Хавлок в своей замечательной книге о платоновском «Государстве» весьма обстоятельно обосновал тезис, согласно которому Платон вполне сознательно противопоставлял свою воспитательную программу уже сложившимся в Элладе классическим традициям [демократического] образования [Havelock, 1963: p. 13–15]. Именно поэтому, отмечают другие ученые, в первом платоновском идеальном государстве взрослые производители непосредственных материальных благ «получают только подготовку и образование, которые требуются, во-первых, для уменьшения их излишних appetitов таким образом, чтобы они не угрожали стабильности в Каллиполисе, ...во-вторых, чтобы гарантировать оптимальное удовлетворение их собственных необходимых потребностей, и в-третьих, добиться того, чтобы ничего в их образе жизни не способствовало разращению стражей» [Reeve, 2006: p. 190–191, 208–213]; см. также [Schofield, 2006: p. 137–141]. Говоря современным языком, речь идет об элементарных формах образования, открывающих представителям «третьего сословия» воз-

возможность найти каждому свое место на специализированном рынке труда.

В теоретическом плане акцентировке на преемственности античных и современных дискуссий способствует и характерное для нашего времени всеобщее разочарование в демократической мифологии. Мифологическая оболочка демократических институтов сама по себе является свидетельством преобладания авторитарных стереотипов в общественном сознании и психологии. Следовательно, «современная демократия — это есть, по сути дела, попытка обуздать авторитаризм в области политики» [Крамер, Олстед, 2002: с. 26]. Такого рода попытка вряд ли может быть реализована исключительно с помощью механизмов рационального убеждения с опорой на правовые институты. Позиция Крамера и Олстеда во многом перекликается с неомакиавеллистскими трактовками демократии, к которым весьма сочувственно в свое время относился и Реймон Арон.

К приведенным выше дефинициям образования тесно примыкают трактовки понятия «элита», которые Роджер Скратон вполне намеренно определяет в крайне общем, но вполне конкретном плане. Элита — это «буквально те, кто был избран. В целом данный термин обозначает класс людей внутри общества, которые имеют возможность рассматривать себя именно как избранных — другими или по природе — для того, чтобы руководить или править. Некоторые [ученые] придерживаются более специализированного понимания и проводят различие между правлением элиты, т.е. группы, *предназначенной* для этой цели, например, правящей партии, и правлением господствующего класса, который приобретает свои полномочия на основании права давности (неписаного закона)... В более общем плане этот термин используется в отношении любой группы людей, действующих сообща — сознательно или нет — с целью удержания общих социальных и/или политических привилегированных позиций» [Scruton, 2007: p. 205].

Эта тенденция просматривается даже в специальных работах, посвященных проблемам эволюции либеральной демократии, авторы которых не углубляются в древность,

а, напротив, стремятся выявить историческую обусловленность и специфику эволюции западной модели либеральной демократии в эпоху модерна. Например, в книге Д. Хигли и М. Бертона «Элитарные основания либеральной демократии» достаточно подробно характеризуется генетическая и функциональная роль, которую исторически играла либеральная демократия в процессе формирования и сохранения консенсусно объединенной элиты в различных западных странах. При этом ученых интересует, прежде всего, следующий вопрос: как формируется подобный тип элиты в различных регионах мира и в чем причины его относительной устойчивости?

Авторы признают, что «сама по себе данная связка (или взаимосвязь) отнюдь не является новой. Начиная с Джозефа Шумпетера в 1940-х годах, такие социологи и политологи, как Роберт Даль, Джованни Сартори, Сеймур Мартин Липсет, Данкварт Ростоу, Хуан Линц, Альфред Степан, Роберт Патнэм, Ларри Даймонд и многие другие, «писали о либеральной демократии или ее близких родственниках, например, консолидированной демократии, подчеркивая важность внутренней приспособляемости и безопасности политической элиты. Многие исследователи “третьей волны” перехода к демократии также подчеркивали центральную роль стратегий, выбора и пактов элиты в таких переходах» [Higley, Burton, 2006: p. 2].

Тем не менее, широко распространено двойственное мнение об относительной важности элиты для либеральной демократии по сравнению с массовой ее основой. Например, изучая демократизацию *tout court*, С.П. Хантингтон описывает убеждения и действия элит как «наиболее непосредственную и важную объясняющую переменную» для интерпретации волн демократизации, но он перечисляет также двадцать семь дополнительных переменных, которые влияют на причинно-следственные цепочки. Хантингтон утверждает, что «ни одна переменная не является необходимой или достаточной, и что каждый случай демократизации имеет уникальное сочетание множества причин» [Higley, Burton, 2006: p. 3]. «Мы утверждаем, — пишут Хигли и Бертон, — что в либеральной демократии элита и

масса более разделены и долговременны в плане устойчивости. Политическая элита, члены и фракции которой настроены к взаимоуважительному и сдержанному политическому поведению, всегда формируется *до того*, как либеральные демократические принципы и практики будут приняты любым большим числом граждан. Сам комплекс взаимодействия политического поведения и институтов, составляющих либеральную демократию, является, в первую очередь, результатом творчества элиты, к которому постепенно и медленно присоединяются публичные массы. Это, конечно, тавтология: если элиты предпочитают практиковать либерально-демократическую политику, то либерально-демократическая политика будет практиковаться. Но известно, что элиты редко делают такой выбор. Консенсусно объединенные элиты формировались нечасто в современной истории, и мало оснований полагать, что они станут менее редкими в нашем новом столетии. *Разрозненные элиты*, порождающие авторитарные режимы или нелиберальные демократии, исторически были правилом и, вероятно, останутся таковыми. Сравнительно мало изучено, как возникает внутренне приспособляемая и безопасная политическая элита и почему она сохраняется. Отражая непреходящее влияние традиционной демократической мысли, элита, благоприятная для либеральной демократии, обычно рассматривалась как постепенный продукт социально-экономической модернизации, в результате которой демократические убеждения и ценности распространяются среди граждан и создаются все более активное гражданское общество и демократическая политическая культура. Считалось, что элитарное измерение либеральной демократии вытекает из ее массового измерения или неразрывно связано с ним. Мы, напротив, утверждаем, что в современной истории консенсусно объединенные элиты и, следовательно, либеральные демократии возникли всего тремя способами и при трех обстоятельствах» [Higley, Burton, 2006: p. 3–4].

В плане сложившихся современных стереотипов, все, обозначенные учеными, три обстоятельства выглядят не вполне привычными:

1. *Урегулирование* основных споров между враждующими элитами, которое является преднамеренным и внезапным и зависит от весьма условных обстоятельств и выбора элиты.

2. *Колониальные возможности* для местных элит проводить осторожную и ограниченную репрезентативную политику в течение длительных периодов самоуправления, а также руководить политически сложными движениями за национальную независимость.

3. *Конвергенции* в сторону общих норм политического поведения разрозненных элит, борющихся за поддержку среди экономически процветающих электоратов [Higley, Burton, 2006: p. 4].

По мысли Хигли и Бертон, такие совершенно особые обстоятельства, очевидно, были необходимы для того, чтобы в современный исторический период консенсусные объединенные элиты и стабильные репрезентативные либеральные олигархии и либеральные демократии возникли из чрезвычайно широко распространенной практики колониального правления. В основном, эти обстоятельства были ограничены некоторыми британскими колониями после того, как английская политика была «приручена» и элиты применили аккомодационные методы в «водораздельных поселениях» образца 1689 года. «При нашем прочтении исторических данных относительно основ либеральной демократии, английское поселение было стержневым политическим событием в новейшей истории. То, что это произошло в государстве Англия с Британией в качестве ядра, которое на протяжении продолжительного периода доминировало над значительной частью мира, имело огромные последствия в плане того, насколько мир политически эволюционировал в течение следующих трех столетий» [Higley, Burton, 2006: p. 134–135].

Об этом свидетельствуют, в частности, аналогичные современные элитарные эксперименты, возникавшие при попытках спонтанного, нередко неосознанного до конца «творческого переосмысления» традиций британского «просвещенного колониализма». Например, во второй половине XX века такого рода эксперименты были весьма популярны на территориях бывшей французской колони-

альной империи: «Как и сама Франция периода Пятой республики, которую Шарль де Голль основал в 1960 году, эти и несколько других бывших французских колоний создали президентские монархии, в которых разделение власти между новыми независимыми элитами не было широким, а представительный характер политики был незначительным. В лучшем случае можно говорить о зарождающемся либеральном, но в основном олигархическом режиме. Опасность заключалась в том, что, когда президентский монарх умирает или иным образом уходит с поста, элитная власть борется за контроль над высшим исполнительным органом. Это то, что в итоге произошло в Тунисе и Кот-д'Ивуаре» [Higley, Burton, 2006: p. 133].

Нет никаких сомнений в том, что обозначенные выше тенденции, характеризующие эволюцию либеральной демократии, не могут не влиять на сферу образования и формы образовательной политики. В чисто теоретическом плане хорошим примером комплексного анализа взаимосвязи проблем элитарной и образовательной политики являются соответствующие статьи, написанные Роджером Скратоном в *The Palgrave Macmillan Dictionary of Political Thought*, третье издание которого вышло в свет в 2007 г. В целях экономии времени имеет смысл ограничиться именно тем определением образования, которое представлено в данном издании, процитировав целиком всю небольшую словарную статью: образование — это «процесс, посредством которого обучаются рациональные существа и через который они приобретают верования, эмоции и ценности, имеющие отношение к культуре. Может ли государство находиться в стороне от этого процесса или с безразличием наблюдать за его результатом? Этот вопрос, исследованный Платоном с огромной силой и искусством, продолжал занимать мысль и практическую деятельность философов и политиков и теперь повсеместно связывается с различными видами политического выбора. Определение “образования” — предмет нелегкий. В настоящее время оно рассматривается в нормальном случае как более формальная и структурированная часть социализации и именно так и определяется Дюркгеймом: “Образование состоит из методологической

социализации молодого поколения”... Однако, что отличает образование от дисциплинарного воспитания (*training*) или, например, целенаправленной подготовки (*conditioning*)? Согласно одному предположению, образование существенным образом рассматривает личность как свою [непосредственную] цель, в то время как дрессировка и тренировка могут быть направлены и на (внеличностных) животных. Такой взгляд означает, что образование должно демонстрировать понимание и уважение к личности того, кто его получает. Те философии, которые связывают идеи личности и рациональности, будут следующим образом трактовать данное соображение:

(i) В процессе образования, рациональность тех, кто его получает, предполагается заранее. Например, им предоставляются *основания* для того, чтобы верить, делать или ощущать какие-либо вещи. Их не подвергают манипуляциям и не вбивают (*bludgeoned*) в некое конечное состояние бездумного восприятия учения;

(ii) Образование принимает во внимание автономию тех, кто его получает. Они рассматриваются как существа, ответственные за свои собственные поступки и суждения и поощряются к тому, чтобы рассматривать себя именно таким образом.

Политические вопросы — когда и сколь продолжительно дети обязаны посещать школу, должно ли это посещение быть принудительным — также связаны с природой и ценностью образования. На практике “возраст расставания со школой” определялся в соответствии с двумя интуициями: а) дети должны оставаться в школе до тех пор, пока они не выучат все, что необходимо для ответственного автономного существования; б) они должны содержаться в школе ровно столько, пока они считаются социальной помехой в любом другом месте. Часто пытаются доказывать, что обе эти цели гораздо лучше будут выполнены не в школе, а при обучении [какому-нибудь] ремеслу. Радикальное понижение уровня грамотности и умения считать среди детей, бросавших государственные школы, недавно повсеместно наблюдалось на Западе. Консерваторы часто приписывают такой уход из школы неэффективности и коррупции в

государственных учреждениях. Другие ссылаются на изменение способы социализации детей и особенно на негативное воздействие телевидения на их умственное развитие» [Scruton, 2007: p. 200–201].

Разумеется, современный образовательный дискурс не может исчерпываться исключительно внутренними идеологическими спорами между сторонниками различных версий консерватизма и либерализма. Он охватывает практически все основные современные идеологические направления, среди которых особенно активную роль играют представители политической философии коммунитаризма. Типичным образцом является аргументация коммунитаристской образовательной политики, представленная в книге А. Макинтайра «Бог, философия, университеты. Селективная история католической философской традиции» [MacIntyre, 2009].

Вполне актуальным остается и «фундаментальное сомнение» в отношении возможностей либеральной (в том числе и образовательной) политики, следующим образом сформулированное Юргеном Хабермасом: «В когнитивном отношении сомнение касается вопроса: возможно ли еще вообще — после полной позитивизации права — секулярное, то есть нерелигиозное или постметафизическое, оправдание политического господства?... Даже если устранить это сомнение, все-таки либеральные порядки остаются зависимыми от солидарности признающих их граждан, а ее истоки вследствие “свихнувшейся” секуляризации общества в целом могут иссякнуть» [Хабермас, 2011: с. 97–98]. Поскольку характерные для капиталистических обществ «приватистские мотивационные модели» представляют собой своеобразную смесь из докапиталистических и буржуазных традиций, они «всегда зависели от пограничных культурных условий, которые они не могли создавать у самих себя: они паразитировали на уже существующих традициях» [Хабермас, 2010: с. 129].

Подобные размышления постоянно возникают и в дискуссиях по различным аспектам образовательной политики. Например, концепция «неискушенного гражданина», возникшая на рубеже 1960–1970-х гг. в условиях всеобщей эйфории по поводу так называемой «делиберативной ре-

волюции» в Западной Европе, по существу, развивала аргументы, выдвинутые в начале 1940-х гг. Й. Шумпетером, подвергавшим сомнению саму возможность реализации классической концепции демократии как не соответствующей человеческой природе и иррациональному характеру повседневного человеческого поведения. В политической сфере, утверждал Шумпетер, образование не дает никаких преимуществ, поскольку чувства ответственности и рационального выбора, которые оно формирует у людей, обычно не выходят за пределы их профессиональных занятий. Наиболее общие политические решения, таким образом, оказываются недоступными как для образованных классов, так и для необразованных филистеров. «Тем самым типичный гражданин опускается на более низкий уровень умственных характеристик как только он вступает в политическую сферу. Он спорит и анализирует при помощи аргументов, которые он охотно признал бы ребяческими внутри сферы собственных интересов. Он становится вновь примитивным». Поэтому демократическая теория может иметь практическую ценность только в том случае, если она определяет необходимый минимальный уровень участия и предоставляет право принимать основные политические решения компетентным элитам и бюрократии [Schumpeter, 1976: p. 261, 262, 284–285].

Джованни Сартори, весьма сочувственно цитируя приведенные выше пассажи в своей фундаментальной работе «К пересмотру теории демократии», дополняет их следующим кратким комментарием: «...Образование *в целом*, по видимому, не создает значительно улучшенного [типа] *политически образованной* публики... Даже если каждый имел бы, скажем, пятилетнее университетское образование, существует ли какой-либо резон ожидать от такого населения драматического поворота их интересов к политике? Я думаю, что нет... Позиция Шумпетера предполагает, что политическое поле не является “сферой реальных интересов” типичного гражданина» [Sartori, 1987: p. 106–107].

Такого рода характеристика «неискушенного гражданина» тесно связана со следующей общей оценкой Сартори перспектив эволюции демократических обществ: «Не-

ожиданный элемент тотального господства в наше время состоит в том, что оно может быть наложено не только на общества с традиционно деспотическим правлением (такие как Россия и Китай), но также на общества, возвращенные христианской, либеральной и либерально-демократической традицией и вышедшие из нее» [Sartori, 1987: p. 194].

В целом можно утверждать, что элитарные тенденции в образовательной политике, своеобразно проявляясь в различных культурах — как западных, так и восточных — тем не менее, постоянно демонстрируют наличие в них не только общих элементов, но и общих закономерностей развития. Данная тенденция особенно заметна и в тех странах, в которых, как, например, в Японии система образования в послевоенный период была скопирована с северо-американской модели [Sugimoto, 2014: p. 126; ср.: Duke, 2009: p. 5–6; Cultural Hybrids..., 2016: p. 9]. Как отмечают, например, редакторы содержательного сборника «Японская молодежь в консервативном элитном обществе», в Японии еще со старых времен образование служило стоящим у власти правителям средством обеспечения человеческих ресурсов в процессе национального строительства. Образование для молодежи рассматривалось, прежде всего, как функция, способствующая надежному обеспечению будущего для в высшей степени необходимых правящих элит. В свою очередь эгалитарное образование, развивающее человеческий потенциал и способствующее счастью каждого молодого индивида, третировалось как второстепенное». Глобализация во многом усиливает обозначенные выше тенденции. «... Клонящаяся к упадку национальная экономика и скудный молодежный рынок труда значительно повлияли на культуру и поведение молодежи... Пост-индустриализация и постмодернизация привели к тому, что многие молодые японцы сделались материалистичными, индивидуалистичными, равнодушными к политике и уставшими от глобализации. Более того, экономические затруднения, неоконсерватизм и образовательная меритократия усилили социально-экономические различия между бедными слоями трудящихся и относительно небольшим числом быстро преуспевающих людей, многие из которых предназначены

для того, чтобы сформировать новые элиты... Именно небольшой процент молодых, прогрессивных сверхпреуспевающих индивидов призваны вновь оживить японскую национальную экономику, управляя и руководя по большей части консервативными массами молодежи» [Japanese Youth ..., 2014: р. II-III].

Реализация японского «меритократического проекта» проявилась в том, что в 2006 г. правительство приступило к пересмотру базового закона о всеобщем образовании путем директивного введения сверху системы свободных учебных планов. «Свободное образование является применением концепции неолиберализма в образовательной сфере. Оно предназначено для того, чтобы предоставить учащимся большую свободу обучения в начальной и средней школах. Образовательная меритократия применяется с целью выделения небольших групп высокоодаренной молодежи, превосходящей остальных в академическом и профессиональном плане» [Japanese Youth ..., 2014: р. 146–147; Duke, 2009: р. 11].

Аналогичная тенденция проявлялась и в сфере высшего образования. «Многие студенты и их родители чрезмерно подчеркивали значение академических “верительных грамот”. Общество было одержимо идеей образовательной меритократии, когда будущие элиты формируются путем отбора на основе дипломов элитных высших школ, продвигавших инициированную консерваторами структуру свободных планов обучения» [Japanese Youth ..., 2014: р. 147; ср.: Sugimoto, 2014: р. 127–129; см. также: Cave, 2007: р. 17].

Шумпетеровская модель явно превалировала в посткоммунистических процессах с самого начала «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе. В России процесс явно зашел дальше в плане олигархизации политики и уровня манипулятивных технологий. Таким образом, в настоящее время окрашенный в консервативные тона элитизм в самых различных формах — от олигархической до социально-манипулятивной (Шумпетер) вполне можно признать общей тенденцией как самой образовательной политики, так и дискуссий о ней.

Литература

- Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 288 с.
- Кramer Д., Олстед Д. Маски авторитарности. Очерки о гуру. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 408 с.
- Слотердайк П. Сферы. Плюральная сферология. Т. III. Пена. Пер. с нем. К. Лощевского СПб.: «Наука», 2010. 924 с.
- Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. 264 с.
- Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011. 336 с.
- Cave P. Primary School in Japan. Self, Individuality and Learning in Elementary Education. L., New York: Routledge, 2007. 244 p.
- Cookson P. W., Persell C. H. Preparing for Power: America's Elite Boarding Schools. New York: Basic Books, 1985. 260 p.
- Cultural Hybrids of (Post)Modernism. Japanese and Western Literature, Art and Philosophy. Ed. by Álvarez-Faedo M. J., Monnickendam A., Penas-Ibáñez B. Bern etc: Peter Lang, 2016. 234 p.
- Elite Schooling and Social Inequality: Privilege and Power in Ireland's Top Private Schools. London: Palgrave Macmillan, 2018. 227 p.
- Duke B. The History of Modern Japanese Education. Constructing the National School System, 1872–1890. New Brunswick, New Jersey, London: Rutgers University Press, 2009. 416 p.
- Havelock E. A. Preface to Plato. Cambridge, Massachusetts, London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1963. 328 p.
- Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. 227 p.
- Japanese Youth in the Conservative Elite Society. Essays on the Liberal Young Super-Achievers / Ed. by Itoh H., Bernier B. Lewiston, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2014. 244 p.
- MacIntyre A. God, Philosophy, Universities: A Selective History of the Catholic Philosophical Tradition. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. 193 p.
- Mills C.W. The Power Elite. London: Oxford University Press, 1956. 431 p.
- Reeve C.D.C. Philosopher-Kings. The Argument of Plato's Republic. Indianapolis, Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc., 2006. 350 p.
- Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatam, New Jersey: Chatam House Publishers, Inc., 1987. 542 p.
- Schofield M. Plato. Political Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2006. 384 p.
- Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper Torchbooks, 1976. 431 p.
- Scruton R. The Palgrave Macmillan Dictionary of Political Thought. 3rd Edition. Houndmills, New York: Palgrave Macmillan, 2007. 744 p.
- Smith K.B. The Ideology of Education. *The Commonwealth, the Market, and America's Schools*. Albany: State University of New York Press, 2003. 196 p.
- Sugimoto Y. An Introduction to Japanese Society. Fourth Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 382 p.

Шувалова Людмила Вячеславовна

кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия), генеральный директор Центра социально-консервативной политики (ЦСКП)
e-mail: lshuvalova@mail.ru

ПОЛИТИК КАК ПРОФЕССИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ЗАДАЧИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Работа Макса Вебера «Политика как призвание и профессия» стала отправной точкой для написания настоящей статьи. Не умаляя значимости политики как призвания, а также исходя из связанности этих, можно сказать, двух ипостасей политики, в фокусе внимания автора находятся именно профессиональные аспекты, которые раскрываются через рассмотрение задач становления политических деятелей, в контексте современных вызовов.

На основе результатов экспертного исследования Центра социально-консервативной политики, проведенного под руководством автора в 2018–2020 годах по выявлению актуальных требований к представительной власти в условиях общественно-политических и социально-экономических трансформаций в статье определены отличительные особенности политика.

Исходя из принципа взаимного влияния политиков и политической среды, рассмотрены важнейшие институты становления политических деятелей, выделены актуальные задачи развития политического образования в России. На основе разработанных и апробированных Центром социально-консервативной политики методик в рамках реализации образовательно-просветительского проекта Школа российской политики предложены новые подходы к формированию образовательной среды для формирования политической элиты.

Ключевые слова: политик, политика, политолог, образование, политическая элита, управление

Shuvalova Lyudmila Vyacheslavovna

candidate of political sciences, Research Fellow, Department of Russian Politics
Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, Center for Social
Conservative Policy (CSKP), General director
e-mail: lshuvalova@mail.ru

THE POLITICIAN AS A PROFESSION: TO THE STATEMENT OF THE TASK OF FORMATION OF THE POLITICAL ELITE OF MODERN RUSSIA

Abstract. Max Weber's work "Politics as a Vocation and Profession" was the starting point for writing this article. Without detracting from the importance of politics

as a vocation, and also based on the connectedness of these two hypostases of politics, the author focuses on the professional aspects that are revealed through the consideration of the tasks of the formation and education of political figures in the context of modern challenges.

Based on the results of an expert study of the Center for Socio-Conservative Policy conducted under the leadership of the author in 2018–2020 to identify the current requirements for representative government in the context of socio-political and socio-economic transformations, the article identifies the distinctive features of the politician.

Based on the principle of mutual influence of politicians and the political environment, the most important institutions of the formation of political figures are considered, and the actual tasks of the development of political education in Russia are highlighted. New approaches to the formation of the educational environment for the formation of the political elite are proposed on the basis of the methods developed and tested by the Center for Socio-Conservative Policy within the framework of the educational and educational project School of Russian Politics in 2008–2016.

Keywords: politician, politics, political scientist, education, political elite, management

Как известно, прирожденных политиков мало. В современном обществе политик имеет возможность оказывать существенное влияние на общество, судьбы людей и стран в целом. Несмотря на это, в общественном и образовательном поле до сих пор не сформировано представление о профессии политика как о специальности, требующей соответствующего образования и подготовки. Общество верит в появление героев — политических лидеров нации, которые будут обладать, по выражению Вебера, твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд [Вебер, 2018: с. 326], уверенностью куда идти, и способностью вселять эту уверенность другим. Общество, вслед за Вебером, продолжает с пиететом относиться к «профессиональному призванию» к политике [Вебер, 2018: с. 326], рассматривая как «политических обывателей» и «технических исполнителей» [Вебер, 2018: с. 326.] окружение политического лидера, которое подобно достигшей господства свите борца за веру, особенно легко вырождается в совершенно заурядный слой обладателей теплых мест [Вебер, 2018: с. 326].

В этой связи можно выделить два аспекта, на которые мы обратим внимание в настоящей статье. Первый — в отношении политического лидера: если политика это при-

звание, то остается надеяться только на волю Божию и обстоятельства, которые не допустят прихода к власти недостойного, недалекновидного человека. Если же общество в вопросе прихода к власти политических лидеров не готово полагаться только на высшие силы, то необходимо поднять вопрос о становлении политиков, их профессиональной подготовке. И второй — в отношении окружения политических лидеров: необходимо выработать подходы по формированию дееспособной национальной политической элиты в условиях постсословного, постклассового общества и с учетом беспрецедентного давления «коллективного Запада» на Россию. Современная политическая элита должна формироваться не как узкая группа лиц, а как широкое профессиональное сообщество, имеющее общие ориентиры приоритетов национального развития и подходы в области политического управления. Представляется, что роль высшей школы в формировании национальной политической элиты имеет определяющее значение.

Обеспечение задач прорывного развития страны требует серьезной модернизации экономики и общественно-политической трансформации, поэтому при определении кандидатов на выборные должности от политических партий, а также кандидатур на иные высшие руководящие посты в системе государственной власти будут становиться все более значимыми способности кандидатов быть не только профессиональными управленцами и/или специалистами в отдельных отраслях, но и политическими лидерами [Шувалова, 2019: с. 67].

Если политику рассматривать как профессию, понимая ее не только как трудовой вид деятельности, приносящий доход, но и как специальность, требующую профессиональной подготовки, то где можно ей научиться? Что может считаться профессиональным знанием в политической деятельности? Первое, что вспоминается, это опыт высшей партийной школы (ВПШ), как обязательного этапа идеологической подготовки кадров партийно-государственной номенклатуры, а также руководителей советской эпохи. После отмены в марте 1990 года Статьи 6. Конституции СССР о руководящей роли КПСС, влияние партии на высшую шко-

ду стало ослабевать, на базе кафедр научного коммунизма начали образовываться отделения и кафедры социально-политических наук, политологии или управления. Ряд высших учебных заведений, чьим профилем была подготовка номенклатурных кадров перешли к бизнес-образованию, подготовке специалистов в области государственного и муниципального управления. Таким образом, наследие ВПШ сегодня, уже не имея идеологической составляющей, реализуется в следующих двух направлениях подготовки:

1. Государственное и муниципальное управление.
2. Политическая наука.

Должен ли государственный служащий быть политиком? Рассматривая направление подготовки специалистов в сфере государственного и муниципального управления стоит отметить, что требования к государственным служащим за последнее время претерпели существенные изменения. Проведение административной реформы, цифровизация, введение новых регламентов и инструкций для государственной службы, в том числе, по работе с документами, направленными на совершенствование государственной службы, повышение профессиональных компетенций сотрудников, борьбу с коррупцией, ввели деятельность государственных служащих в жесткие рамки, которые в ряде случаев не способствуют проявлению инициативы, внимания к насущным проблемам граждан, лежащих за рамками должностных инструкций.

Современные тенденции в сфере государственного и муниципального управления приводят к вытеснению принципов политического управления и их замене административными. Политическое лидерство лишь в редких случаях может проявляться в верхних эшелонах власти, в основном через людей, сформировавшихся вне прохождения ступеней исполнительной вертикали. Подобная невостребованность политического лидерства и методов политического управления со стороны системы исполнительной власти также находит отражение и в ее требованиях как заказчика к образовательным программам.

Представляется, что данные процессы, главной целью которых стало выстраивание властной вертикали и упорядочивание

дочивание работы органов государственной власти приводят не только к повышению эффективности государственного администрирования, но и к изменению качества государственного управления, что, помимо положительных результатов, может иметь и негативные последствия. Если на среднем и низовом уровне исполнительская дисциплина может видаться достаточной для обеспечения эффективной работы системы государственной власти, то для высшего уровня государственного управления обладание такими качествами, как аналитическое мышление, стратегическое видение, способность определить направление действия, умение мобилизовать ресурсы, людей на достижение поставленных целей — по сути являющихся неотъемлемыми качествами политика, становится определяющим фактором эффективности государственной власти в целом.

Политическое лидерство представляется одним из наиболее четких путей, на котором людей можно побудить к совместной работе [Блондель, 1992: с. 11]. Нельзя не отметить, что именно политическое управление и непосредственно политическое лидерство становятся особенно востребованы в условиях глобальной нестабильности и высокой скорости изменений — именно эти условия сложились сегодня в России и мире в целом. Если обратиться к предложенной Жаном Блонделем двухмерной типологии потенциального влияния лидеров, можно увидеть, что в условиях стабильности, или, как их называет Блондель, — в «нормальных» условиях, наблюдается превалирование менеджериального подхода в политике. Желание «счастливого» народа сохранить статус-кво [Блондель, 1992: с. 61] существенно сужает возможности для проведения инициатив лидеров, по сути, требуя от них того, чтобы они ничего не предпринимали. В таких случаях типом лидера, который, как можно ожидать, «естественно» возникает, будет «менеджер», поскольку его цель — постепенное достижение компромиссов между лицами, действующими на общественной сцене, функция лидеров становится в первую очередь процессуальной. Таким образом, «нормальная» ситуация порождает тип лидеров-менеджеров [Блондель, 1992: с. 61–62].

Требования меняются, когда ситуация становится нестабильной, или в обществе формируется запрос на перемены. Когда общество находится под угрозой, от лидеров требуют стать «утешителями» или «защитниками». Менеджерства уже не достаточно. [Блондель, 1992: с. 62]. Ярким примером такого запроса стала ситуация с развитием пандемии нового коронавируса в 2020 году и, более того, крайнего обострения международной обстановки. Будучи явным противником менеджериального подхода в политике, Блондель также отмечает, что лидеры-менеджеры неэффективны даже тогда, когда потребность в переменах ограничена. Менеджерство связано только с решением возникающих проблем, когда не требуется никакого обновления и никаких реформ. Если существует неудовлетворенность некоторыми институтами или некоторыми направлениями политики, лидеры, являющиеся «чистыми менеджерами», не могут предложить удовлетворительных решений. Недовольство растет, и лидерам приходится становиться «регулирующими» или новаторами. Иначе они будут заменены или напряженность в обществе будет возрастать [Блондель, 1992: с. 62].

Данное понимание позволяет сделать вывод о том, что современные задачи обновления, проведения реформ, модернизации институтов, обеспечения прорывного развития определяют необходимость развития неменеджеральных практик государственного управления, что требует соответствующей подготовки специалистов, определяя необходимость получения ими навыков политического управления в условиях социально-экономических трансформаций и формирования у них качеств политических лидеров. Представляется, что реализация данных актуальных требований в рамках образовательных программ будет способствовать более быстрой адаптации выпускников к решению актуальных задач в сфере госуправления.

Стоит отметить, что не все исследователи разделяют необходимость более широкого применения принципов политического в системе государственного управления, склоняясь к необходимости развития управленческих практик, отстраняя политика, ответственного за определение целей

развития, от управления как процесса реализации. Политика ответственна за выбор целей и ведущего к ним пути, а управление — за организацию и обеспечение движения. Если угодно, политика отвечает на вопрос «что делать?», а управление — на вопрос «как делать?» [Рац, 2010: с. 45]. Соглашаясь с тем, что указание куда идти, является по сути прерогативой политического лидера, мы считаем, что его функции этим не ограничиваются. Важнейшей составляющей деятельности политика является мобилизация имеющихся ресурсов, людей на достижение поставленных целей. Развитие менеджеральных подходов в системе государственного управления может дать определенный результат на краткосрочном этапе, но при этом еще в большей степени актуализирует проблематику профессионализма политического лидера, правильности определенного им курса, который будет реализовываться государственным аппаратом, повысившим свою эффективность. Представляется, что именно владение методами политического анализа и управления, способность к конструктивному взаимодействию с населением и экспертным сообществом со стороны чиновников государственного, регионального и муниципального уровней могут демпфировать возможные ошибки, неизбежно возникающие на этапе реализации.

В данной связи также следует упомянуть и роль парламента — как института представительной власти. Рабочее взаимодействие исполнительной вертикали и законодательной власти, представляющее собой эффективный механизм политического управления, является залогом политической стабильности. М. Вебер следующим образом определяют значимость взаимодействия правительства и парламента: Ни один из значительных английских парламентских лидеров не достиг высокого положения, не пройдя выучки в работе в комитетах, не ознакомившись с деятельностью целого ряда управленческих ведомств и не позанимавшись такой деятельностью сам. Лишь такая школа интенсивной работы с управленческими реалиями, какую политик должен пройти в комиссиях работающего парламента и в которой он обязан доказать свою дельность, подчеркивал Вебер, превратит это собрание в место селек-

ции не просто демагогов, но сведущих в своих делах политиков; в качестве недостижимого образца тут по сей день выступает английский парламент (что не вправе не признавать ни один честный человек). Лишь этот тип взаимодействия между профессиональным чиновничеством и профессиональными политиками гарантирует непрерывный контроль над управлением, а благодаря ему — и политическое воспитание, политическую выучку вождей и ведомых. Вынуждаемый эффективным парламентским контролем публичный характер управления, настаивает Вебер, — вот чего следует требовать в качестве предварительного условия всякой плодотворной парламентской работы и политического воспитания нации [Вебер, 2018: с. 130.].

Проведенный анализ позволяет говорить о необходимости компенсации менеджерского подхода, культивируемого системой госуправления, за счет расширения в управлении политических аспектов. Решение данной задачи возможно через развитие применения политических методов управления в системе государственной службы и реализацию соответствующего запроса на подготовку специалистов, а также через повышение роли парламента как зрелого института представительной власти, способного в полной мере реализовывать механизмы парламентского контроля, ведение политического диспута и обеспечивать внутривнутриполитический баланс. Естественной в таком случае представляется и роль парламента в политической социализации граждан, а также в становлении политических лидеров. Данный аспект имеет существенное значение при организации политического образования.

Рассматривая возможности политологического образования по подготовке политиков, следует отметить, что профессиональный политолог — это специалист изучающий политику, политические процессы. Можно ли сказать, что политологи сегодня являются политиками, то есть людьми, создающими и реализующими политику? Политолог, обладающий фундаментальными знаниями политической науки, в большей степени является наблюдателем, нежели создателем политики. Политолог, владеющий навыками в области практического применения политических техно-

логий является политтехнологом, но все же не политиком. Представляется, что именно деятельностная, поведенческая компонента является для политика определяющей, он должен обладать способностью осуществлять преобразования — изменять ход событий, используя политические методы. Вторая важная компонента — это власть, реализующаяся через политическое лидерство, осуществляемое по широкому кругу вопросов и проблем.

Зачастую политологи, как политические консультанты, привлекаемые сегодня властью для разъяснения обществу осуществляемой политики, вынуждены исполнять сервисную роль. Представляется, что добавление деятельностного образовательного компонента в рамках политологического образования позволит раскрыть потенциал данного направления по подготовке политической элиты страны, последнее может быть реализовано в рамках специальных курсов или программы специалитета. Существенной компонентой для реализации подготовки политиков является формирование особой образовательной среды, моделирующей политический процесс, а также применение современных методик обучения через сопричастность и сотворчество.

Кроме образовательной компоненты для формирования политической элиты важное значение имеет этап становления политического лидера, где ключевую роль играет среда. Следует отметить, что на сегодняшний день система исполнительной власти не способствует становлению политиков. По данным экспертного исследования Центра социально-консервативной политики, и политические партии сегодня также не рассматриваются экспертами в качестве значимой площадки для становления политических лидеров, несмотря на реализуемые партиями собственные программы подготовки, что отчасти объясняется, конъюнктурными соображениями вступления новых людей в партийные ряды.

Представляется, что на сегодняшний день в качестве ключевых институтов становления политических лидеров необходимо рассматривать парламент и университет. И если роль парламента в становлении политиков очевидна и важной составляющей данного процесса является по-

вышение значимости роли парламента, то роль высшей школы в процессе становления политиков требует пояснения. Во-первых, это возможность расширения политологического образования до политического, что может быть реализовано посредством формирования новых образовательных компонентов и программ обучения. Во-вторых, высшие учебные заведения являются ведущими институтами, обеспечивающими первичную политическую социализацию. Эта роль вузов с переходом на стандарты обучения, имеющие характер предоставления образовательных услуг, стала утрачиваться. Представляется, что новые общественно-политические реалии требуют создания современных форматов для обеспечения политической социализации молодежи. Роль вузов в решении данной задачи может быть воссоздана за счет формирования современной просветительской образовательной среды, ядром которой могут быть политологические отделения высших учебных заведений, основной задачей которых будет вовлечение в научно-практический диспут по приоритетным направлениям развития страны студентов разных профилей обучения. Таким образом, может быть обеспечено не только формирование университетской научной политической школы и подготовка ее приверженцев и последователей, но и решение более широкой задачи — формирование университетской площадки для подготовки и содействия становлению политической элиты страны.

В заключение отметим, что тридцатилетие современного политологического образования и политической науки представляется тем сроком, когда этап становления завершен, и наступает время для постановки новых масштабных целей. Такая цель, как формирование современной национальной политической элиты — профессионального сообщества политиков, представляется сегодня крайне актуальной, значимой и возможной к реализации на базе сформированной российской научно-образовательной политической школы.

Литература

1. *Блондель Ж.* Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. — М.: Российская академия управления, 1992. 136 с.
 2. *Вебер Макс.* Власть и политика / М. Вебер; [пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вступ. ст. А.Ф. Филиппова; комме. Т.А. Дмитриева, А.Ф. Филиппова]. М.:РИПОЛ классик, 2018. 432 с.
 3. *Рац М.В.* Бюрократия в контексте перемен: политики, управленцы, чиновники // Журнал политической философии и социологии политики «ПОЛИТИЯ». 2010. № 3–4 (58–59). С. 40–53.
 4. *Шувалова Л.В.* Требования к политическому лидерству в условиях общественно-политической трансформации / «Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки». 2019. № 1. С. 65–76.
-

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте России

e-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Воронцов Сергей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор, кафедры процессуального права Южно-Российского института управления филиала РАНХиГС при Президенте России

e-mail: raven_serg@mail.ru

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация: В статье анализируется трансформация подходов к процессам элитообразования, раскрывается понятие «политическая элита», исследуется ее деятельность по обеспечению национальной безопасности России, выявляются проблемы и основные тенденции в формировании современного элитогенеза. Обращается внимание на продолжающийся процесс конструирования элитологической парадигмы в российской политической науке, поддерживаемый развитием ряда научных элитологических школ и опирающийся на инструментарий ростовской научной элитологической школы. Авторами предложены рекомендации, которые помогут снизить отмеченные риски для национальной безопасности и повысить эффективность деятельности политической элиты.

Ключевые слова: политическая элита, элитообразование, рекрутинг, национальная безопасность, кадровая безопасность, ростовская научная элитологическая школа

Ponedekov Alekzander Vasilievich

Doctor of political sciences. Professor, Honored Scientist of the RF, head of the department of politology and ethnoplitics of the South-Russian institute of management — branch of The Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: ponedelkv@uriu.ranepa.ru

Vorontsov Sergei Alekseevich

Doctor of Juristic Science, professor of the department of precession law of the South-Russian Institute of management branch of The Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: raven_serg@mail.ru

THE ROLE OF POLITICAL ELITE IN PROVIDING THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Abstract: The article analyzes transformation of approaches to the processes of elite design, defines the notion “political elite”, investigates its activities in pro-

viding national security of Russia, reveals the problems and main tendencies in formation of modern elite-genesus. Special attention is paid in the article to the continuing process of construction of the elite paradigm in the Russian political science, supported by development of a number of scientific elite schools, based on the instrumentation of the Rostov scientific elite school. The authors suggest recommendations, which will help to lessen the marked risks for national security and raise the efficiency of the political elite activities.

Keywords: political elite, elite-design, recruitment, national security, staff security, the Rostov scientific elitology school

Как известно, в условиях глобализации особую значимость и актуальность приобретает национальная безопасность — как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Именно поэтому Президент России В.В. Путин постоянно уделяет особое внимание социальной справедливости, упрочению демократии, обеспечению высокого уровня национальной безопасности, резко усиливая звучание последней компоненты в условиях растущего противостояния с «коллективным Западом».

Сложилось мнение, что национальная безопасность зависит от качественного состояния военной, экономической, информационной, экологической её видов. И это правильно.

Но справедливо отметить, что безопасность это и результат деятельности правящей элиты. Ведь политическая элита обладает ресурсами власти и влияния, легитимностью в обществе, определяющими цели и методы управления политическими процессами. Она и только она обязана обеспечить прочную стабилизацию государственности Российской Федерации, создание необходимых условий для реализации физических, интеллектуальных способностей и достойной жизни всех россиян.

Впрочем, не только проблемы профессионализма элит, госслужащих вызывают у ученых, журналистов, населения вопросы. Иногда прямо ставится вопрос применительно к российским элитам: да с элитами ли мы вообще имеем дело?

Как известно, в элитологии практикуется применение как статусно-диспозиционного подхода к элитам, так и ценностно-меритократического подхода.

Некоторые современные российские ученые, критически оценивающие результаты управленческой деятельности, профессиональный уровень и нравственные качества

представителей российских правящих кругов, считают неправомерным применять к ним термин «элита». Ведь, если после падения советской идеологической парадигмы в начале реформ 90-х годов прошлого века российский истеблишмент, образованный на основе партноменклатуры, цеховиков, теневиков, спекулянтов и авантюристов, эксперты не решались назвать элитой [Тощенко Ж.Т., 1999, с. 123–133], то в начале третьего тысячелетия произошла определенная переоценка ценностей, требующая научного осмысления.

В этой связи, отвечая на ряд возникших естественных вопросов, можно отметить следующее:

Основоположниками — Г. Моска, В. Парето, Р. Михельсом дано хрестоматийное определение элиты как представителей правящего меньшинства, которые неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут [Моска, 1994: с. 189.]. В России, формально, с точки зрения буквального значения термина, это возможно и правильно.

Другая группа ученых считает неправомерным, преувеличение меритократического фактора при формировании элиты. С их точки зрения, это затрудняет возможность объективно проводить анализ элитарных процессов [Шатилов, 2019: с. 171.], поскольку при этом забываются слова Высоцкого, «а безгрешных природа не знает», а также Э. Стивенсона: «Идеалы подобны звездам в небе: мы никогда не можем их достичь, но как мореходы в плавании ориентируемся по ним в жизни». При меритократическом подходе, считают они, мы вновь начинаем навязывать политологии иные (идеологические, этические, аналитические и оценочные) подходы, существенно снижая её собственный потенциал и возможности анализа.

Рассмотрим проблему более предметно.

В условиях современной кадровой глобализации интеллект и профессионализм элиты оказались в эпицентре мировой конкурентной борьбы. Шансы выиграть у того, кто начал освобождаться от nepoтизма, трайболизма, землячества, кумовства, протекционизма, волонтаризма и других кадровых «измов», а по сути — в изменении философского отношения к человеку-профессионалу.

Качество кадрового обеспечения задач национальной безопасности — важнейшая и неотъемлемая функция российского государства. В государственной кадровой политике, в системе государственного и муниципального управления нужна мобилизационная политика по формированию профессионального, нравственного и патриотического кадрового потенциала элиты.

Как показывают аналитические исследования попасть в современную российскую элиту можно различными путями [Воронцов, 2013]. К примеру — через удачный брак, через скабрезный скандал, через реальное самовыражение в самых извращенных формах, через наличие значительного количества денег, источник которых обществу непонятен. Отдельные читатели возразят: да кто считает этих моральных уродов элитой общества?! Увы, определенная часть общества считает, как уже отмечено выше, что понятие элита утратило свое первоначальное значение.

Второй путь — политика. И вот тут начинается самое интересное. Для значительной части претендентов в политическую элиту политика рассматривается не как тяжелый и неблагодарный труд, а как форма самовыражения, как самореклама, возможность добиться благополучия не для народа, а для себя лично. Здесь все смешалось. Некоторые, как уже зрелые, так и начинающие политики, научились громко заявлять о себе, практически ничего не делая полезного для общества. Достаточно посмотреть списки политических партий. Бегло взглянув на биографию «выдвиженца», мы не увидим его трудового пути, не сможем оценить его практические дела, опыт и потенциальные возможности. Пристальный взгляд способен выявить элементы биографии, которые отдельные кандидаты стремятся скрыть вопреки требованиям закона, например, наличие судимости, двойного гражданства, незадекларированной недвижимности за рубежом.

Чьи интересы они будут защищать эти представители «элиты» в органах власти: криминалитета, иностранных государств?

Зафиксировав свое положение в государственной структуре, подобные персонажи автоматически фиксируют свое положение в элите. И с каждым таким так называемым представителем элиты государственная палитра тускне-

ет, потому что для значительной части, подобной элиты — власть (пусть даже небольшая) является формой самовыражения и, увы, обогащения.

К примеру, время от времени во власти разгораются скандалы вокруг непонятных, неизвестных обществу персон типа Арашукова, Абызова, Фургала, Быкова и др., которые по образному выражению профессора А.И. Турчинова, регулярно появляются «как черт из табакерки» [Понделков, 2014: с. 182.].

Возникают естественные вопросы: как они попали в «элиту»? Что значимого для государства и общества совершили они до назначения? По какой кадровой шкале, кто персонально оценил их «гениальность» при назначении на высокие должности и кто будет отвечать?

Создается впечатление, что современный элитный рекрутинг заключается в формировании касты персонажей, которые фигурируют только в поле зрения первых лиц разных уровней. Им главное не сделать, а пообещать сделать. Чтобы быть в тренде внимания. Чтобы объяснить, что они хотят сделать, а если не получится, объяснить почему!

Им не важно, что их критикует общество, что население возмущается их деятельностью. Им важно, чтобы их не критиковало первое лицо. На это направлены все усилия. Отсидевшись в тени «повседневной работы» и не имея собственных практических результатов, пустые персонажи развивают бурную деятельность, генерируя популистские идеи, которые пытаются нормализовать законами имени себя. Для них главное попасть в кадр, главное, чтобы их заметили, а это даст им основание причислить себя к элите. Этаким виртуальный менеджмент, представитель которого искренне полагает, что он управляет обществом, пристрастиями, увлечениями, образом жизни.

За последние годы в стране появились полуграмотные «всезнайки». Прикрываясь дипломами и научными степенями, но не обладая ни теоретическими знаниями, ни практическим опытом, они пытаются все изменить, в лучшем случае «усовершенствовать».

Сфера приложения усилий для них значения не имеет: органы государственной власти и местного самоуправления, промышленность, образование, здравоохранение, на-

ука или футбол. Насаждаемые ими «новшества» ставят в тупик профессионалов, воспитанных в духе принципа Оккама: не множить сущности без необходимости. Обоснование ими собственной активности — «принципы управления везде одинаковы. Хоть в правительстве, хоть в думе, хоть в бане, хоть в полиции».

Принципы, может быть, и одинаковы, но кадры, функции, задачи, методы, ожидаемые и практические результаты — разные! Подобные «представители элиты» даже не понимают, или не хотят понять, сколько времени отнимают у непосредственно работающих людей!

Причем, сами не умея ничего, они стремятся учить других. Однако необходимым объемом знаний для этого они не располагают, навыков и умений не имеют, а многие и не желают заниматься реальными делами. Все хотят руководить, или, в крайнем случае, что-то координировать! Долго не задерживаясь на одном месте, они переходят на новую работу, где рассказывают не о том, какой опыт они приобрели, чего достигли лично, а в какой организации работали, пытаясь произвести впечатление звучными и известными названиями компаний.

Государство и общество для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, должны выращивать элиту — не по названию, а по сути. Главное не просто ее «выучить», а вырастить на традициях народа. Залогом качества элиты выступает «отлаженный механизм участия народа в формулировании состава политической элиты. Система назначения невыборных лиц и министров «должна находиться под контролем независимого экспертного сообщества» [Шарков, 2017: с. 530].

При этом, если речь о политической, управленческой, военной или правоохранительной элите, необходимо ориентироваться на «госзаказ» потребных специальностей и отбирать лиц, обладающих соответствующим статусом. Например, во времена СССР, в Высшую школу КГБ или МВД мог поступить только человек с высшим образованием, отслуживший в армии, обладающий навыками общения с людьми и т.д. А сегодня даже в «элитные» специальные заведения нередко берут курсантов, не прошедших военную службу, не обладающих комплексом качеств, необходимых для специ-

альной службы, что, в конечном счете, и приводит к громким скандалам в элитарном слое, которых говорилось выше.

Пора, наконец, пересмотреть отношение к элите, как к лицам, занимающим высокие посты, пусть даже назначаемым на должности Указами Президента России.

Сегодня большинство населения едва ли вспомнит добрым словом хотя бы десяток персонажей прошлых лет, которые в последние десятилетия были на вершине власти. Где они сегодня? И куда делась их «элитарность», превозносимая вчера?

Так кого же можно отнести к элитам? Авторы полностью согласны с членом Совета по внешней и оборонной политике при Президенте РФ, генерал-лейтенантом в отставке Михайловым А.Г., который, отвечая на этот вопрос, говорил: «Думаю, что только созидателей. Тех, кто своими мозгами, талантом, руками создает непреходящие ценности для страны» [Михайлов, 2019: с. 177].

Прежде всего, это категория людей, к слову, весьма скромных, внесших большой вклад в развитие государственности, науки, культуры, искусства, медицины, образования. Это не чиновники, не наемные работники, а труженики, своим умом достигшие высот в какой-либо сфере, как, например, Примаков, Рошаль, доктор Лиза.... Именно поэтому Президент России В.В. Путин поздравляя несколько лет назад Евгения Максимовича Примакова с днем рождения вручил ему примус, что в переводе с греческого — Первый.

Формирование элит дело долгое, сложное и хлопотное. Для этого надо восстановить классические принципы государственной кадровой политики, характерные для нашего Отечества.

Основной принцип — постепенное продвижение людей по карьерной лестнице. Без прыжков и нелепых взлетов. По всем ступеням государственной лестницы. Без взяток, без родственных связей и клановости. Может, тогда слово «элита» будет соответствовать своему первоначальному значению.

В этом плане в Резолюции IV Съезда Российского общества политологов, состоявшегося 22–23 декабря 2020 года, своевременно поддержана Рекомендация Первого заместителя Руководителя Администрации Президента РФ С.В. Кириенко «о включении новых направлений исследо-

ваний тем..., связанных с новыми механизмами рекрутирования политических элит».

Не вдаваясь в детали, с учетом регламента конференции, хотим отметить, что на протяжении более четверти века на базе ростовской научной элитологической школы совместно с Ростовским, Ставропольским, Волгоградским, Астраханским и другими региональными отделениями РОП, изучаются политические элиты в современных ее измерениях

При этом используются как горизонтальный аспект рассмотрения взаимодействия политических элит с другими влиятельными элитными группами, входящими в «правлящий класс» (бизнес-элита, военная элита), так и вертикальный аспект, распределяя политическую элиту на уровне государственного и политического управления: высший (центр), региональный (республики, края, области), местный уровень.

По результатам социологических исследований издаются сборники. Проблемы рекрутирования политических элит регулярно обсуждаются на Всероссийских элитологических конгрессах, круглых столах, других форумах.

В заключение ещё раз необходимо подчеркнуть, что качество политико-административной элиты, её зрелость, ответственность за страну оценивается не по инициативам и популистским обещаниям министров, губернаторов, мэров, не по количеству законов, принимаемых депутатами и поправками от их имени, а направленностью их действий на благо людей, справедливостью, гуманностью, устойчивостью от поражения коррупцией, прозрачностью принимаемых решений, способных учитывать и совмещать самые разные общественные интересы и запросы.

В таком случае налицо торжество принципа — «Элитой надо не слыть, а быть».

Как отметил Президент РФ В.В. Путин в одном из Посланий Федеральному Собранию «власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания».

Литература

- Воронцов С.А.* Взаимоотношение политических и религиозных систем: философско-правовой анализ. Ростов-на-Дону, 2013. 192 с.
- Михайлов А.Г.* Проблемы отечественных элит: критический взгляд. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15–16 февраля 2019 г. / Ред.-изд. гр. А.Ю. Шутов (руков.), О.В. Локота, А.В. Понеделков и др. Ростов-на-Дону: Издательство (ЮРИУ РАНХиГС, 2019.
- Моска Г.* Правящий класс. Церковь, партии, секты / Пер. с англ. и прим. Г.И. Самсоновой // Социологические исследования. 1994. № 10.
- Понеделков А.В., Воронцов С.А.* Переформатирование российской властной элиты в контексте видения современной элитологии // Власть. 2014. № 1. С. 180–184.
- Тощенко Ж.Т.* Элита ? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования, 1999. № 11. С. 123–133.
- Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А.* О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их решения // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. Т. 17. Серия 4. Социология.
- Шатилов А.Б.* Специфика и технологии работы современного элитолога: пределы и возможности // Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15–16 февраля 2019 г. Ростов-на-Дону / Ред.-изд. гр. А.Ю. Шутов (руков.), О.В. Локота, А.В. Понеделков и др. Ростов-на-Дону: Издательство (ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С.169–173.

Юрченко Виктор Михайлович

доктор философских наук, профессор, Кубанский Государственный университет,
советник при ректорате, профессор кафедры политологии и политического
управления, заслуженный профессор Куб ГУ
e-mail: ivyurchenko@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА О КЛЮЧЕВЫХ ВЫЗОВАХ СОВРЕМЕННОСТИ: ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу ключевых вызовов современности в условиях новой глобальной ситуации. Особое внимание уделяется концепции социальной справедливости, интерпретациям этого понятия в политологическом дискурсе, соотношению концептов «национальная безопасность», «социальная стабильность» и «социальная справедливость». Используются методы экспертной оценки и сравнительного анализа понимания содержания и возможностей реализации принципов социальной справедливости, формирования политической концепции определения целей и задач политики государства по преодолению угроз политического раскола вследствие существующего социального неравенства и несправедливости. Аргументируются выводы о том, что в обществе созрел запрос на серьезные преобразования в политико-экономических отношениях. Сопоставляются мнения и позиции ведущих политологов, политиков, российских и зарубежных мыслителей о важности государственного обеспечения и регулирования справедливости в обществе. Анализируется социальная направленность предвыборных программ и документов отдельных политических партий и отражение в них предлагаемых мер по реализации принципов социальной справедливости. Обосновывается необходимость политологической экспертизы управленческих практик федеральных и региональных элит по реформированию социально-экономической политики государства. Высказаны рекомендации по реализации государством принципов социальной справедливости и повышения качества жизни граждан.

Ключевые слова: социальная справедливость, системный кризис, государственная политика, потенциал развития, политическая наука, вызовы современности, новая глобальная ситуация

Yurchenko Viktor Mikhaylovich

Doctor of Philosophy, Professor, Kuban State University, Advisor to the Administration, Professor of the Department political science and political management, Professor Emeritus Cube GU

e-mail: ivyurchenko@mail.ru

POLITICAL SCIENCE ON KEY CHALLENGES OF MODERNITY: THE PRINCIPLE OF SOCIAL JUSTICE IN RUSSIAN STATE POLICY

Abstract: The work is devoted to the analysis of the key challenges of our time in the new global situation. Special attention is paid to the concept of social justice, interpretations of this concept in political science discourse, the relationship between the concepts of “national security”, “social stability” and “social justice”. Methods of expert assessment and comparative analysis of understanding the content and possibilities of implementing the principles of social justice, forming a political concept of defining the goals and objectives of state policy to overcome the threats of political split due to existing social inequality and injustice are used. The author argues the conclusions that the demand for serious changes in political and economic relations has matured in society. The opinions and positions of leading political scientists, politicians, Russian and foreign thinkers on the importance of state provision and regulation of justice in society are compared. The social orientation of the election programs and documents of individual political parties and the reflection in them of the proposed measures for the implementation of the principles of social justice are analyzed. The necessity of political science expertise of administrative practices of federal and regional elites on reforming the socio-economic policy of the state is substantiated. Recommendations were made for the implementation by the state of the principles of social justice and improving the quality of life of citizens.

Key words: social justice, systemic crisis, state policy, development potential, political science, modern challenges, new global situation

В настоящее время широкая общественность все более убеждается в том, что одним из важнейших ключевых вызовов современности является проблема справедливости в самом широком смысле этого слова. Ведущие российские политологи не раз подчеркивали тесную взаимосвязь принципов сильной государственности и социальной справедливости.

Справедливость, — отмечала Т.А. Алексеева, выступая на Мировом политическом форуме в Ярославле в 2011 году, — «сквозная» идея на протяжении всей истории человечества. Чувство несправедливости обостряется во время кризисов, когда утрачивается надежда на перемены. Справедливость

сегодня осознается как важнейший фактор функционирования государства и рыночного хозяйства. Поиск «формулы справедливости» до сих пор остается вызовом для социальной теории. Государства, подчеркивает Алексеева, должны искать новые институциональные решения, отражающие меняющееся культурное и политическое понимание возникающих проблем. С одной стороны, государство должно поддерживать потенциал развития, с другой — через постоянный диалог сглаживать обострение чувства несправедливости у своих граждан [Алексеева, 2011: с. 18]. Спустя десятилетие проблема справедливости еще более обострилась вследствие углубления кризиса глобализации.

Говоря о ключевых вызовах современности, о новой глобальной ситуации, Президент РФ В.В. Путин в своем выступлении на экономическом форуме в Давосе (январь 2021 г.) проанализировал с опасности роста и усиления социального расслоения во многих странах, что в свою очередь ведет к еще большему обострению общественно-политических и международных проблем. Пандемия вызвала резкую поляризацию общества и ожесточение внутривнутриполитических процессов. Социальный и ценностный кризис оборачивается негативными демографическими последствиями. Путин обозначил ключевые вызовы современности и первым — социально-экономический, когда растет разрыв между богатыми и бедными, и отсюда вызов второй — общественно-политический, когда общество раскалывается политически и социально вследствие экономических проблем и неравенства. Третий вызов — обострение всего комплекса международных проблем.

Не претендуя на детальный анализ всех угроз и рисков, ключевых вызовов, о которых говорил Президент РФ, остановимся на первых двух проблемах, на наш взгляд, тесно взаимосвязанных. На проблеме обеспечения социальной стабильности российского государства и общества, социальной справедливости и том анализе, который в этой области проделан рядом представителей политологического сообщества до и во время коронавирусной кризисной ситуации. К такой постановке вопроса нас подталкивает статистика. По официальным данным, число граждан России,

с денежными доходами ниже установленной с денежными доходами бедности составляет около 20 млн человек. Это не просто большая цифра,стораживает ее постепенный рост. При этом доходы сверхбогатых в «эпоху коронавируса» даже возросли, то есть степень поляризации граждан страны также возросла. А ведь эти 20 миллионов — граждане страны с правом голоса на выборах, со своей гражданской позицией. Не случайно, по данным ряда недавних социологических исследований, большинство опрошенных надеются на государственную поддержку и хотят видеть свое государство сильным и способным такую поддержку оказать.

Важно отметить взаимосвязь таких аспектов современной государственной политики, как реализация национально-государственных интересов страны, обеспечение национальной и региональной безопасности и инновационного развития, являющиеся комплексным показателем состояния экономики, внутривнутриполитической стабильности, а также влияния внешнеполитических факторов на различные сферы общества и их значения как основного критерия эффективности проводимой государством политики [Юрченко, 2008: с. 64; Юрченко, 2010: с. 60–63].

Социальная сторона жизни, отмечает В.И. Коваленко, в России традиционно имела более важное значение, чем поиски приемлемых политических форм. Политическая элита, приходящая к власти в переходные времена, стремительно теряла доверие населения, если за фасадом демократических перемен не стояло решение назревших социальных задач. Причем здесь недостаточно стимулировать плоско понимаемую предприимчивость, создавать условия для получения образования, переквалификации (что часто звучит в СМИ как заслуга власти. — В.Ю.). Задача состоит в расширении возможностей соучастия в управлении производством, в преодолении неоправданной социальной дифференциации, в действенности социальных и профессиональных лифтов. Словом — во всем том, что, как показывают многочисленные социологические исследования, россияне органично связывают с принципами социальной справедливости и что является главным социальным запросом большинства граждан [Коваленко, 2017: с. 80].

Спрос на социальное государство в настоящее время растет. В условиях борьбы с последствиями пандемии российские граждане хотят видеть власть сильной, способной защитить их интересы, обеспечить безопасное существование. Как подчеркивают некоторые исследователи, социальное государство может устойчиво существовать только на основе широкого консенсуса по важнейшим вопросам жизни общества: отношение к старости, доступ к базовым услугам, их перераспределению и т.п. И само перераспределение в таких условиях не вызывает мощного противодействия, отдельные ошибки устраняются в ходе общественной дискуссии, результаты которой улавливают и канализируют политические партии [Выжутович, 2021].

В своей хрестоматийной для политической науки работе «Политический человек. Социальные основания политики» М. Липсет отмечал, что уменьшение числа объективно малоимущих — тех, кто получает низкие доходы, испытывает неуверенность, недоедает, снижает степень потенциальной напряженности в обществе [Липсет, 2016: с. 478]. Продолжим эти рассуждения с обратным знаком — то есть, при росте числа бедных степень напряженности в обществе возрастает.

На первый взгляд, ничего нового в таком выводе нет, но не будем спешить. Не случайно появление в год выборов в ГД РФ на политическом небосклоне нового «игрока» — объединенной политической партии левой ориентации. Лидеры «Справедливой России», партии «За правду» и «Патриотов России» после консолидации вокруг 12 «Принципов правды и справедливости» рассчитывают серьезно повысить свою роль в российском парламенте. В числе декларируемых ценностей: создание солидарной социально ориентированной экономики; внедрение прогрессивной шкалы налогообложения; усиление борьбы с коррупцией; госрегулирование цен на тарифы естественных монополий, топливо, лекарства и предметы первой необходимости; существенное повышение уровня МРОТ, пенсий, пособий и введение базового безусловного дохода. Кроме этого следует отметить национализацию ключевых и инфраструктурных отраслей и справедливое перераспределение бюджетных доходов; воспитание граждан на основе традиционных

ценностей и патриотизма. В совместном манифесте речь идет о необходимости обеспечить свободные демократические выборы, избирать мэров городов прямым голосованием и др. Словом, в единый документ, по мнению авторов манифеста, собраны ключевые проблемы современного российского общества.

Конечно, можно сказать, что декларация ценностей и намерений — это только часть проблемы. Надо суметь превратить их в государственные программы, обеспечить реальное финансирование и только тогда рассчитывать на претворение в жизнь. Задача, скажем, совсем непростая в современных кризисных условиях. В то же время, другим политическим партиям, в первую очередь парламентским, следует четче определить адекватные меры в области экономического и социально-культурного развития страны и ее регионов. Центр межпартийной дискуссии — новые социальные стандарты и повышение качества жизни граждан, их безопасность в самом широком смысле этого понятия. А в «сухом остатке» результатов такой дискуссии — голоса избирателей.

Анализируя устойчивость политических систем, в условиях развивающегося мирового кризиса, В.И. Якунин подчеркнул, что экспертным сообществом осуществляется поиск новых моделей, которые обладали бы не только дескриптивным, но и прогностическим потенциалом. Он отметил, что наиболее острой проблемой современности ученые называют фактор несправедливости и неравенства, а также наличие глубокого финансово-экономического кризиса, перешедшего в фазу системного [Якунин, 2018: с. 3].

На IX Столыпинских чтениях в ноябре 2020 года, при обсуждении проблем научного обеспечения регионального развития и повышения качества жизни граждан, было отмечено, что наши ученые в решении конкретных задач могут просчитывать их экономическую эффективность, социальные последствия реализации, определять показатели соотношения затрат и результатов. Критерий «справедливости» характеризует уровень благосостояния граждан, зависящий от государства и его региональных органов. Говоря о политологической составляющей понятия «регион», мы особо отметили, что именно здесь наиболее тесно осуществ-

вляется взаимодействие власти и населения. Поэтому в научной политологической экспертизе нуждается и деятельность органов власти и управления, политических партий и общественных движений, региональных элит, организация избирательных кампаний и изучение общественного мнения по стратегически важным вопросам. Было предложено ввести в структуру органов местного самоуправления экспертные советы из числа наиболее авторитетных ученых, в том числе политологов [Юрченко, 2020, с. 11–12].

Изучая проблему деятельности государства по обеспечению принципов социальной справедливости, необходимо помнить некоторые практические советы от Ивана Ильина (**выборка автора**). Первое требование состоит в том, что каждый должен научиться отличать вопрос о справедливости от вопроса о личном интересе и не прикрывать свою корысть декларацией о справедливости. Далее. Справедливость не есть готовая программа мероприятий или готовая система жизни, которую можно немедленно взять и осуществить. Она отыскивается в непрерывном творческом созерцании и действии. Справедливость нельзя смешивать с равенством, требовать всеобщего уравнивания несправедливо и противоестественно. Важно, чтобы правительство и народ искренне хотели справедливости и взаимно верили друг другу. Как считает И. Ильин, надо воспитывать в народе государственно-патриотический дух, чтобы во имя общего блага не настаивать на немедленном удовлетворении собственного справедливого интереса [Ильин, 2018: с. 315–319]. На наш взгляд, вполне современные рекомендации. Могут ли они быть востребованы лицами, принимающими управленческие решения по дальнейшему развитию российского государства? По этому поводу известный ученый Яков Миркин (ИМЭМО РАН) высказался так: может быть наша модель развития состоит в том, что государства будет много, но оно будет подчинено благосостоянию населения. Социальная рыночная экономика, царство «социальных сеток», «социальных лифтов», мелкого бизнеса будет соседствовать с крупными кампаниями. Больше равенства в доходах, при этом чувство личной свободы соединено с общественными интересами. Может быть, настало время

делать социальную рыночную экономику, подстраивая под нее все в нашем обществе? [Миркин, 2021, 2 февраля].

Политологическое сообщество России, на наш взгляд, должно более активно включиться в этот прогностический дискурс. Мы затронули только некоторые аспекты проблемы социальной справедливости, от которой зависит социально-политическая стабильность страны, безопасность ее граждан.

Литература

- Алексеева Т. А.* Возможна ли «глобальная справедливость»? // МГИМО на мировом политическом форуме — 2011 [Электронный ресурс: file://C:\Downloads\vozmozhna-li-globalnaya-spravedlivost.pdf] (дата обращения: 06. 02. 2021).
- Выжutowич В.* По карману ли нам социальное государство? // Российская газета. 2021. 18 января.
- Ильин И. А.* Национальная Россия: наши задачи. М.: Алгоритм, 2018. 464 с.
- Коваленко В.И.* Ценностные основания консолидации российского общества в условиях глобализирующегося мира // Духовно-нравственные основы идеологии Российской государственности на современном этапе: материалы Всерос. научно-практ. конф. Краснодар-Сочи, 13–15 марта 2017 г. Краснодар: Диапазон-В, 2017. С. 75–81.
- Липсет М.* Политический человек. Социальные основания политики / пер. с англ. М.: Мысль, 2016. 612 с.
- Миркин Я.* Как России найти золотую середину? // Российская газета 2021. 2 февраля.
- Юрченко В.М.* К вопросу о концепции регионального развития: научное обеспечение взаимодействия власти и населения // IX Столыпинские чтения. Проблемы научного обеспечения регионального развития и повышения качества жизни граждан России: взаимодействие власти, высшей школы и бизнеса: материалы Всерос. науч.-практ. конф. посвященной 100-летию КубГУ / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 8–13.
- Юрченко И.В.* Безопасность как базовый концепт политической стратегии инновационного развития современной России: Монография, Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. 164 с.
- Юрченко Н.Н.* Идеология модернизации государственного управления в контексте реализации национально-государственных интересов современной России // Власть. 2010. № 9. С. 60–63.
- Якунин В.И.* Устойчивость политических систем в условиях развивающегося мирового кризиса // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 3–26.
-

Цветкова Ольга Викторовна

кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

e-mail: tsvetkovaov@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: Основная задача статьи обозначить концепцию «нациестроительства» в современных реалиях, направленную на повышение национальной безопасности и укрепление политической стабильности российского многонационального общества в условиях формирования новых вызовов. Автором поставлены следующие задачи: исследовать теоретико-методологические основы нациестроительства: зарубежный и отечественный опыт, рассмотреть роль государства в развитии концепции нациестроительства, выделить нормативную базу в сфере государственной политики нациестроительства и выявить технологии по реализации государственной политики нациестроительства в современной России.

Ключевые слова: нация, нациестроительство, межнациональные отношения, национальная политика, гражданская нация, национальная идея

Tsvetkova Olga Viktorovna

Candidate of Political Science, Associate Professor Department of Russian Politics
Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University

e-mail: tsvetkovaov@mail.ru

CONCEPTUALIZATION OF THE STATE POLICY OF NATION-BUILDING IN MODERN RUSSIA

Abstract: The main task of the article is to develop the concept of “nation-building” in modern realities, aimed at improving national security and strengthening the political stability of the entire Russian multinational society in the context of the formation of new challenges. The author sets the following tasks: to study the theoretical and methodological foundations of nation-building: foreign and domestic experience, to consider the role of the state in the development of the concept of nation-building, to study the regulatory framework in the field of state policy of nation-building and to identify technologies for the implementation of state policy of nation-building in modern Russia.

Key words: nation, nation-building, interethnic relations, national policy, civil nation, national idea

В условиях усиления глобальных и интеграционных процессов растет потребность в формировании в России гражд-

данской нации как наиболее оптимальной формулы нациестроительства для современного российского государства с его многоэтничностью, поликонфессиональностью, огромной территорией и все возрастающей внешней миграцией. Для дальнейшего развития российской политической науки в настоящее время разработка этих проблем имеет ключевое фундаментальное значение, поскольку стабильность государства зависит от упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации); сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России; гармонизации национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; обеспечения равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Именно такой фундаментальный научный анализ и синтез социально-политических проблем многонационального российского общества поможет разработать в отечественной политической науке оригинальную концепцию «нациестроительства», направленную на решение стоящих перед страной актуальных политических задач.

В предметном поле исследования выделим ряд направлений российских и зарубежных ученых, заложивших основы нациестроительства.

В зарубежной литературе построение концепции «nation building» в одних случаях связывается с формированием нации и с созданием государства [James, 1996], а также с формированием у населения чувства национальной идентичности. [Wendell, Freeman, 1974].

В других случаях — с построением национальной идентичности с использованием силы государства [Nation Building..., 1966]. За рубежом на сегодняшний день опубликован огромный массив книг и статей по вопросам нациестроительства, издается целый ряд международных междисциплинарных журналов: *Ethnicities*; *International Journal of Minority and Group Right*; *Nations and Nationalism*; *Ethnic*

and Racial Studies; Journal of Ethnic and Migration Studies; Journal of Multicultural Society.

В России разработка концепции «нациестроительства» началась в 1990-е годы в ответ на вызовы времени, связанные с необходимостью формирования основ нациестроительства в условиях перехода России к новым условиям ведения хозяйства — рыночным отношениям. Все начинания нашли отражение в принятом государственном документе 1996 года — Концепции государственной национальной политики Российской Федерации.

Первые научные исследования концепции «нациестроительства» были сделаны российским историком, этнологом и социальным антропологом В.А. Тишковым.

Теоретические трудности, связанные с изучением проектов нациестроительства в России, связаны с тем, что в научной литературе существуют различные представления о том, что такое нациестроительство, или nation building [Репьева, 2013]. Одни исследователи полагают, что нациестроительство — это «соединение людей множеством взаимных связей и обязательств» [Кара-Мурза, Куропаткина, 2014]. Другие предлагают различные проекты конструирования такой нации с учетом советского прошлого или неоимперского будущего [Багдасарян, 2014] и российской цивилизационной специфики [Лубский, 2014].

Методология исследования носит междисциплинарный характер, находится на пересечении политологии, социологии, культурологии, этнологии и демографии. С учетом этих обстоятельств, с нашей точки зрения, целесообразно, прежде всего, использование системного подхода и структурно-функционального анализа, что позволит представить социально-политическую концепцию «нациестроительства» как целостную систему социально-политических идей и представлений о формах и методах построения гражданской нации. Именно такая опора на междисциплинарную методологию позволит разработать концепцию «нациестроительства» как фундаментальный социально-политический проект.

Использование также крайне важного социокультурного анализа позволит адаптировать концепцию «нацие-

строительства» к российским политическим традициям и ценностям, предложить социально-политический проект «нациестроительства», адекватный российским условиям, направленный на повышение качества и уровня жизни граждан, укрепление политической стабильности многонационального российского общества.

Значимым представляется и использование других подходов и методов. Так, компаративный политический анализ позволит сравнить отечественные и зарубежные подходы к формированию государственно-гражданской и национально-гражданской идентичности в российском обществе. Опора на социологические исследования позволит рассмотреть современные тенденции изменения общественного мнения по поводу укрепления единства российской нации и этнокультурного развития народов России. Естественно, важны и общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, экстраполяция, абстрагирование, аналогии, обобщения, классификации и пр.

Актуальность формирования гражданского самосознания, воспитания патриотов России, проблемы достижения межнационального мира, то есть основ нациестроительства, была четко определена в 2012 г. в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Целью этой Стратегии было (и остается), с одной стороны, «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации)», с другой — сохранение и развитие «этнокультурного многообразия народов России» [Стратегия государственной...].

В основу федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» также был положен принцип единства российской нации и этнокультурного многообразия народов [Федеральная целевая программа...].

Первоначальные правовые основы нациестроительства представляют собой ряд нормативных документов и актов: Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года; Национальная доктрина образования

в Российской Федерации на период до 2025 года; Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014–2020 гг.); Указ Президента РФ В.В. Путина от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.».

Нормативная база в сфере государственной политики нациестроительства видоизменилась, что нашло отражение в поправках к Конституции Российской Федерации.

15 января 2020 года Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному собранию объявил о конституционной реформе, которая серьезно изменила государственную систему России. Поправки к Конституции РФ, вступившие в силу 4 июля 2020 года после всенародного голосования, определили в частности, полномочия Государственного совета, выразились в подчинении ранее независимой судебной власти Совету Федерации, а также в изменении статуса местного самоуправления.

Рассмотрим поправки, касающиеся государственной политики нациестроительства в Российской Федерации.

В Конституции появилось новое положение, в соответствии с которым в статью 68 включена следующая формула: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Поправками устанавливается статус русского языка как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. При этом сохраняется право республик устанавливать свои государственные языки, которые в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В этой же статье фиксируется, что культура в России является уникальным наследием ее мно-

гонационального народа, она поддерживается и охраняется государством.

В статью 69 внесены следующие поправки: в качестве незыблемых приоритетов российского государства объявляется защита культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации. Конституция гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия, соблюдение и защиту особых прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

В целом экспертные оценки демонстрируют тем не менее осознание сохраняющегося преобладания «верхушечных» проявлений в плоскости нациестроительства, недостаточности его нормативного и инструментального обеспечения. Устранение этих недостатков может быть некоторым образом компенсировано работой парламентских институтов. Активизация диалога между законодательной и исполнительной властями может стать одним из определяющих механизмов продвижения государственной политики нациестроительства. Здесь имеется в виду активное участие не только федерального правительства, но также отдельных министерств и ведомств в его структуре.

Государственная политика нациестроительства представляет собой комплексную деятельность органов федеральной и региональной власти по закреплению и обогащению положительных тенденций, сложившихся естественно-историческим путем, стимулированию чувства единства, общности своих граждан (и соотечественников — в более широком смысле).

К элементам концептуализации государственной политики нациестроительства России следует отнести: 1) факторы нациестроительства; 2) сферы государственной политики нациестроительства; 3) нормативную базу государственной политики нациестроительства; 4) технологии по реализации государственной политики нациестроительства 5) методы продвижения государственной политики нациестроительства.

Рассмотрим факторы нациестроительства как первичный элемент построения концепции. К факторам относятся: социокультурные ценности (язык, религия, культура); социальную и экономическую обстановку; историческую память; идеологию; общие гражданские и политические ценности; развитие лояльного отношения народов друг к другу; осознание населением страны своей общности; наличие объединяющих патриотических символов; политический режим; общее историческое прошлое; свободу личности; работающие правовые институты; политическую культуру; общее миропонимание; использование пропаганды, развитие инфраструктуры, чтобы способствовать экономическому развитию; организацию гражданского общества, создание государства, где можно будет равномерно распределить общественные блага; возникновение общей среды общения; социально-экономическое благополучие, которое можно измерить с помощью международных индексов.

Сферы государственной политики нациестроительства: государственная национальная политика; государственная политика в сфере образования; государственная региональная политика; государственная политика в сфере культуры; государственная политика памяти; государственная молодежная политика; государственная социальная политика; государственная политика в научной сфере.

На современном этапе выработался целый ряд технологий по реализации государственной политики нациестроительства в России.

Данные технологии представляют собой:

- внедрение и реализация социокультурных программ в образовательный процесс учебных заведений;
- проекты, направленные на формирование патриотических идей;
- политику памяти и формирование образов прошлого в историческом сознании российского народа («Места Памяти», массовое шествие «Бессмертный полк», идея памяти о героях Великой Отечественной войны);
- организацию форумов по вопросам национальной политики (VII Всероссийский форум национального един-

ства, Всероссийский фестиваль национальных культур «Радуга России»);

- проведение экспертных встреч по вопросам государственной национальной политики, где активисты национальных общественных объединений и представители власти обсуждают проблемы межнациональных отношений;
- практические методы реализации государственной национальной политики, наработанные в субъектах РФ;
- проведение дней исторического и культурного наследия, мероприятий по патриотическому воспитанию граждан (День России, День Конституции, День народного единства);
- памятные дни и дни воинской славы;
- формирование странового имиджа и бренда;
- создание фонда «Русский мир» и проведение грантовой политики;
- продвижение национального бренда «Сделано в России» при поддержке проекта Фонда «Росконгресс».
- Методы продвижения государственной политики нациестроительства в России:
- оформление национальной идеи (идеологии);
- обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации;
- продвижение политики памяти;
- проведения эффективной государственной политики регионального развития;
- развитие демократических институтов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Социально-политическая концепция нациестроительства представляет собой процесс утверждения национальных идей и социокультурных ценностей с сохранением культурного многообразия народов России.

Для реализации основных идей нациестроительства необходимо артикулировать призывы к воспитанию, подготовке национальной патриотической элиты на уровне субъектов РФ.

Формирование основ нациестроительства происходит на основе общих ценностей, патриотического сознания и

воспитания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины (борьба с несправедливостью, восстановление исторической правды) без потери связи со своими этническими корнями.

В заключении отметим, что основная идея проведения и реализации политики «nation-building» заключается в сохранении и укреплении единого неделимого государства — Российской Федерации. Огромная роль в оформлении государственной политики нациестроительства принадлежит государственным программам по реализации социокультурных образцов настоящего и культурной памяти, поскольку они призваны транслировать и передавать новым поколениям историю, язык, народную традицию, ценности и смыслы.

Литература

- Багдасарян В.Э.* Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7, № 1(33). С. 47–50.
- Бахлова О.В., Бахлов И.В.* Государственная политика нациестроительства в России: содержание, институты и механизмы // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 3. С. 413–435.
- Дробижева Л.М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации политэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. 2-е изд., доп. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 107–119.
- Дробижева Л.М.* Стратегия государственной национальной политики о российской гражданской идентичности и реализация её в полиэтнических регионах Российской Федерации // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа: Мир печати, 2019. С. 4–8.
- Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2018. № 263.
- Зорин В.Ю.* Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник российской нации. 2019. №2. С. 9–34.
- Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм; Научный эксперт, 2014. 408 с.
- Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/д: Фонд науки и образования. 2014. 292 с.
- Лубский А.В., Посухова О.Ю.* Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. 2016. Т. 24. № 8. С. 39–48.

Репьева А.М. 2013. Нациестроительство. Формирование и существенные характеристики (США и Россия) // *Международные отношения*. № 2. С. 68–79.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Режим доступа: <http://www.text.document.kremlin.ru/SESSION/PDA/link Proxy?subjectId70284810link6553>

Тишков В. А. Российский народ: книга для учителя. 191 с. Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2370.pdf>).

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». Режим доступа: <http://www.government.ru/docs/4022>

Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.

James P. 1996. *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community*. London: Sage Publications. 338 p.

Wendell Bell and Walter E. Freeman, eds., *Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International, and Historical Perspectives*. Beverley Hills, California: Sage Publications, 1974, 400 p.

Nation Building in Comparative Contexts (ed. by K.W. Deutsch, W.J. Folt). 1966. New York: Atherton.

Ethnicities; International Journal of Minority and Group Right; Nations and Nationalism; Ethnic and Racial Studies; Journal of Ethnic and Migration Studies; Journal of Multicultural Society.

Козиков Иван Андреевич

Доктор философских наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия). Заслуженный профессор Московского университета

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФАКУЛЬТЕТА ПОЛИТОЛОГИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. Статья посвящена предистории создания факультета политологии в Московском университете. Ее этапы выделяются в тесной связке с протекающим политическим процессом в позднем СССР, с потребностями существенного перекаривания всей системы общественных наук в этот период.

Ключевые слова. Социально-политические процессы, научный социализм, социология, политическая наука.

Kozikov Ivan Andreevich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of Socio-Political Doctrines of the Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University (Russia). Distinguished Professor Moscow University

ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE FACULTY OF POLITICAL SCIENCE OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Annotation. The article is devoted to the background of the creation of the Faculty of Political Science at Moscow University. Its stages stand out in close connection with the course of the political process in the late USSR, with the need for a significant reshaping of the entire system of social sciences during this period.

Keywords. Socio-political processes, scientific socialism, sociology, political science.

Процесс формирования политологии как науки и её преподавания в МГУ имеет длительную историю, отчетливо обозначившейся еще в советский период. Этот процесс непосредственно связан с развитием общественно-политического строя СССР, затем России, с историей развития страны, с историей развития Московского университета.

В этом процессе можно выделить несколько этапов.

1-й этап. Это период, когда исследования в общественно-политической мысли, в том числе и в сфере политической жизни общества и соответственно в преподавании, отражали процесс построения социалистического общества в СССР

и основались на марксистско-ленинской теории общественного развития. Общественно-политическая сфера общества в том или ином своем аспекте исследовалась в системе трех составных частей марксизма-ленинизма различными общественными науками — философией, историческим материализмом, политической экономией, историей КПСС.

2-й этап. В связи с объявлением КПСС курса на ускорение строительства второй фазы коммунизма среди общественных наук был выделен научный коммунизм (1962 г.) как самостоятельная наука и дисциплина преподавания, в которой предметно фокусировалось внимание на третьей составной части марксизма-ленинизма — научном социализме, в рамках которого и стали исследоваться проблемы политической сферы общества в процессе развития социализма и строительства коммунизма.

Организационно научный коммунизм стал преподаваться кафедрами по научному коммунизму, созданными в 1962 году на философском ф-те МГУ и в Институте повышения квалификации, затем кафедрами по научному коммунизму для гуманитарных и естественных факультетов. С 1963 года научный коммунизм стал преподаваться во всех вузах страны.

На этом этапе наряду, хотя и в своей латентной форме, так или иначе вставал вопрос и формировании *политической науки*. В 1969 году была создана советская ассоциация политических наук (САПН).

3-й этап. В связи с изменением курса КПСС — отказом от форсированного строительства коммунизма — усилия были сосредоточены на разработке проблем развитого социализма. Была принята новая программа КПСС, новая Конституция СССР. Важной целью провозглашалось всестороннее развитие личности. Был принят моральный кодекс строителя коммунизма, разворачивались исследования образа жизни. В политической сфере КПСС Конституцией СССР объявлялась руководящей и направляющей силой советского общества, провозглашалось дальнейшее развитие социалистической демократии..

На этом этапе стала развиваться социология, расширялись представления о социально-политических процессах в мире. Состоявшееся в августе 1971 года совещание заведующих кафедр общественных наук приняло рекомендацию об

открытии в МГУ факультета социально-политических наук. Минвуз СССР согласился с такой рекомендацией и принял решение об открытии в Московском университете соответствующего факультета с двумя отделениями — социологии и социально-политических наук. Философскому факультету (отделению научного коммунизма) было поручено подготовить всю необходимую документацию, что и было сделано. Оставалось только издать приказ по МГУ. Однако в связи с постигшей университет трагедией (преждевременная смерть ректора Р.В. Хохлова) открытие нового факультета было отсрочено, а затем и вовсе снято с повестки дня.

Следующий этап связан с перестройкой.

Можно выделить два его подэтапа. Первый связан с провозглашением стратегии обновления социализма, ликвидации его застойных явлений. Второй — с процессом демонтажа социализма в СССР и других странах мировой системы социализма.

С провозглашением стратегии обновления социализма внимание было сосредоточено на недостатках существующей и представлений о новой модели социализма. Для студентов отделения НК и студентов философского факультета была разработана программа «Теория и история мирового социализма», которая состояла из нескольких курсов: научный социализм — составная часть марксизма-ленинизма; существующие концепции социализма; проблемы социалистического строительства; демократический социализм и его особенности; концепции самоуправляемого и функционального социализма; особенности перехода к социализму в условиях современной цивилизации; леворадикальные концепции социализма; теория социалистического общества; становление и развитие социализма на современном этапе и др.

Читались на отделении и такие курсы, как «Социально-политические структуры современного общества»; «Социально-политические проблемы современного общества»; «Социально-политические проблемы современного общества и их своеобразие в России» и т.п.

Началом следующего подэтапа можно считать развернутое постановление Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 года «О повороте в развитии марксистско-ленинской социологии», где, по сути, научный коммунизм и другие марксист-

ские общественные науки отменялись. Вполне определенно был поставлен вопрос о замене научного коммунизма социологией и политологией. Социологические кафедры отпочковываются от философского факультета, образуя в университете самостоятельную структуру. На философском факультете отделение научного коммунизма преобразуется в отделение социально-политических наук.

На отделении в короткий срок разрабатывается и вводится в учебный процесс ряд программ по курсу политологии: Программа кандидатского минимума для аспирантов по специальности 23.00.02 — Политические институты и процессы; Программа кандидатского экзамена по специальности 23.00.04.—Политические проблемы международных систем и глобального развития; Общая Программа курса «Политология» отделения социально-политических наук философского ф-та для студентов политологов ф-та; Программа курса политологии отделения социально-политических наук философского ф-та для магистерского курса; Программа по прикладной политологии и др.

Активно начинают обсуждаться проблемы, связанные с процессом развития российского общества, поиском модели этого развития. Исследуются проблемы государства как политического института общества во все его аспектах. Рассматриваются проблемы соотношения различных наук в исследовании политической сферы общества. Уделяется серьезное внимание прогностическому направлению исследования политических проблем, соотношению национального и интернационального.

Вся эта работа и стала основанием для исторического решения о создании в структуре Московского университета самостоятельного факультета политологии, которое и было принято в 2008 году.

В годовщину отделения политологии нам предстоит подумать о совершенствовании нашего учебного курса политологии. Основной ориентир — это поиски действительно своего — российского пути развития. Отрадно отметить, что наш факультет уверенно идет именно по этому пути.

Мошелков Евгений Николаевич

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии
политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

e-mail: enm@inbox.ru

К ИСТОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТОЛОГИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ¹

Аннотация. Основные этапы и события образования отделения политологии на философском факультете МГУ на первоначальном этапе (1990–1992 гг.). Возможности для организации преподавания политологии на социологическом и юридическом факультетах МГУ. Два приказа по МГУ 1990 года по созданию отделения политологии и кафедр. Структурные изменения и дополнения на отделении политологии в 1992 году. Создание первого учебного плана и первых политологических курсов. Необходимость в современных условиях интеграции политологии с философией и социогуманитарными дисциплинами.

Ключевые слова: отделение политологии философского факультета МГУ, первые структурные приказы, учебные планы, учебные программы

Moschelkov Evgeny Nikolayevich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Program, Program on Philosophy of Politics and Law, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University)

ON THE HISTORY OF INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL SCIENCE AT MOSCOW UNIVERSITY

Abstract: The key stages and events of establishing the department of political sciences at philosophical faculty of MSU in the initial period (1990–1992). The options for organizing the process of teaching political sciences at sociological and juridical faculties of MSU. Two MSU orders of 1990 on establishing the department of political sciences and chairs. Structural changes and additions at the department of political science in 1992. The establishment of the first education plan and courses of political sciences. The need of integration political science, philosophy and social and humanitarian disciplines in modern conditions.

Key words: department of political science of philosophical faculty of MSU, first structural orders, education plans, education programs

Вопрос о необходимости преподавания политологии в вузах, в том числе и в Московском университете, начал активно обсуждаться в стране с середины 1980-х годов. Про-

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

исходило это в рамках общей дискуссии о перестройке системы преподавания гуманитарных дисциплин, о кардинальном обновлении содержания этих дисциплин.

Важнейшим толчком к реализации этих планов стало Постановление Государственного комитета по науке и технике СССР от 4 ноября 1988 г. «О номенклатуре научных специальностей», по которому в эту номенклатуру были включены политические науки и три политологические специальности.

В августе и декабре 1989 г. Коллегия Гособразования СССР издала два приказа (№ 685 и № 946), которыми вносились кардинальные изменения в структуру и порядок преподавания обществоведческих дисциплин в вузах СССР и закреплялось преподавание в высших учебных заведениях политологии как обязательной дисциплины.

Осенью 1989 г. в Высшей аттестационной комиссии был создан Экспертный совет по политическим наукам, после чего в вузах и научных учреждениях начали формироваться диссертационные советы по данному направлению.

В практическом плане история становления отделения политологии философского факультета МГУ началась в январе 1990 года.

22 января 1990 г. Ученый Совет МГУ принял постановление о переходе в МГУ на новую структуру преподавания обществоведческих дисциплин. В перечне новых курсов вместо научного коммунизма вводился курс «Проблемы теории современного социализма» [См: Летопись Московского университета. Т. III, 1985–2004, с. 102].

Нами тогда отстаивалась позиция, согласно которой создание нового отделения считалось целесообразным на базе существующего в составе философского факультета еще с 1969 года отделения научного коммунизма, причем методом постепенной реорганизации, постепенного формирования нового структурного подразделения на базе старого. Существовали и другие варианты. Например, в Ленинградском университете, где на философском факультете также существовало аналогичное отделение научного коммунизма, в 1989 г. была создана новая кафедра политологии (зав. кафедрой проф. Федосеев А.А.; считается первой кафедрой

политологии в России). Отделение научного коммунизма было фактически упразднено и позднее отделение политологии стало формироваться уже вокруг новой кафедры.

Но все зависело от местных условий. Отстаивая вариант реорганизации, мы, в Московском университете, исходили из того, что он позволяет максимально сохранить кадры и накопленный учебно-научный материал. Не следует забывать, что предметной областью научного коммунизма была социально-политическая теория марксизма и поэтому проблематика политики, политических явлений и отношений в различных аспектах, в том числе и на зарубежных источниках, уже в 1970–1980-е гг. разрабатывалась в учебном процессе и научных исследованиях, пусть и в излишне идеологизированном виде. Содержание многих учебных курсов на тогдашнем отделении научного коммунизма, научных публикаций его сотрудников в 1980-е уже заметно выходило за официальные догматические рамки. Фактически в них тогда уже начали разрабатываться проблемы современной политологии.

В подтверждение этому можно было бы привести немало примеров. Достаточно вспомнить книги тогдашнего заведующего отделением научного коммунизма философского факультета профессора А.М. Ковалева (к примеру, его книга «Социализм и закономерности общественного развития», которая вышла в издательстве Московского университета в 1982 году). В этой и других своих работах А.М. Ковалев развивал целый ряд оригинальных идей и концепций, которые неизменно попадали под огонь критики ортодоксально мыслящих ученых, в том числе и на философском факультете.

Следует отметить, что наш проект создания нового отделения пользовался далеко не всеобщей поддержкой как на факультете, так и в целом в университете.

Вопрос о судьбе отделения научного коммунизма неоднократно обсуждался в деканате и на заседаниях парткома философского факультета. Я тогда был секретарем партбюро кафедры теории научного коммунизма и членом парт-

кома факультета и поэтому был непосредственным участником всех этих обсуждений¹.

Вернемся к обсуждениям в парткоме факультета. Надо сказать, что среди членов парткома были люди, достаточно радикально настроенные на обновление факультета, освобождение его от официозной атрибутики. Это позже (в октябре 1991 г.) привело, в частности, к упразднению на философском факультете кафедры истории марксистско-ленинской философии² [Летопись..., с. 132], которое я и тогда считал и сейчас считаю и неправильным, и недалеким. Один из западных ученых в свое время сказал, что вся философия XX века — это диалог с Марксом. А мы взяли и из учебного процесса и научных исследований искусственно удалили одну из сторон этого диалога.

Вообще надо сказать, что в то время появилось множество «борцов» с коммунизмом и марксизмом. Правда, большинство из них потом от этого открестились.

На развитие нового учебного направления — политологии — потенциально были претенденты и на других факультетах МГУ. Например, были идея и план развивать политологию на социологическом факультете. Во время создания этого факультета в 1985 году (кстати, также на базе одной из кафедр и лаборатории, которые до этого входили в состав отделения научного коммунизма), благодаря усилиям декана-организатора В.И. Добренькова (в то время он еще был и проректором МГУ) за новым социологическим факультетом, кроме социологии, была закреплена и специальность «политология». Не случайно на этом факультете были образованы две кафедры с политологической тематикой. В июне 1990 г. на социологическом факультете был создан также Учебно-научный центр сравнительных политических и социальных исследований [Летопись. С. 108]). Одна из кафедр этого факультета до сих пор имеет название — Кафедра **политологии** и социологии **политических** процессов (создана в марте

¹ Историческая справка: парторганизация кафедры теории научного коммунизма насчитывала в то время около 50 человек. Партсобрания нам приходилось проводить в поточных аудиториях.

² Создана на философском факультете в июле 1957 года.

1990 г.). А новая серия «Вестника МГУ», которую стал выпускать социологический факультет, получила название «Социология и политология». С этим названием эта серия существует и по сей день. Кроме того, многие годы на этом факультете работал диссертационный совет по политическим наукам, который был создан раньше, чем на фило-софском факультете¹. В феврале 1997 года я на этом совете защитил докторскую диссертацию, а потом много лет был членом этого совета.

Организовать масштабное преподавание политологии можно было в то время и на юридическом факультете МГУ. Кстати, в отличие от социологов, у юристов были на это и исторические основания. Еще в Императорском Московском университете с 1840-х гг. до 1918 г., т.е. около 80 лет в качестве базового учебного курса юридического факультета был курс, содержание которого составлял ретроспективный анализ идей и концепций о государстве, политике, власти, отношениях гражданина и государства. Эта проблематика входит сейчас в предметное поле современной политологии. В 1869 г. Борис Чичерин назовет этот курс историей политических учений. С 1863 года в составе юридического факультета существовала кафедра истории, философии, права, преподаватели которой читали курс «Энциклопедия юридических и **политических** наук». Потом, уже в советское время, в начале 1940-х гг., для нужд расширяющегося юридического образования этот курс был возрожден под названием «История политических и правовых учений». Наверное, все помнят неоднократно переиздававшиеся учебники этого курса профессоров юридического факультета МГУ В.С. Нерсисянца и О.Э. Лейста.

Одним словом, на протяжении длительного времени и в XIX, и в XX веках университетская политология (условный

¹ Приказ ВАК № 684-в от 27 ноября 1997 г. (Совет Д 053.05.52. Председатель совета — А.С. Панарин, зам. председателя — В.И. Коваленко, ученый секретарь — Е.Н. Мощелков). Перечень специальностей в совете: 09.00.10 — философия политики и права (по философским наукам), 23.00.02 — политические институты и процессы (по политическим наукам), 23.00.03 — политическая культура и идеология (по политическим наукам).

термин) развивалась в лоне юриспруденции, и поэтому у юристов был реальный мощный исторический аргумент в пользу развития и преподавания политологии на юридическом факультете. Кстати, об этом свидетельствует и название ныне существующей кафедры на юридическом факультете — кафедра теории государства и права **и политологии**. Такое название у кафедры появилось еще в 1990 г., а в июле того же года при кафедре была создана научно-исследовательская лаборатория по политологии [Летопись..., с. 109]. Зав. кафедры и лаборатории проф. Марченко М.Н., который, кстати, является автором одного из первых отечественных учебников по политологии (1993 г.).

Следует отметить, что традиция преподавания политологии в рамках юридического образования имела очень глубокие исторические корни. Именно в первоначальном составе юридического факультета Московского университета, созданного в 1755 году, была образована кафедра политики (истории международных отношений и права), «профессор **политики**, которой должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошлые веки и как состоят в нынешнее время».

Но все-таки в итоге нам удалось отстоять наш вариант — реорганизация отделения научного коммунизма в отделение политологии философского факультета. Решающую поддержку в этом вопросе мы получили от Парткома МГУ и тогдашнего секретаря парткома И.И. Мельникова (сейчас он 1-й зам. Председателя Госдумы). Тогда (1990 г.) это был реально руководящий орган университета. Именно на бюро Парткома МГУ специально обсуждался вопрос о судьбе отделения научного коммунизма и было принято принципиальное решение о его реорганизации, которое потом было оформлено приказом Ректора МГУ академика А.А. Логунова. Основанием для этого приказа было так же решение Коллегии Госкомобразования СССР от 30 марта 1990 г. [Летопись. С. 109].

В 1990 году с интервалом в три месяца вышло два приказа ректора А.А. Логунова — 1) от 17 апреля 1990 г. (№ 265) и 2) от 6 июля 1990 г. (№ 572). Внимательное изучение тек-

стов приказов показывает, что в формулировках многих пунктов второго приказа имелись довольно радикальные изменения по сравнению с первым¹.

Первый Приказ от 17 апреля:

- **Упразднить** отделение научного коммунизма философского факультета МГУ с 15 мая 1990 г. и с этого же числа создать **отделение социально-политических наук**; сотрудников **перевести с их согласия** со старого отделения на новое.
- Создать четыре кафедры: 1) Политологии; 2) Современных общественно-политических движений и мировой политики; 3) Истории социально-политических учений; 4) Теории социализма.
- Выпускникам нового отделения присваивать квалификацию: «Философ-политолог; преподаватель социально-политических дисциплин в высших и средних учебных заведениях».
- До 1 сентября 1990 г. представить в ректорат проект нового учебного плана отделения.

Второй Приказ от 6 июля:

- Предыдущий приказ отменяется.
- Специально записывается решение **об упразднении** прежних кафедр;
- **Пересоздаются** четыре новые кафедры. У одной корректируется название — вместо Современных общественно-политических движений и мировой политики утверждается название — Мирового политического процесса.
- **Провести конкурс** на должности образованных кафедр;
- Серия Вестника Московского университета «Теория научного коммунизма» переименовывается в «Социально-политические исследования»;
- Повторяется пункт прежнего приказа о представлении до 1 сентября 1990 г. нового учебного плана отделения.

Любопытно вспомнить и исторический контекст, события, которые происходили тогда (март–июль 1990 г.) в стра-

¹ Привожу данные по копиям с оригиналов этих и других приказов, которые хранятся в моем архиве.

не. Укажем только некоторые из них: *14 марта 1990 г.* — на III Внеочередном съезде Советов была отменена 6 статья Конституции СССР 1977 г., закрепляющая руководящую роль КПСС; *25 мая* — Премьер Рыжков представил программу перехода к «регулируемой рыночной экономике»; *12 июня* — I съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР; *2 июля* — на открывшемся XXVIII съезде КПСС (последнем в ее истории) была фактически провозглашена отмена партийной программы 1986 г. и был декларирован переход КПСС на позиции «демократического социализма» [см. некоторые документы и материалы этого периода: Политический процесс в России (1990–2001). Сборник документов, 2021: с. 11–186].

Таким образом, в короткий период нашей новейшей истории начинается комплексный развал советской системы по всем линиям — политическая система, национально-государственное устройство, экономика, идеологическая сфера. Представляется, что именно в этот короткий период 1990 года деформация системы и приобрела необратимый характер.

Разумеется, все эти процессы непосредственно влияли и на дела Московского университета, в том числе и на процесс создания нового отделения политологии.

После создания нового отделения следующей важнейшей и необходимой задачей была разработка нового учебного плана и новых учебных программ. Силами преподавателей бывшей кафедры теории научного коммунизма в достаточно короткие сроки (весна–лето 1990 г.) были разработаны три базовые программы учебных курсов: 1) «Политическая история России» (разработчики — В.И. Коваленко, Е.Н. Мошелков); «Политические отношения и современный политический процесс в России» (разработчики — В.И. Коваленко, Е.Н. Мошелков, А.Ю. Шутов); «Прикладная политология» (разработчик — А.Ю. Шутов с привлечением ряда сторонних специалистов).

Проекты этих и некоторых других учебных программ потом обсуждались на методических комиссиях Министерства высшего образования (как в самом министерстве, так и на выездных семинарах) и позже получили статус обя-

зательных программ для подготовки политологов в вузах страны.

В 1992 году приказами Ректора МГУ (№ 155 от 16 марта) кафедры теории социализма была упразднена и на ее базе создана кафедра «Политические процессы в России» [Летопись..., с. 146], а 23 апреля (№ 335) при этой кафедре приказом ректора была создана лаборатория политического анализа и прогнозирования [Летопись..., с. 149]. Это был, кстати, один из первых приказов, подписанных избранным 23 марта новым ректором В.А. Садовничим.

Таким образом, к весне 1992 года отделение политологии философского факультета МГУ сформировалась в составе четырех кафедр и одной лаборатории (**кафедра политологии** — зав. кафедрой Александр Сергеевич Панарин (1940–2003); **кафедра политического процесса России** — зав. кафедрой Валерий Иванович Коваленко; **кафедра мирового политического процесса** — зав. кафедрой Юрий Михайлович Павлов (1934–2007); **кафедра истории социально-политических учений** — зав. каф. Николай Иванович Бочкарев (1930–1999) и **лаборатория политического анализа и прогнозирования** — зав. лабораторией В.И. Коваленко). Заведующим отделения был назначен профессор В.И. Коваленко.

Необходимо здесь все же констатировать, что, несмотря на жесткие формулировки приказов — «упразднить», «создать новые» и т.д., на практике нам удалось провести в период 1990–1992 гг. (два года) достаточно эффективную и максимально безболезненную **реорганизацию** старого отделения в новое, в целом сохранив квалифицированный и опытный профессорско-преподавательский состав и богатый опыт преподавания и научных исследований. Уверен, что в данном конкретном случае именно такая тактика во многом обеспечила нормальное развитие отделения в будущем.

Сейчас мы, конечно, находимся в совершенно иной ситуации, чем это было в начале 1990-х гг.

Успешно действует в составе Московского университета созданный в конце 2008 — начале 2009 гг. факультет политологии. Политология в России давно уже стала важной и

самостоятельной дисциплиной университетского образования. Разработан солидный комплекс политологических субдисциплин, подготовлено большое количество кандидатов и докторов политических наук, написаны солидные монографии и учебники по политологии, регулярно проводятся всероссийские научные форумы и конференции по политическим наукам.

Думаю, что на этой мощной базе политологии нужно в современных условиях развиваться в сторону интеграции с другими социогуманитарными дисциплинами, и прежде всего, с философией. Для такой интеграции есть и все предпосылки. Ведь большую часть своей истории политология в Московском университете (с 1990 по 2008 гг, т.е. почти 19 лет) развивалась в рамках философского факультета. Строго говоря, это и есть вся история отделения политологии (с 15 мая 1990 г. по 31 августа 2008 г.). После решения Ученого совета МГУ 31 августа 2008 года о создании в МГУ нового факультета политологии история отделения заканчивается и начинается история факультета.

Убежден, что такое сосуществование принесло много пользы как для развития политологии, так и для развития философии и это, на мой взгляд, открывает большое и плодотворное поле для сотрудничества в будущем.

Литература

Летопись Московского университета. В 3 т. Т. III. 1985–2004. М.: Издательство Московского университета. 2004.

Политический процесс в России (1990–2001). Сборник документов / Под ред. В.И. Коваленко, Е.Н. Мощелкова. М.: Издательство Московского университета. 2021.

Соловьев Александр Иванович

Доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой политического анализа факультета государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)
e-mail: alesol@mail.ru

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы, которые осмысливались учеными Московского университета в период институционализации в нем политологии как самостоятельного учебного и научного направления. Особое внимание уделено вызреванию предпосылок, сделавших возможными создание в МГУ факультета политологии в 2008 году. В этой связи раскрывается и ряд задач, стоящих перед политологическим сообществом в наши дни.

Ключевые слова. Политология, Московский университет, реформы в сфере высшего образования.

Solovyov Alexander Ivanovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Analysis of
the Faculty of Public Administration Lomonosov
Moscow State University (Russia)

KEEPING UP WITH THE TIMES

Annotation. The report examines the problems that were comprehended by scientists of Moscow University during the institutionalization of political science as an independent educational and scientific direction in it. Special attention is paid to the maturation of the prerequisites that made possible the creation of the Faculty of Political Science at Moscow State University in 2008. In this regard, a number of tasks facing the political science community today are also revealed.

Keywords. Political science, Moscow University, reforms in higher education.

90-е привычно изображать как «лихие» годы, ввергнувшие страну в небывалые испытания и оказавшиеся для многих людей тяжким бременем. Но одновременно это были годы надежд, возможностей и формирования новых векторов развития. Не только страны, но и реорганизации власти, отраслей экономики, духовного производства и, конечно, образа мысли большинства российских граждан.

В этом потоке преобразований, не могу сказать, ведущую, но крайне заметную и благодарную для всего общества роль сыграло и образование. Особенно в высшей шко-

ле, которая пыталась не отстать от времени, сохранив и свои достижения, и переняв у соседних государств и народов соответствующие стандарты обучения.

Конечно, движение вперед началось значительно раньше (олицетворением чего, видимо, можно назвать статью Ф. Бурлацкого в 1965 г. «Политика и наука» в газете «Правда»), но в 80-х годах потребность в научном знании о политике обрело всесоюзный размах. Это было время, когда общество стремилось повысить открытость государственного правления, активизировать массовый дискурс, в результате чего власти признали, наконец, необходимость институализации политологии и изменения структуры образования в общественных науках.

С тех пор прошло немало лет, но университетская наука — даже наряду с деятельностью академических структур — доказала свое лидерство в продвижении политической науки в российском обществе. В 1988 г. в Московском университете была образована первая в системе высшего образования кафедра политологического профиля — «кафедра политической социологии», возникшая на базе общефакультетской кафедры научного коммунизма гуманитарных факультетов. Это было неудивительно, поскольку восемь кафедр такого формата, обслуживавшие все факультеты МГУ в области преподавания истории, философии, политической экономии и научного коммунизма, были вынуждены заново искать свое «место под солнцем» и потому в первую очередь подверглись структурным преобразованиям.

Такая легализация политологического знания дала возможность сконцентрировать научные силы вокруг разработки первых политологических курсов, привлекая к этому специалистов с других факультетов и институтов. Вряд ли кто поверит, но в то время представления о загадочной политической науке были весьма расплывчатыми. Коротко говоря, это было время, когда ученые и с этой кафедры (проф. Г.А. Белов), и из Института повышения квалификации (проф. Е.А. Ануфриев), и даже с географического факультета (проф. Л.В. Смирнягин) предлагали свои версии «политологии». Это было время исключительно точечного

и весьма произвольного освоения предмета, когда разные группы ученых пытались не столько добиться конвенции относительно базовых категорий, сколько обнародовать свое видение этого научного направления. Скажу попутно, что и за рамками Московского университета ситуация была такой же: масса разношерстных взглядов, позиций (а иногда и амбиций, особенно у тех специалистов, которые ранее занимали высокое место в официальных иерархиях общественных наук), создавали ситуацию, близкую к хаосу. Неслучайно поэтому ряд ученых выходил из ситуации довольно просто, механически переименования на политологический лад свои «пожелтевшие от времени» конспекты.

Понятно, наверное, почему в то время научное знание о политологии зачастую растворялось в привычных штудиях преподавателей научного коммунизма, политэкономии, которые не могли преодолеть границы своих ранее устоявшихся представлений. Но даже те ученые, которые смогли порвать с былыми стереотипами и отрешиться от идеологических представлений о политических процессах, все-равно оставались самоучками, со всем шлейфом сопровождавших их самообучение проблем.

Но в целом из-за такого ускоренного — обусловленного временем — ученичества развитие политической науки (и политологии как учебной дисциплины) через самое короткое время оказалось скомпрометированным в глазах и научной общественности, и общественного мнения. Почему-то считалось, что овладеть этим корпусом знаний было делом не столь уж и тяжелым. Ну и, как известно, у всех мало-мальски образованных людей было собственное мнение о политике (особенно российской), что тоже препятствовало движению вперед.

И хотя, повторюсь, состояние политических исследований и соответствующих учебных разработок в высшей школе было весьма различным, все же и в отдельных вузах, и в структуре РАН появились точки роста, на которые можно было каким-то образом ориентироваться. Однако и в этих условиях сохранилась потребность в подготовке специалистов в области политической науки.

В Московском университете в то время было два основных центра развития политической науки — на кафедре политической социологии (которая со временем вошла в структуру Центра социально-гуманитарного образования, впоследствии преобразованного в факультет государственного управления), и на философском факультете, где действовало политологическое отделение. Учитывая общую склонность отечественных обществоведов к философско-этической проблематике, работавшие на философском факультете политологи определенное время чувствовали себя достаточно комфортно. Серьезное развитие в этой среде, прежде всего, получило философско-историческое (А.С. Панарин, Е.Н. Мошечков, А.А. Ширинянц), обще политологическое (А.М. Ковалев, В.И. Коваленко, М.С. Кудряшова, А.Ю. Шутов), политико-психологическое (Е.Б. Шестопал), а также мирополитическое (П.А. Цыганков, А.А. Костин) направления.

Но время шло и потребовался иной уровень как разработки научных политологических направлений, так и их координации в рамках подготовки будущих специалистов, которым уже явно не хватало одних спецкурсов и курсовых. Иначе говоря, само время поставило вопрос о создании специального факультета.

Понятно, однако, что решение этой проблемы, как минимум, зависело от трех условий: позиции ректората (где преобладали представители естественно-научного знания, сохранявшие определенный скепсис по отношению ко всем общественным наукам), доброй воли руководства философского факультета (которое прекрасно понимало потенциал политологической подготовки и все преимущества ее сохранения у себя на факультете), а также от наличия человеческого материала, тех лидеров, которые могли бы реализовать этот непростой проект.

Скажу сразу, образование факультета и начальная стадия его становления испытали все трудности, которые сопутствовали всем этим трем условиям. Новая структура рождалась не без проблем, а иногда вызывала болезненные эксцессы в отношениях между коллегами, и тогда приходилось преодолевать множество взаимных обид и недопо-

ниманий, субъективных позиций и внутреннего сопротивления, травматических событий в многолетних дружбах. Многие инициативы встречали препятствия, но вместе с тем крепла и солидарность коллег-политологов, которые — не побоюсь этого слова — с восторгом встречали рождение нового факультета.

Однако главным источником благополучного развития событий была поддержка ректора. Виктор Антонович в очередной раз проявил себя как дальновидный, стратегически мыслящий руководитель, прекрасно понимавший необходимость специализированной подготовки политологов. При этом он не упускал из виду и еще одно, хоть и сопутствующее, но, тем не менее, важное условие воплощения этого проекта: Московский университет первым — по сравнению с Санкт-Петербургским государственным университетом — открывал факультет политологии.

Первое время своего существования факультет потратил на формирование внутренней структуры, открывая базовые кафедры, которые были призваны составить фундамент профессиональной подготовки будущих политологов. И здесь не обошлось без определенных проблем, но, благодаря активности А.Ю. Шутова (являвшегося деканом-организатором) и его ближайших сподвижников в итоге все сложилось наилучшим образом и факультет обрел собственное лицо в пространстве Московского университета.

За годы своей профессиональной карьеры мне пришлось повидать немало политологических школ, отличавшихся своим профессиональным обликом. Однако то, что пришлось увидеть на факультете политологии МГУ, заставляет понять непререкаемые достоинства этого учебного заведения. Прежде всего, поражало то огромное уважение к заслуженным профессорам и ученым, которое пронизывало все социальные и профессиональные поры факультетской жизни. А.М. Ковалев, М.С. Кудряшова, И.А. Козиков, Э.Н. Цыганкова и ряд других специалистов, долгие годы преподававших на философском факультете, нашли здесь и почет, и уважение их несомненных заслуг, и пространство для нового витка их научно-педагогической деятельности. Коротко говоря, факультет демонстрирует приверженность

одной из самых глубоких традиций Московского университета, всегда ценившего труд своих выдающихся специалистов, отдавших все силы своей alma mater. Университета, ценившего труд своих ветеранов и стремящегося передать эту традицию молодым поколениям ученых.

Исключительно важной чертой нового факультета стала и явно выраженная установка на развитие междисциплинарного характера подготовки будущих политологов. Историки, философы, социологи, управленцы находили на факультете свое почетное место, раскрашивая политологические дисциплины яркими красками своих неординарных курсов. Примечательно, что факультет и сегодня активно проводит целенаправленную работу по налаживанию межфакультетских и межкафедральных связей в области научных исследований и преподавательской деятельности. Думаю, что именно этот вектор академической подготовки позволил факультету не только найти золотую середину между общетеоретическими и прикладными дисциплинами, но и вывел профильную подготовку политологов на уровень современных требований, отражающих способность специалистов в этой профессиональной сфере обнаруживать неявные грани политизации/деполитизации общественных отношений.

В этом смысле, на мой взгляд, наиболее перспективным направлением специализированной подготовки политологов стала проблематика политического управления, которая смогла органично связать вопросы политико-административного регулирования общественных отношений с проблемами информационно-символического обеспечения государственных проектов, правительственных программ и стратегий. Не случайно факультет не только первым в стране открыл специализированную кафедру «государственной политики» (которая в настоящее время отмечает свой десятилетний юбилей), но и пригласил возглавить эту структуру видного ученого и государственного деятеля В.И. Якунина.

Впрочем, факт привлечения таких крупных специалистов для обучения молодежи тоже является отличительной чертой целенаправленной политики факультета по обнов-

лению кадрового состава преподавателей. Причем, на факультет приглашаются не только крупные отечественные ученые, внесшие огромный вклад в развитие российской науки — например, культовые фигуры отечественной политологии — Ф.М. Бурлацкий и Е.М. Примаков, академики Ю.С. Пивоваров, В.А. Тишков, С.И. Колесников и другие, а также действующие политики всероссийского масштаба (А.Ю. Федоров, Л.Э. Слуцкий и др.). Свое место на факультете занимают и специалисты в области политической экспертизы и консультирования. Постоянными гостями на факультете были и остаются видные российские политики, принимавшие и принимающие участие в научных конференциях и выпуске бакалавров и магистров — С.В. Кириенко, В.И. Матвиенко и др. Особо отмечу, что для преподавательской работы привлекаются и видные зарубежные профессора, например, П. Дуткевич, Дж. Ньютон, Р. Легвольд и др. А с открытием совместной с МГИМО магистерской англоязычной программы «Государственная политика на постсоветском пространстве», активность зарубежных коллег на факультете качественно возросла. Не сомневаюсь, что сплав академического и политического, отечественного и зарубежного знания о политике способен не только повысить интерес молодежи к читаемым мэтрами дисциплинам, но и качественно поднять уровень подготовки молодых политологов.

Не могу не отметить и еще одну принципиальную грань деятельности факультета. Едва ли не с первых лет своего существования факультет стал проявлять высокую активность по диссиминации передовых политологических знаний в российском обществе, укрепляя тенденции к интеграции отечественного политологического сообщества. Логическим итогом такой работы стало образование в 2013 г. Российского общества политологов (РОП), которое совместно с Российской Ассоциацией политической науки (РАПН) проводит систематическую работу по объединению специалистов в области политических исследований и научно-преподавательской деятельности.

Особой линией профессиональной активности факультета стало и участие его ученых и преподавателей в работе

ряда общественных организаций, связанных с популяризацией научных знаний, итогов современных академических исследований. Например, в последние годы ученые факультета совместно с коллегами из Санкт-Петербургского университета принимают активное участие в проведении научных семинаров в различных регионах страны по линии Экспертного института социальных исследований.

Но, конечно, основные усилия факультета и в прошлом, в настоящем связаны с обучением молодых политологов на современном научном уровне. На факультете в рамках серии «Библиотека факультета политологии МГУ» издан целый ряд фундаментальных трудов: Е.Б. Шестопа́л — Образы власти в постсоветской России, М: Алетейя, 2004; Цыганков П.А. — Политическая динамика современного мира, М: Издательство Московского университета, 2014; Русская социально-политическая мысль, в 3-х т. / Под ред. А.А.Ширинянца, М: Издательство Московского университета, 2012; Федерализм / Под ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова, М.: Издательство Московского университета, 2016; и другие. Нельзя не упомянуть и ставшее поистине знакомым для отечественной политологии издание под научной редакцией Е.Б. Шестопа́л классической работы зарубежных ученых — Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеман, М.: Вече, 1999.

И сегодня факультет не сбавляет темпы своего развития: осваивает новые образовательные стандарты, совершенствует учебные планы и разрабатывает программы новых дисциплин, противостоит попыткам идеологизации и технократизации обучения, привлекает на работу и заботливо выращивает молодых талантливых ученых. Одним словом, факультет свято чтит традиции Московского университета и работает так, как того требуют вызовы времени и мировые стандарты высшего образования.

Однако сегодня высшее образование в стране и в МГУ вступает в новый этап своего развития. А это не только расширяет возможности и горизонты, но и готовит новые вызовы и испытания для факультета политологии.

С одной стороны, факультет нарастил свой академический, учебный и репутационный капитал. Последние не-

сколько лет он уверенно входит в сотню лучших политологических школ в Европе и мире. Его выпускники получают положительную аттестацию работодателей и профессионального сообщества. На общероссийском фоне политологического образования хорошо заметно, что факультет уверенно изживает его «родимые пятна», уверенно устраняет изъяны еще не закончившегося периода «ученичества» и борется с эпигонством, укрепляет плодотворные отечественные традиции в подготовке вузовской молодежи. Думается, можно говорить и о том, что факультет стал еще и одним из авторитетных интеллектуальных центров в стране. Как бы то ни было, но очевидно, что факультет политологии Московского университета стал одной из мощных опор вузовской подготовки политологов. А по некоторым направлениям подготовки ее несомненным лидером.

В то же время, с другой стороны, за последние годы политологическое образование в стране попадает в весьма противоречивое положение. В частности, несмотря на увеличение в российской высшей школе бюджетных мест на подготовку политологов и потребности развития науки о политике все отчетливее проявляется тенденция либо к слиянию факультетов политологии с другими гуманитарными факультетами, либо к переходу к такой организации учебного процесса, которая исключает факультеты из числа учебных подразделений. С ретроспективной точки зрения получается, что длительная, начавшаяся еще в 80-х годах прошлого столетия борьба за легализацию политической науки в высшей школе, после почти тридцатилетнего этапа уверенного развития оказалась едва ли не на своем начальном этапе. Ведь не секрет, что слияние факультетов или переход к системе учебных департаментов неизбежно ослабляет специализированную подготовку политологов. А в логическом пределе ставит под вопрос и позиции политологического образования в высшей школе. Ведь сократить число специалистов, преподающих политологические дисциплины, в общем корпусе вузовских гуманитариев без специального факультета становится вполне себе рядовым процессом. А если вспомнить крайне скептическое отношение к политологии как общеобразовательной дис-

циплине в технических вузах, то можно себе представить всю остроту данного вопроса. Как бы то ни было, но сегодня преподавание политологических дисциплин опять превращается в заложницу административной и политической конъюнктуры.

Уместно вспомнить, что страна уже испытала немало проблем при переходе к системе единого государственного экзамена в средней школе и трехступенчатой системе подготовки кадров в российских университетах. Причем, издержки этих преобразований, прежде всего, ощущает Московский университет, флагман российского высшего образования, который оказался вынужденным отказаться от апробированной системы подготовки высококлассных специалистов, утратив при этом немало хорошо зарекомендовавших образовательных инструментов. Конечно, у МГУ есть немало преференций в системе высшего образования, а также надежных источников компенсации потерь. Однако университету пришлось потратить немало усилий, чтобы восстановить и укрепить свои позиции. Спрашивается поэтому, нужны ли новые эксперименты, которые однозначно снизят уровень подготовки специалистов-политологов? И заставят специалистов, занимающихся политическими исследованиями, вновь проходить через бюрократические заслоны и бороться с чванливым невежеством чиновников от высшего образования.

Не хочется драматизировать ситуацию, но, на мой взгляд, вопрос сегодня стоит таким образом: сохранится факультет политологии и тогда в стране сохранится система политологического образования. И наоборот.

Хочется верить, что у факультета политологии Московского университета есть все основания сохранить свой статус и свое академическое лицо. И помочь отстоять позиции российской науке о политике в современной высшей школе.

Юрченко Инна Вадимовна

доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН
e-mail: ivyurchenko@mail.ru

О ЗНАЧЕНИИ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация: В работе анализируется проблема предметного поля современной политической науки в контексте значимости исследования региональной специфики. Рассматриваются внутренние регионы на примере Юга России, влияние глобализации и пространственных трансформаций на социально-политические, этноконфессиональные, миграционные процессы. Подчеркивается важность для комплексного политологического исследования принципов полипарадигмальности, методов инвент-анализа, дискурсивных политических практик в новых социальных медиа, конфликтологической диагностики и экспертизы. Особое внимание обращается на связь политической науки и политологического образования на примере взаимодействия Южного научного центра РАН с кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Отмечается тематическая связь основных направлений исследований базовой кафедры и научного академического центра. Делая акцент на диалектической связи политической науки и высшего профессионального политологического образования, в выводах автор логически актуализирует необходимость соответствия образования и подготовки представителей власти и управления требуемым компетенциям, определенным в государственных стандартах образовательных программ по политическим наукам и регионоведению. Подчеркивается вывод о том, чтобы в политику шли профессионалы, и обязательное политологическое образование стало необходимым условием карьеры во властных и управленческих структурах.

Ключевые слова: политическая наука, предметное поле, регион, региональное измерение, Юг России, региональная безопасность, политологическое образование

Yurchenko Inna Vadimovna

Doctor of Political Science, Professor Department of Political Science and Political Management Kuban State University, Chief Researcher Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ON THE IMPORTANCE OF THE SUBJECTED FIELD OF POLITICAL SCIENCE IN THE REGIONAL DIMENSION

Abstract: The article analyzes the problem of the subject field of modern political science in the context of the significance of the study of regional specifics. The

internal regions are considered on the example of the South of Russia, the impact of globalization and spatial transformations on socio-political, ethno-confessional migration processes. The author emphasizes the importance of the principles of polyparadigmality, methods of event analysis, discursive political practices in new social media, conflictological diagnostics and expertise for a comprehensive political science study. Particular attention is paid to the connection between political science and political science education on the example of the interaction of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences with the Department of Political Science and Political Management of the Kuban State University. The thematic connection of the main directions of research of the base department and the scientific academic center is noted. Focusing on the dialectical connection between political science and higher professional political science education, in the conclusions the author logically actualizes the need for the education and training of government and management representatives to correspond to the required competencies defined in the state standards of educational programs in political sciences and regional studies. The conclusion is emphasized that professionals should go to politics and compulsory political science education should become a prerequisite for a career in power and management structures. **Key words:** political science, subject field, region, regional dimension, South of Russia, regional security, political science education.

Проблемное поле политической науки, с одной стороны, своими корнями уходит в историю политической мысли, а с другой — во многом обусловлено перманентными пространственными трансформациями, актуализирующими регионоведческие аспекты современной политологии. Если говорить о проблемах и перспективах политической науки и политологического образования в современной России, то следует обозначить такие их особенности, как многоуровневость, многоаспектность и методологический плюрализм изучения политических институтов, процессов и технологий. Наибольшую значимость имеет проблема формирования образа будущего и методология разработки политической стратегии развития современной России.

В контексте новейших тенденций и направлений современной политической науки наиболее востребованными становятся феноменолого-герменевтическая, синергетическая и ряд других парадигм, что свидетельствует о полипарадигмальности политологии как науки. Так, для исследования макро- и микрополитических факторов конфликтогенного политического пространства, ментальных основ безопасности и политико-информационных ресур-

сов ее обеспечения применяется полипарадигмальный анализ угроз и рисков национальной безопасности на региональном уровне, что обеспечивает эвристические возможности использования интеллектуального инструментария, создающего дополнительные эффективные методы познания в политической науке.

На кафедре политологии и политического управления Кубанского государственного университета эта проблематика становится одной из ключевых примерно с 2006 года, когда после создания объединенного отдела социально-политических и экономических проблем Кавказа в Южном научном центре РАН, кафедра получила статус базовой кафедры ЮНЦ РАН, и политические процессы в Азово-Черноморском макрорегионе стали одним из основных направлений исследовательских проектов и учебных дисциплин, реализуемых кафедрой образовательных программ.

В качестве важнейших проблем, которые предстояло изучить в ходе работ по проектам, были локально-региональные политические процессы, непосредственно взаимодействующие с глобальными, зависящими от них и оказывающими влияние на разнонаправленные и неоднородные субпроцессы. Кафедральная тема «Разработка теории и механизмов обеспечения национальной и региональной безопасности в полиэтничном социуме» предполагает рассмотрение двух взаимосвязанных понятий, находящихся в определенной степени соподчинения — это глобализация и регионализация, которые предопределяют качественные параметры нового типа сообщества и политических субъектов. Наиболее значимыми вопросами, с точки зрения изучения разнообразных проблем обеспечения социальной безопасности, являются вопросы об источниках угроз и рисков в сложносоставном региональном пространстве.

Необходимо отметить, что определенной вехой в развитии научных исследований на кафедре была международная конференция, организованная под эгидой института Европы РАН по теме «Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы» [Глобализация, 2001.] Понимание необходимости совершенствования технологий анализа этнополитических вызовов и рисков в полиэтничном социуме,

их специфических особенностей активизировало прикладные исследования по определению этапов возникновения, причин затяжного характера региональных политических конфликтов, обобщения опыта регулирования и стимулирования постконфликтной реконструкции социально-политического и экономического этнокультурного пространства. Новая проблематика была связана с оценками процессов глобализации и регионализации, непредсказуемой трансформации режимов в регионах приоритетного влияния политического ислама, последствий финансово-экономического кризиса в странах развитой демократии, усиливающихся сепаратистских и центробежных тенденций в условиях ломки сложившегося миропорядка.

Конфессиональная, этническая, идеологическая неоднородность региональных социальных общностей, приводившая к противоречивым, неоднозначным оценкам политических процессов и происходящих событий, как правило, всегда вызывает так называемый конфликт интерпретаций, борьбу политических пониманий, что особенно характерно для мультикультурного пространства южнороссийского макрорегиона. В постсоветский период в этих регионах сформировались разные модели реализации политической власти. Возникали серьезные коллизии, когда традиционно сильную центральную федеральную власть стали вытеснять местные региональные элиты, стремясь завоевать так называемую независимость от центра, получить значительную автономию, усилить свое влияние за счет популистских, в том числе националистических лозунгов о самодостаточности и даже превосходстве над другими регионами, о необходимости борьбы против «государственной эксплуатации провинции» со стороны Москвы. Стремление местных региональных руководителей чувствовать себя независимыми от федерального центра опиралось на общее недовольство значительной части жителей этих регионов проводимыми в девяностые годы рыночными реформами, кардинально трансформирующими традиционный, привычный уклад жизни, резко снижающими уровень благосостояния, и в этих условиях главный вектор

конфликтных взаимодействий был направлен против центральной власти.

Усиление регионализации, появление различных концепций и моделей регионализма происходили на фоне глубокого системного политико-экономического и мировоззренческого кризиса, который проявлялся (под влиянием информационных технологий и большинства СМИ) в так называемых экзистенциальных переживаниях подавляющего большинства населения по поводу периферийного положения России в трансформирующейся мировой системе. Распад Советского Союза, происшедший против воли большинства населения, по оценке Л. Фишмана, свидетельствовал о том, что «нахождение на периферии миросистемы порождает... на индивидуальном уровне ... ощущение того, что ты “не хозяин собственной жизни”, а на уровне страны: “мы не определяем собственную историю” [Фишман, 2006: с. 88]. Эти переживания были им справедливо названы переживаниями «неполной субъектности».

Все эти феномены социально-политической реальности как повседневный мир, переживаемый и интерпретируемый действующими в нем людьми, отражали сущностные характеристики региональных взаимодействий, которые необходимо анализировать в прикладном аспекте как конфликтную региональную модель. Понятие «модель» трактуется здесь как концептуальный инструмент, нацеленный в первую очередь на управление моделируемыми процессами и явлениями с целью осуществления диагностики и экспертизы состояния безопасности и выявления причин возможного появления новых рисков, управления ими, их профилактики и создания необходимых условия для защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз.

Сохранение единства страны, обеспечение территориальной целостности на основе добровольного сосуществования разнообразных региональных общностей предполагает всестороннее изучение не только глобальных, но и региональных процессов, а также научное сопровождение деятельности соответствующих политико-управленческих органов по укреплению государственности и усилению эф-

фективности всех ветвей власти на уровне Федерального центра и во всех регионах страны. Так, например, на Юге России, особенно в Краснодарском крае, сложилась тенденция, связанная с бесконтрольными миграционными потоками, которая является серьезным катализатором политизации этничности и этнизации политики, что, в свою очередь, обусловило тематизацию политического дискурса по отношению к мигрантам, ставшим одним из важных конфликтогенных факторов в регионе. В этом дискурсе проявляется и конфликтный, и интеграционный потенциал, а в регионе можно проследить флуктуации протеста и поддержки, проводимой властями миграционной политики, на которую по-разному, как показывают проводимые исследования, реагируют социальные и этнические группы. Конфликтное противоборство акторов этнополитических отношений обострялось в связи с глобальной пандемией и ее кризисными последствиями.

Региональная конфессиональная, этническая, идеологическая неоднородность приводит к противоречивым, неоднозначным, противоположным, непримиримым оценкам политических процессов, принимаемых решений и происходящих событий, что вызывает конфликты разной степени напряженности и остроты. В этой связи актуальной является проблема изучения и определения роли региональных элит и представителей интеллектуальных сообществ в процессе воздействия на идейный, мировоззренческий, духовно-нравственный климат в регионах, их способность к урегулированию возникающих конфликтов, которые, как правило, провоцируются и подогреваются внешними политическими и экономическими силами, имеющими свой интерес в данном конкретном регионе. Проведение мониторинга на основе ивент-анализа, экспертных опросов и других методов регионоведческих исследований позволяет осуществлять конфликтологическую диагностику регионального развития и на этой основе разрабатывать рекомендации по совершенствованию политического управления региональным развитием и обеспечению региональной безопасности.

В современной России очень остро стоят проблемы по обеспечению политической стабильности как важнейшего условия осуществления необходимых преобразований и преодоления неравномерности регионального и территориального развития. Всесторонний анализ механизмов обеспечения региональной безопасности в аспекте существующих проблем российской государственности показывает, что процессы социального конструирования, реформирования и совершенствования общественных отношений сами по себе могут создавать угрозы сложившемуся общественному устройству и равновесию системы, так как опасность представляет не только «перманентная революция», но и «перманентные реформы». Снижение конфликтности управленческого воздействия обеспечивается возможностями многофакторного анализа региональной государственной политики [Якунин, 2006: с. 64–69]. Также необходим функциональный анализ всех структурных элементов и компонентов исследуемой региональной общности; а на основе системного подхода к изучению региональной политики, которая отражает позицию общества в целом и его подсистем к территориальным частям, проследить, как формируется и осуществляется управленческая деятельность по вертикали и по горизонтали [Юрченко, 2011: с. 238–240].

Существующие противоречия и особенности многоставного характера регионального социального ландшафта неизбежно вызывают социальную напряженность в ряде республик, краях и областях, деструктивные и агрессивные реакции «несогласных» с теми или иными политическими решениями. Большие проблемы порождаются ситуациями геополитического порядка, когда проявляется крайнее недовольство представителей тех этносов, которые ощущают себя разделенными. Так, по отношению к России различные антироссийские политические силы рассматривают националистов (и русских, и нерусских) как важнейшее средство внутривнутриполитического раскола единого суверенного государства, являющегося крупным влиятельным субъектом международных отношений.

На фоне острых геополитических трансформаций и сложной этнополитической ситуации, сложившейся в настоящее время в мировом политическом пространстве, необходимость политологических исследований, посвященных региональной тематике и изучению способов преодоления напряженности, урегулированию региональных конфликтов представляются крайне необходимыми. Так, в рамках работы над проектами «Безопасность Краснодарского края в контексте современных политических процессов в Черноморском регионе» и «Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (Подпрограмма по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе») нами проводились комплексные политологические исследования ситуации в Черноморском регионе на рубеже XX–XXI вв. и по итогам были изданы монографии [Юрченко, 2008], которые активно используются в учебном процессе.

В переломные эпохи развития общества, в частности уже во второй половине XX века после окончания второй мировой войны и, особенно, в процессе крушения колониальной системы империализма и образования независимых государств, наблюдался повышенный интерес непосредственно к проблемам этничности. В связи с чем возникает и концепция модернизации как проект распространения западных, и прежде всего американских, либеральных ценностей в регионах, население которых необходимо было довести до уровня так называемого «гражданского общества», до уровня западной демократии. По мнению К. Калхуна, возглавляющего Американский совет по исследованиям в области социальных наук, «модернизация возникает как идеология победителей с Запада» [Концепция, 2012: с. 7]. Преобладание западнцентристской объяснительной модели «поступательного» развития социума приводило к распространению абстрактных «акультурных» теорий, оторванных от реальной жизни и не учитывающих социально-историче-

ской, этноконфессиональной и политико-психологической специфики региональных социальных общностей.

Этот контекст очень важен для понимания современных этноконфессиональных процессов, этнополитических конфликтов и новых вызовов, и рисков в условиях современной глобализации и регионализации. Актуальную и всестороннюю трактовку проблема рисков получила в произведениях У. Бека [Бек, 2000] и других исследователей. Теоретические работы, посвященные исследованию вызовов национальной идентичности в условиях глобализации, углублению кризиса и уязвимости феномена идентичности в XXI веке [Хантингтон, 2004; 2011] важны для понимания природы дезинтеграционных процессов и определения механизмов противодействия им с целью формирования и укрепления в российском обществе многонациональной общегражданской идентичности и сохранения межнационального мира и согласия. А реальные слагаемые интегративной идеологии и «проблема утверждения в обществе такой духовно-нравственной парадигмы, которая могла бы обеспечить динамичное, устойчивое, опирающееся на массовую поддержку движение России по пути политической модернизации» [Коваленко, 2016: с. 272], «консолидация граждан вокруг определенной системы ценностей» [Юрченко, 2017: с. 11] имеют, на сегодняшний день приоритетное значение в предметном поле современной политической науки и «в контексте институционализации современной публичной политики» [Панкратов, 2017: с. 87].

Проектное управление и стратегическое планирование в полиэтничном социуме в условиях неравномерного регионального развития, региональной несвязанности, даже раздробленности, и одновременного роста глобальной напряженности предполагает необходимость учета, с одной стороны, специфики, а с другой — общих тенденций политических рисков и вызовов в различных регионах России, а на этой основе комплексного подхода к анализу и обеспечению региональной безопасности в условиях усиления деструктивных тенденций в геоэкономическом, политическом, информационном пространстве и социальных сетях. Так, например, конфликтологическая экспертиза этнопо-

литических отношений в многосоставном обществе Краснодарского края показала, что из-за низкой политической эффективности и недостаточной информированности населения, распространения искаженной информации в системах коммуникации, отсутствия механизмов обратной связи и каналов электронного участия, а также под воздействием множества иных факторов, у местных жителей возрастает чувство тревоги, социального недоверия к органам власти, СМИ, озабоченность в связи с наплывом мигрантов, гастербайтеров, неконтролируемым ростом населения, изменениями его состава, что приводит к социально-политической, межэтнической напряженности, радикальным настроениям и акциям, которые особенно быстро распространяются в медийном пространстве. В реальной политике и других социальных сферах это выливается в конфликты на этнической почве многовекторной направленности: бытовые, карьерно-статусные, трудовой и социальной конкуренции и многие другие. Таким образом, политическая наука и политологическое образование в прикладном, практическом аспекте выполняют очень важную функцию определения политических рисков для принятия эффективных управленческих решений в исследуемых регионах, а затем и в стране в целом, с целью регулирования социально-экономических, политических, межэтнических, демографических, корпоративных отношений и профилактики возникающих угроз безопасности, радикализма, экстремизма, обеспечения национальной безопасности на региональном уровне. А это, в свою очередь обуславливает устойчивое социально-политическое развитие всего общества.

Говоря о значении предметного поля политической науки в региональном измерении следует подчеркнуть, что оно объясняется постоянно нарастающей политической напряженностью как в глобальном, так и регионально-локальном контексте. Мы всегда исходили из того, что политическая стратегия национальной безопасности понимается как долговременная программа защиты национальных интересов государства, защищенности личности и общества от внешних и внутренних угроз, осуществления про-

ектов социально-культурного и политико-экономического развития страны.

Проводимый мониторинг на Юге России, в частности, в причерноморском регионе, показывает существенные региональные, локальные и муниципальные различия, неравенство и диспропорции в пространственном, демографическом, политико-культурном отношении, в распространении цифровых технологий и каналов электронного участия граждан. Естественно, в политическом управлении реакция на социально-экономические, этнополитические вызовы и риски не должна иметь характер запаздывающей и бессистемной кампании. Необходима концептуализация стратегии и тактики политического управления регионами как совокупности региональных моделей безопасности, включающих проблематику, связанную с последствиями глобализации и информатизации общества, миграционными и этнополитическими процессами, неоднородностью и неравномерностью социально-экономического развития, поиском путей устранения источников и предпосылок экстремизма, радикализма и агрессии, готовность к выполнению всей совокупности функций политического управления и действия. А это напрямую зависит от качества научных исследований и политологического образования в университетах по всем специальностям для формирования гражданской позиции и политико-правовой культуры всех слоев населения. Но особенно важно, чтобы и во власти были представлены люди с обязательным высшим политологическим образованием. Все это и будет способствовать укреплению российской государственности, обеспечению эффективного политико-экономического развития страны, которые возможно только на основе высокого подлинного профессионализма и консолидации различных социальных общностей.

В наших образовательных программах по политическим наукам и регионоведению мы стремимся обеспечивать комплексный, полипарадигмальный исследовательский подход как синтез системных, структурно-функциональных, конфликтологических, консенсусных, синергетических и дискурсивных, лингвистических, политико-пси-

хологических и многих других научных объяснительных моделей макро- и микрополитического анализа динамично развивающегося регионального и глобального политического пространства. Понимая, что разработка теории и механизмов региональной и национальной безопасности в полиэтничном социуме, политической стратегии регионального развития и моделей региональной безопасности опирается на объективную и всестороннюю оценку ситуации на местах, мы проводим практически ежедневный мониторинг с применением методов ивент-анализа и на основе индикаторов и пороговых значений состояния исследуемой социальной общности и социально-политической среды разрабатываем аналитические материалы для формирования экспертной диагностики, политического менеджмента и консалтинга, к чему привлекаем студентов, но особенно магистрантов и аспирантов. Все эти вопросы выносятся на обсуждение в формате научно-практических конференций, в которых участвуют наравне и преподаватели, и студенты как молодые исследователи, которые также активно работают в рамках созданной при кафедре научной-исследовательской лаборатории политического и конфликтологического анализа проблем национальной и региональной безопасности. Студенты и аспиранты под руководством преподавателей участвуют в разработке региональных моделей безопасности, осваивают компетенции проектного управления, определяют специфику субрегионов, входящих в социально-политическое пространство на Юге России. Конференции, лекции-дискуссии, круглые столы и деловые игры, в частности, посвящены обсуждению аргументов адекватного выбора моделей региональной безопасности, что позволяет определить наиболее благоприятное развитие того или иного региона с точки зрения его безопасности. А это, в свою очередь, обуславливает безопасность и устойчивое развитие российского общества в целом и обеспечивает привлечение студентов к решению конкретных социально-политических проблем.

Литература

- Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы. М.: Интердиалект+, 2001.
- Коваленко В.И. Интегративная идеология как научная проблема отечественной политологии // Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 253–300.
- Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг. М.: ИНИОН РАН, 2012.
- Панкратов С.А. Идеиные и духовно-нравственные основы модернизации РФ в контексте институционализации современной публичной политики // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Краснодар: Диапазон-В, 2017. С. 87–91.
- Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.
- Фишман Л. Россия как «периферийная империя» // Стратегия Россия. — 2006. № 10. С.87–92.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Транзиткнига», 2004.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Астрель. 2011.
- Юрченко В.М. Национальная идентичность и политическая идеология // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Краснодар: Диапазон-В, 2017. С. 110–115.
- Юрченко И.В., Донцова М.В. Региональная безопасность Краснодарского края в контексте политических процессов в черноморском макрорегионе: монография / И.В. Юрченко, М.В. Донцова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
- Юрченко Н.Н. Критериальный анализ как способ диагностирования административных практик в политическом и государственном управлении // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 238–240.
- Якунин В.И., Сулакишин С.С. О значении факторного анализа при формировании государственной политики // Власть. 2006.
-

Вилков Александр Алексеевич

доктор политических наук, профессор, руководитель Саратовского областного регионального отделения Российского общества политологов, заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: polit.jurid@info.sgu.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ К ПОДГОТОВКЕ ПОЛИТОЛОГОВ В РОССИЙСКИХ ГОССТАНДАРТАХ

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы, возникшие в высшей школе России в связи с переходом на Болонскую систему образования. Акцент делается на излишнюю формализацию образования в российских вузах. В этом контексте оценивается качество действующих госстандартов по политологии. Обосновываются рекомендации по совершенствованию политологического образования в высшей школе страны.

Ключевые слова: Болонская система, государственные стандарты высшего образования по политологии

Vilkov Alexander Alekseevich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Saratov Regional Branch of the Russian Society of Political Scientists, Head of the Department of Political Sciences of the Law Faculty
of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

THE MAIN TRENDS IN THE FORMALIZATION OF REQUIREMENTS FOR THE TRAINING OF POLITICAL SCIENTISTS IN RUSSIAN STATE STANDARDS

Abstract: The report examines the problems that have arisen in higher education in Russia in connection with the transition to the Bologna education system. The emphasis is on excessive formalization of education in Russian universities. In this context, the quality of the current state standards in political science is assessed. Recommendations for the improvement of political science education in the country's higher education are substantiated.

Key words: Bologna system, state standards of higher education in political science.

Уважаемые коллеги!

Прежде всего, от лица всех саратовских политологов присоединяюсь к поздравлениям с юбилеем В.И. Коваленко! Особо хочу поблагодарить Валерия Ивановича за то, что на

протяжении многих лет в рамках заседаний УМО классических университетов, он возглавлял борьбу нашего сообщества против присоединения России к Болонскому процессу. Против было абсолютное большинство представителей российских вузов — от Владивостока и до Калининграда. За — только представители двух московских вузов. Но сторонники присоединения смогли победить, невзирая на отрицательную позицию подавляющего большинства членов УМО. Победа сторонников вхождения России в Болонский процесс состоялась, в связи с поддержкой Министра образования России тех лет. В результате мы получили громоздкую и несуразную конструкцию из трех уровней высшего образования, которая скрипит по сей день, несмотря на уже очевидную всем нелепость положения аспирантуры в этой конструкции.

Нет смысла останавливаться на тех аргументах, которые приводили сторонники присоединения к Болонскому процессу — они многократно обсуждались и оценивались в рамках анализа научным сообществом результатов реформирования российской высшей школы последних полутора десятилетий (см.: работы Е.В. Балацкого, В.В. Вольчика, К.В. Корякина, Е.М. Макаренковой, Ж.Т. Тощенко, Л.Е. Бляхера, М.Л. Бляхера, Ю.С. Эзроха, и др.). На мой взгляд, главное, в чем справедливо сходятся все указанные и многие другие авторы (а также большая часть моих знакомых преподавателей из самых разных российских регионов), — это значительное снижение автономности вузов и резкое усиление бюрократизации системы высшего образования.

В рамках выступления становлюсь лишь на одном аспекте — процессе формализации системы высшего образования. Понятие это очень многозначное и широкое, суть которого сводится к оценке какой-либо сложной содержательной области в виде формальных показателей, точных исчислений, индикаторов и т.д.

Наиболее широкое проявление процесса формализации — это борьба за вхождение российских университетов в различные мировые рейтинги. Здесь, как представляется, есть свои плюсы и минусы, но о них детально и содержательно могут говорить те, кто обладает совокупностью информации по данному поводу. От себя с уверенностью могу сказать одно: многих преподавателей региональных вузов

эта официальная стратегия дополнила список требований к выполнению ими своих обязанностей требованием наличия публикаций в журналах Scopus. Каким образом и где — остается решать самим преподавателям. На почве такого спроса развилась целая «журнальная индустрия», предлагающая возможности таких публикаций на коммерческой основе. На мою электронную почту ежедневно приходит до десяти писем с подобными предложениями из самых разных стран.

Более подробно остановлюсь на формализации требований к подготовке политологов, содержащихся в российских госстандартах последних десятилетий.

У нашей кафедры в этом году тройной юбилей. 85 лет со дня основания кафедры марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского, которая впоследствии была преобразована в кафедру истории КПСС, а с 1991 года стала кафедрой политических наук с политологической специализацией на историческом факультете. В 1996 году на кафедре была открыта специальность политология, т.е. в этом году мы празднуем 25 лет первому набору.

Я горжусь первыми выпусками наших политологов, которых мы готовили без ориентации на ГОС (он был принят лишь в 1997 году). Но зато у них были семестровые, годовые и даже трехсеместровые учебные дисциплины на основе полноценных лекционных курсов не менее 36 часов и такого же объема семинарских занятий в каждом семестре по каждому предмету.

Не стану долго утомлять Вас цифрами о количестве наших выпускников за 25 лет, о местах работы по всей России более сотни кандидатов и докторов политических наук, подготовленных и защищенных по нашей кафедре, о высоких должностях наших выпускников на региональном и федеральном уровнях.

Остановлюсь на тех проблемах, которые мне кажутся наиболее значимыми для нашей дальнейшей работы.

Первое, что изменилось в худшую сторону за 25 лет — это существенная диспропорция в соотношении между часами, отведенными на аудиторные занятия (контактными), и часами, отведенными на самостоятельную работу студентов. У бакалавров в среднем это соотношение 40% контактных на 60% часов самостоятельной работы (СР); у магистран-

тов — это соотношение в среднем 1/3 контактных часов на 2/3 СР. Увеличение часов на самостоятельную работу, на мой взгляд, имеет сугубо финансовую подоплеку — это наличие дорожной карты повышения средней зарплаты в вузах за счет сокращения количества преподавателей. ФГОСы способствуют этому за счет формального подхода к решению этой проблемы. Однако сохранению качества обучения данная тенденция однозначно не способствует.

Еще одна проблема — это вариативность обучения.

Принятие закона «Об образовании в Российской Федерации» и переход к уровневой системе образования и компетентностному подходу в значительной степени были обусловлены (по крайней мере, в публичных дискуссиях) появившимися возможностями для обучающихся в свободе выбора не только определенной профессии, но и индивидуальной «траектории обучения». Этому должны были содействовать ФГОСы, чтобы обеспечивать «вариативность содержания образовательных программ соответствующего уровня образования, возможность формирования образовательных программ различного уровня сложности и направленности с учетом образовательных потребностей и способностей обучающихся».

Однако в процессе реализации этих требований ФГОС обнаружили серьезные проблемы. В региональных вузах они связаны все с тем же финансовым фактором. Учебные группы у политологов небольшие (в связи с малым количеством бюджетных мест), поэтому реального выбора у студентов нет, так как деление групп на отдельные подгруппы не допускается планово-финансовым управлением. Иными словами, в реальности все студенты изучают одну из дисциплин по выбору, как бы выбрав её единогласно по совету преподавателя.

Еще одна проблема федерального масштаба — это очень редкая практика реального выбора своей траектории обучения за счет необходимости набора определенного минимума кредитов (зачетных единиц — прим. РОП). Опубликованные исследования по данной проблематике (а также мое личное общение с преподавателями различных российских вузов на конференциях и других форумах) свидетельствуют, что вузы, которые пошли по этому пути, также столкнулись с определенными проблемами. Главная из них

состоит в том, что студенты чаще всего выбирают те дисциплины и преподавателей, у которых легче получить зачет, а не знания и навыки. Вообще проблема полуофициального подталкивания преподавателей к снижению требовательности в оценивании учебной деятельности студентов нуждается в отдельном и всестороннем обсуждении. Как представляется, — это проблема государственного масштаба, требующая ключевого решения. Суть обусловлена процессами коммерциализации деятельности вузов и заинтересованностью в максимальном сохранении бюджетного и, особенно коммерческого контингента обучающихся.

Формализация компетентностного подхода также обозначила несколько ключевых проблем.

Первая из них связана с принципиальной сложностью формализации требований для гуманитарных и социальных специальностей. Поэтому за основу был взят некий эталонный набор идеальных компетенций (максимально завышенных), структурированных по группам (УК/ОК, ОПК, ПК). И все эти компетенции были бы вполне целесообразными, если бы рассматривались в качестве определенных критериев оценки конечного результата подготовки политолога (и проверялись бы на практиках, во время государственного экзамена, защит курсовых и ВКР). Реально все эти компетенции нужно распределить по всем конкретным дисциплинам учебного плана так, чтобы они полностью закрывали всю закрепленную во ФГОС их совокупность. Это само по себе откровенно подталкивает к формализму.

Как можно, например, закрепить УК-1 (способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач) за какой-то одной, или даже несколькими дисциплинами. Это что, будет означать, что по остальным дисциплинам эта УК не будет реализовываться? Очевидная глупость. А дальше больше, в соответствии с ФГОС 3++ эти компетенции еще нужно расписать по уровням, да еще с ориентацией на профстандарт. А так как по политологии он все еще не принят, то, к примеру, для магистров профиля «Государственная политика и управление» мы смогли найти только следующие.

Перечень профессиональных стандартов

- 01.004 Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования
- 07.007 Специалист по процессному управлению
- 07.011 Специалист в сфере национальных и религиозных отношений

Особенно удручает стандарт по процессному управлению, так как там формулировки носят настолько абстрактный характер, что это подходит для включения ключевых слов в группу компетенций «Знать...», «Уметь...», «Владеть...» для любой компетенции на любом её формальном уровне, для определения любого заданного индикатора. Однако занимает эта бессмысленная работа огромное количество времени.

Еще одна проблема — это формальные требования ФГОС к кадровому составу. Прежде всего, к привлечению работодателей. Задумка неплохая, но формализм и здесь проявил себя. Обязательные показатели привлечения работодателей для подготовки магистров доходили до 40%, потом снизились до 20%, но даже в этом случае обеспечить их нагрузкой, которую они реально могут выполнять — это большая проблема. У нас, например, есть депутат областной Думы, которая с удовольствием и на хорошем профессиональном уровне (будучи кандидатом наук) реально проводит занятия без срывов и замены. Но это скорее исключение, т.к. привлеченные работодатели, особенно из структур исполнительной власти, не могут заранее четко знать свой рабочий график. Поэтому, в случае их незапланированных совещаний, командировок, выездов и подобных событий, нужно срочно искать подмену или замену для занятий.

Последняя инновация — это приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 5 августа 2020 года с Положением о практической подготовке учащихся. Этот документ значительно усложняет процедуру заключения договоров с нашими работодателями о прохождении студентами практик.

Подводя итог этому обзору небольшого количества проявлений формализации (на самом деле их намного больше) могу констатировать:

Формализация как ориентация на четкие показатели и индикаторы компетенций привела к тому, что они стали не инструментами совершенствования подготовки специалистов (на примере политологов), а самостоятельной целью реформирования системы высшего образования на основе введения все новых ФГОС и их продолжающейся «плюсизации».

Более того, они не только не способствуют повышению качества подготовки специалистов в сфере политики, но препятствуют этому. Препятствуют, прежде всего, тем, что значительную часть рабочего времени и своих нервов преподаватели тратят на бесконечную переработку ООП, рабочих программ, ФОСов и ОСов. На бессмысленное и никому не нужное формулирование разделов «Знать...», «Уметь...», «Владеть...» по предписанным ФГОСами формальным уровням компетенций. Ориентироваться при этом приходится на профстандарты, которые притягиваются за уши.

В таких условиях преподаватели вынуждены находить золотую середину между выполнением формальных требований, бесконечных отчетов по этому поводу и реальной работой.

Реальной — это такой, в которой неразрывно связаны воедино ипостаси преподавателя, ученого и воспитателя в рамках каждой учебной дисциплины, независимо от того, какие компетенции ей предписаны учебным планом и от того, на какие уровни они делятся и каковы индикаторы достижения этих компетенций. Такой работой, в которой формирование ценностных основ мировоззрения, патриотизма и гражданской ответственности формируется в рамках каждой дисциплины, так же, как и развитие аналитических способностей, знаний, умений и навыков. А реализация этих задач постоянно варьируется, в зависимости от характера темы, от состояния и подготовленности группы, от текущих внутренних и внешних политических и социально-экономических, мировых и локальных событий.

Большинство наших преподавателей так творчески и работают, но, к сожалению, не благодаря, а вопреки, пробираясь через засилье формализма и бюрократии.

Спасибо за внимание!

Дроботушенко Евгений Викторович

кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета

e-mail: DRZZ@yandex.ru

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Аннотация: В статье впервые характеризуется история становления и развития, а также современное состояние и перспективы политологического образования и политической науки на территории Восточного Забайкалья (до 2008 г. – Читинская область, в настоящее время – Забайкальский край). Цель исследования – формирование общей картины названной истории с выделением особенностей на разных этапах. Для ее достижения необходимо решить комплекс задач: установить периодизацию истории политологического образования и политической науки в регионе; выявить характерные черты, сравнить уровни политологического образования и политической науки в регионе на разных этапах; определить перспективы развития. В ходе исследования использовались общенаучные методы сбора и анализа материала, а также специальные методы: сравнительно-исторический, системного анализа и др. Основы политологического образования в Восточном Забайкалье были заложены еще в советское время, однако развитие оно получило со сменой социально-политической парадигмы во второй половине 1980-х гг. Становление же политической науки в регионе началось несколько позже, в начале XXI в. Отмечалась значительная динамика в развитии политологического образования и политической науки в Восточном Забайкалье в первом-втором десятилетиях XX в. Однако, в настоящее время, в связи с закрытием диссертационного совета, политологических направлений подготовки, профильных кафедр, ситуация, оценивается негативно.

Ключевые слова: политологическое образование, политическая наука, история, Восточное Забайкалье, Забайкальский край

Drobotushenko Evgeny Viktorovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology Transbaikalia State University

POLITICAL EDUCATION AND POLITICAL SCIENCE IN THE TRANS-BAIKAL TERRITORY: THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Abstract: The article was first characterized the history of formation and development, as well as the current state and prospects of political science education and political science in the territory of Eastern Transbaikalia (until 2008 – the

Chita region, now – the Trans-Baikal Territory). The purpose of the study is to form a general picture of the above-mentioned history with the identification of features at different stages. The set goal was determined by a set of tasks: determining the periodization of the history of political science education and political science in the region, identifying the characteristic, comparing the level of political science education and political science in the region at different stages, determining the prospects for development. The research is based on general scientific methods of collecting and analyzing the material, as well as special methods: comparative-historical, system analysis, etc. The result of the work was a clear vision of the history of political science education and political science in Eastern Transbaikalia. The foundations of the first were laid in the Soviet era as part of the course of political economy, but it was developed with a change in the socio-political paradigm in the second half of the 1980s. The formation of political science in the region began a little later, at the beginning of the XXI century. There is a significant dynamic in the development of political science education and political science in Eastern Transbaikalia in the first and second decades of the XX century. However, at present, due to the closure of the dissertation council, political science training areas, specialized departments, the situation is assessed negatively.

Keywords: political science education, political science, history, Eastern Transbaikalia, Trans-Baikal Territory.

История политологического образования и политической науки России, на наш взгляд, складывается из двух «разновеликих» составляющих. Первая — это история таковых в ведущих высших учебных заведениях и научных центрах России. Вторая — это образование и наука на периферии, в регионах, особенно значительно удаленных от центра страны. Их развитие там имеет свои особенности, предопределенные разными факторами. Одним из таких регионов является Забайкальский край, до 2008 г. — Читинская область.

Политологическое образование

Зачатки политологического образования в регионе, как, впрочем, во всей стране, появились в советское время. Отдельные аспекты политической составляющей жизни общества рассматривались через призму марксистско-ленинского подхода в рамках дисциплин кафедр марксизма-ленинизма, научного коммунизма, политэкономии, истории КПСС.

Преподавание велось во всех высших учебных заведениях города, в дальнейшем же развитие политологического

образования стало происходить в двух крупнейших вузах. Это:

- Читинский государственный педагогический институт. С 1963 г. носил имя Н.Г. Чернышевского. С 1997 г. — это Забайкальский государственный педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, с 2006 г. — Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского.
- Читинский политехнический институт. С 1995 г. — Читинский технический университет, с 2003 г. — Читинский государственный университет, с 2011 г. — Забайкальский государственный университет [Катанаев, 2011: с. 305; От филиала..., 2017: с. 11; Резник, 2011: с. 410].

В 2012 г. два названных высших учебных заведения объединены в один вуз — Забайкальский государственный университет.

В Читинском государственном педагогическом институте кафедра марксизма-ленинизма была создана в 1940 г., в 1979 г. путем ее трансформации были созданы кафедры истории КПСС и политэкономии. В 1976 г. создана кафедра научного коммунизма. В Читинском политехническом институте кафедры марксизма-ленинизма и истории КПСС были созданы в 1971 г., кафедра политэкономии, а также кафедра философии и научного коммунизма в 1974 гг. [Мерцалов, 2011: с. 506–507] Отметим, что аналогичные кафедры существовали в Читинском государственном медицинском институте (с 1995 г. — академия) [Говорин, 2011: с. 396].

Серьезные изменения в преподавании происходят в результате смены социально-политической парадигмы на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Основная масса «марксистско-ленинских» кафедр прекратила существование в 1991–1992 гг. [Мерцалов, 2011: с. 506–507].

В 1993 г. кафедра марксизма Читинского политехнического института была преобразована в кафедру философии и политологии. С этого момента началось, как таковое, политологическое образование в регионе.

В 1997 г. была создана кафедра политологии, преобразованная в 2000 в кафедру политологии и управления и ставшую в 2007 г. кафедрой государственного и муниципального управления и политики [Кафедра...]. Она стала базой разви-

тия политологического образования в Читинском государственном университете. Ее преподаватели вели занятия по дисциплине «политология» на всех специальностях подготовки, где таковая была запланирована по учебным планам. Параллельно осуществлялось преподавание по специальности, а затем направлению «Государственное и муниципальное направление», которая, в современном понимании, не относится к укрупненной группе специальностей 41.00.00 «Политические науки и регионоведение», однако проблематика деятельности муниципалитетов, взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления и др. близка и политологическому образованию.

Преподавание политологии на разных факультетах ЧГПИ (ЗабГПУ, ЗабГГПУ) им. Н.Г. Чернышевского осуществлялось преподавательским составом кафедры политологии, созданной в 2002 г. на историческом факультете. Первый же набор студентов по переходному учебному плану «юрист-политолог» был осуществлен на историко-юридическом факультете в 1999 г.

Политологическое образование в «чистом виде» осуществлялось с 2002 г. именно в рамках работы кафедры политологии, сначала по специальности «Политология», а позже, со сменой образовательных стандартов, по программе бакалавриата по направлению «Политология» (профиль «Теоретико-инструментальный») и в магистратуре (магистерская программа «Прикладная политология»).

Общий вектор образовательной политики государства в сфере высшего образования, выраженный в сокращении гуманитарных направлений подготовки или, как минимум, переводе их существенно сказались на политологическом образовании в Восточном Забайкалье. Постепенно «ушла» дисциплина политология с иных направлений подготовки. Незначительное количество выделяемых бюджетных мест по укрупненной группе специальностей 41.00.00 «Политические науки и регионоведение», а со временем и сокращение их, привели к тому, что постепенно «чистое» политологическое образование в регионе стало исчезать. С 2019 г. не осуществляется набор по программе бакалавриата. На 2021 г. впервые не выделены бюджетные места на обучение в магистратуре по названной укрупненной группе специальностей и набор студентов в магистратуру по политоло-

гии не объявлен. Кафедра политологии как самостоятельное подразделение прекратила существование в 2020 г.

Аналогичная ситуация складывается с направлениями подготовки кафедры государственного и муниципального управления и политики. Отсутствие бюджетных мест приводит к сокращению количества обучающихся, исчезновение дисциплины «политология» на иных направлениях подготовки ведет к постепенному исчезновению политологической составляющей и в ее работе.

Политическая наука

Развитие политической науки в регионе связано именно с деятельностью двух названных ранее высших учебных заведений. Шло оно в рамках двух существовавших в их структурах кафедр и научных подразделений — лабораторий. В первом случае — это кафедра государственного и муниципального управления и политики с лабораторией проблем организационно-правового обеспечения местного самоуправления, во втором — кафедра политологии с социо-гуманитарной лабораторией и гильдией социологов и политологов.

На базе Читинского государственного университета к концу первого десятилетия XXI в. сложилась научная школа «Социально-политическая безопасность субъекта Российской Федерации» под руководством доктора политических наук Т.Е. Бейдиной. Начала действовать лаборатория проблем организационно-правового обеспечения местного самоуправления. Сфера ее научной деятельности — анализ всех аспектов муниципального управления, проблем взаимоотношений федеральных и региональных органов государственной власти с муниципалитетами. Серьезных проектов, реализованных лабораторией, было несколько:

- Организационно-структурная модель органов местного самоуправления Забайкальского края в период объединительного реформирования. Речь идет об объединении двух субъектов Российской Федерации, Читинской области и Агинского бурятского автономного округа в Забайкальский край.
- Формирование региональной политики горнорудного кластера на территории Забайкальского края.

- Миграция населения Забайкальского края.

При кафедре с 2004 до середины второго десятилетия XXI в. действовал диссертационный совет по специальности 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии». Защищено несколько десятков кандидатских и докторских диссертаций.

Общегосударственные тенденции привели к закрытию диссертационного совета и, естественно, динамика развития политической науки в регионе изменилась. В соседних административно-территориальных единицах диссертациях советов по политологии также нет.

Контрактная аспирантура сохранилась и на 2021 г., однако, это уже единичные случаи.

Научная деятельность в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. Н.Г. Чернышевского осуществлялась при кафедре политологии. Она велась под руководством ее заведующего, доктора философских наук Д.А. Крылова, по следующим направлениям: методология социально-политической науки, проблемы справедливости и политического насилия, глобализации и регионализации, особенности межэтнических и межконфессиональных процессов. Научные проекты реализовывались через деятельность социо-гуманитарной лаборатории.

Таким образом, можно констатировать, что политологическое образование и политическая наука в Восточном Забайкалье получили достаточно серьезное развитие, особенно в первом–втором десятилетиях XXI в. Реализовывались образовательные и научные проекты, однако к началу 2020-х гг. ситуация кардинально изменилась

Через два года, когда окончат университет студенты последних наборов бакалавриата и магистратуры по направлению «Политология», политологическое образование в Забайкальском крае исчезнет полностью.

С закрытием кафедры политологии и относительно неясными перспективами кафедры государственного и муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, которые, в ситуации отсутствия в регионе академических научных структур, яв-

лялись основой развития и движения политической науки, представляется, что и она в ближайшие годы исчезнет.

Названные проблемы и нарисованные перспективы свойственны не только Забайкальскому краю. Так, сайт высшего учебного заведения, соседней Республики Бурятия, где, на протяжении ряда лет, осуществлялся набор по направлению «Политология» на программу бакалавриата, дает нам информацию о том, что в 2020 г. набора уже не было. Не было набора и на программу магистратуры [Образовательные..., 2021].

Таким образом, во всем Забайкальском крае не остается вузов, осуществляющих специализированную подготовку политологов и медленно сокращаются объемы научных исследований.

Неутешительные приведенные выводы, на наш взгляд говорят о том, что профессиональному политологическому сообществу необходимо обратить более пристальное внимание на проблемы развития политологического образования и политической науки, особенно на региональном уровне. В противном случае, в краткосрочной перспективе, они останутся только в крупных городах, там, где есть потенциал набора абитуриентов по политологическим программам, есть серьезные научные структуры, занимающиеся исследованиями в рамках политической науки.

По нашему мнению, при оценке программ подготовки как бакалавров, так и магистров политологии, упор должен делаться на практико-направленные дисциплины. Просто обывателю не всегда понятно, кто такой выпускник-политолог и какова сфера его деятельности. И здесь дело даже не в наличии или отсутствии профессионального стандарта политолога и не в качестве данного документа. Для широких масс он все равно останется неизвестным.

В регионах вряд ли в своей массе нужны специалисты по теории и методологии политической науки, знатоки политической философии или истории политических учений. В ситуации отсутствия консалтинговых организаций не востребованы и политические аналитики. Нет нужды, на постоянной основе, в знатоках политической психологии и политической социологии

Вероятно, для периферийных, удаленных, незначительных по населению регионов существует определенная по-

требность в специалистах в области организации проведения предвыборных кампаний.

Основной же упор, по нашему глубокому убеждению, должен быть сделан на том, что выпускник-политолог — это прежде всего специалист в области государственной федеральной и региональной политики во всех сферах, а также в области местного самоуправления. А как выпускник направления «Государственное и муниципальное управление», он может быть и профессиональным управленцем.

Представляется, что возрождение политологического образования и серьезной политической науки, как в Восточном, так и в Западном Забайкалье, при сохранении современных условий, невозможно.

Восточно-забайкальская история политологического образования и политической науки, их перспективы — это, на наш взгляд, своеобразная рекомендация российскому политологическому сообществу, касающаяся развития региональной российской политологии.

Литература

- Говорин А. В., Смекалов В. П.* Читинская государственная медицинская академия (ЧГМА) // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: В 2 ч. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 2. Н–Я. С. 395–397.
- Катанаев И. И.* Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ) // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: В 2 ч. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 1. А–М. С. 305–307.
- Кафедра государственного, муниципального управления и политики // Забайкальский государственный университет. URL: http://zabgu.ru/php/page.php?query=kafedra_gmuip (дата обращения: 06.02.2021).
- Мерцалов В.И.* Марксизм-ленинизм // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: В 2 ч. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 1. А–М. С. 506–507.
- Образовательные программы // Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. URL: <https://www.bsu.ru/education/programs/14649-1/> (дата обращения: 06.02.2021).
- От филиала к университету // Забайкальский государственный университет. История и современность высшего инженерного образования. Чита: Забайкальский гос. ун-т; научно-редакционный центр «Энциклопедия Забайкалья», 2017. 452 с.
- Резник Ю.Н.* Читинский государственный университет // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: В 2 ч. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 2. Н–Я. С. 410–412.

Соболев Владимир Андреевич

кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики
факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: sobolev@polit.msu.ru

ВКЛАД А.М. КОВАЛЕВА В РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ¹

Аннотация. В статье рассматривается вклад Александра Митрофановича Ковалева (1923–2010) в развитие политической науки и в подготовку специалистов высшей квалификации в России.

А.М. Ковалев – профессор, доктор философских наук, Заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Заслуженный деятель науки РСФСР, академик Международной славянской академии наук, лауреат Ломоносовской премии, автор более 350 научных работ, в том числе 28 монографий. В 1995 году Ковалев был назван Американским биографическим институтом «Человеком года», а Кембриджский университет включил его в свой справочник «500 интеллектуалов мира». Его имя также включено в изданный в США международный справочник «Кто есть кто в мире» (Нью-Йорк, 1995, 1999).

А.М. Ковалева интересовали проблемы закономерностей социального и политического развития; политическая теория и практика социального развития; политические перспективы развития человечества. Он занимался исследованием вопросов социалистического и коммунистического строительства, диалектики отношений государства и общества; проблем мирового политического процесса и роли социальных революций в жизни общества; классовой борьбы и др. В статье делается вывод, что многоаспектное творчество А.М. Ковалева по праву позволяет назвать его одним из основоположников современной российской политической науки.

Ключевые слова: А.М. Ковалев, политическая наука в СССР, история политической науки России

Sobolev Vladimir Andreevich

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, (Russia)

CONTRIBUTION OF A.M. KOVALEV TO THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SCIENCE AND EDUCATION IN RUSSIA

Abstract: The article reviews the contribution of Alexander Kovalev (1923–2010) to the development of political science and education in Russia.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № МК-4465.2021.2 «Советская политологическая традиция и ее роль в развитии современной политической науки в России».

A. Kovalev — professor, doctor of philosophy, honored professor of Lomonosov Moscow State University, honored scientist of the RSFSR, academician of the International Slavic Academy of Sciences, laureate of the Lomonosov Prize, author of more than 350 scientific papers, including 28 monographs. In 1995, Kovalev was named the American Biographical Institute “Person of the Year”, and the University of Cambridge included him in its directory “500 intellectuals of the world”. His name is also included in the international directory “Who’s Who in the World” published in the United States (New York, 1995, 1999).

A. Kovalev was interested in problems of regularities of social and political development; political theory and practice of social development; political prospects of human development. He studied the issues of socialist and Communist construction, the dialectic of relations between the state and society, the problems of the world political process and the role of social revolutions in the life of society, the class struggle, and others.

The article concludes that multi-faceted heritage of A. Kovalev allows us to rightfully call him one of the founders of modern Russian political science.

Keywords: Kovalev, political science in the Soviet Union; history of political science

Научное творчество — процесс многоаспектный, противоречивый и часто непредсказуемый. Хотя в нем, с одной стороны, участвуют большие коллективы: руководители, сотрудники, аспиранты, студенты, но, с другой — данный процесс никогда не бывает обезличенным. В науке, как и в любом другом творчестве, важна личность ученого, его лидерские качества. Руководителя — лидера по «духу», заслужившего своим подвижничеством право вести людей за собой, а не просто поставленного «сверху» или взявшего ответственность на себя в силу обстоятельств. Данными качествами обладал Александр Митрофанович Ковалев (1923–2010) [Коваленко, 2016: с. 697–703; Козиков, 2013: с. 7–14; Памяти..., 2010: с. 106–107; Соболев, 2020: с. 136–141; Соболев, Филимонов, 2022: с. 161–168].»

А.М. Ковалев проработал в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова 64 года и внес значительный вклад в становление политической науки в СССР и в подготовку специалистов высшей квалификации. В 1962 г. он возглавил первую в СССР кафедру теории научного коммунизма и далее почти 30 лет руководил сформированным на философском факультете МГУ в 1969 г. отделением научного коммунизма. Данное отделение начиналось с одной базовой кафедры теории научного коммунизма; затем на отделении были открыты кафедры истории социалистических учений; истории и теории мирового рабочего и ком-

мунистического движения; теории и практики коммунистического воспитания; социологических исследований [История философской мысли..., 1982: с. 125–136].

Ковалеву пришлось заниматься непростой задачей — утверждением предмета и специальности «теория научного коммунизма» в Московском университете. Партийно-государственный интерес и заказ осложнял и без того трудоемкий процесс внедрения новой дисциплины. Ему необходимо было добиться не только политического, но и интеллектуального признания данного направления в МГУ [Опережающая активность..., 2011: с. 450–467]. Данное отделение подготовило несколько поколений высококлассных специалистов-обществоведов. На сегодняшний день выпускники отделения научного коммунизма составляют хребет системы политологического и социологического образования в России.

Кроме того, А.М. Ковалев занимал пост председателя Научно-технического совета по научному коммунизму Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Данный совет определял содержание и направления подготовки кадров по научному коммунизму. Ковалев много лет был председателем диссертационного совета, членом Ученого совета МГУ, главным редактором журнала «Вестник Московского университета. Серия 12» [Шутов, 2021: с. 7–28; Коваленко, 2021: с. 29–49]. Он подготовил более 120 кандидатов и несколько десятков докторов наук.

С конца 1980-х гг. А.М. Ковалев был одним из ведущих профессоров отделения политологии философского факультета МГУ, а в сентябре 2008 г. перешел на созданный факультет политологии ведущим профессором кафедры истории и теории политики. Работая на факультете, он уделял внимание исследованию политической науки; ее предметному полю; законам ее развития; роли в общественных процессах и др. Ковалев рассматривал философские основы политики, отношение человека к миру политики, проблемы и перспективы современного западного общества, функции, объект и предмет политики, законы политики как науки. Более того, Ковалев руководил методологическим семинаром, на котором рассматривались актуальные проблемы современного развития России и мира, и был

первым председателем профессорского собрания факультета политологии.

Стоит выделить тот факт, что еще в 1970-е гг. А.М. Ковалев вышел к руководству МГУ с инициативой о выделении из состава философского факультета нового факультета — социально-политических наук. Тогда им и его соратниками многое было сделано для этого, но политико-идеологическая ситуация в стране изменилась, и на 30 лет вопрос об открытии отдельного факультета был заморожен [Соболев, 2022: с. 174–186]. Когда в Московском университете вновь встал вопрос о создании факультета политологии, Ковалев активно поддержал данное решение. Перейдя с философского на факультет политологии, он заботился о его развитии и постоянно вносил предложения по его совершенствованию.

В своих трудах А.М. Ковалев исследовал проблемы философии, социологии, политической науки, обществознания. Его работы, широко известные в нашей стране, нашли широкий отклик за рубежом. Он творчески осмысливал и анализировал сложные социально-политические и философские проблемы с глубоким знанием глобальных как исторических, так и современных ему политических и социальных процессов. Анализ основ философии и науки об обществе получил у него развитие в выводах и положениях по проблемам методологии. Ковалев использовал их для обоснования единства и различия законов природы и общества.

Среди всех разрабатываемых А.М. Ковалевым направлений исследований центральное внимание уделялось философским и политологическим проблемам. Еще в 1960–1970-е гг. он начал разрабатывать новые подходы к рассмотрению природы человека и его свойств, соотношения природного и социального. Ковалев ввел в научный оборот понятие «способ производства общественной жизни», полагая, что нужно рассматривать не только формационный, но и цивилизационный подход к развитию общества; анализировал особенности развития России, каким должно быть социально-справедливое общество, будут ли существовать противоречия в обществе будущего и многие другие вопросы, касающиеся природы общества и человека. Он считал, что будущее за теми исследованиями современных социальных систем, в

которых наряду с марксистским используются и другие теоретико-методологические подходы.

А.М. Ковалев написал множество книг и статей по самым разным вопросам, в том числе связанным с ролью политики в общественном развитии. Ковалева интересовали закономерности социального и политического развития; политическая теория и практика социального развития; политические перспективы развития человечества. Он рассматривал вопросы о роли социальной революции; диалектику отношений государства и общества; проблемы мирового политического процесса; классовой борьбы; вопросы социалистического и коммунистического строительства и другие.

Интересно то, что уже в советское время А.М. Ковалев разрабатывал основы своей новой философии, предлагая расширительную трактовку предметных полей политологии и социологии. Его новые идеи отличались от основной массы идеологизированных публикаций, доминировавших в печати вплоть до середины 1980-х гг. Смелые трактовки Ковалева принимались не всеми, часто вызывали недоумение и даже раздражение. На ученом совете философского факультета МГУ его работы не раз подвергались разгромной критике. Переплетение обществоведческих наук и официального марксистско-ленинизма накладывало свой отпечаток.

Несмотря на идеологическое давление А.М. Ковалев отстаивал свои идеи, старался наиболее полно раскрывать общечеловеческое, цивилизационное и гуманистическое значение своих новых подходов. Он стремился избегать предвзятого отношения к сторонникам иных взглядов, руководствуясь критериями компетентности и профессионализма. Об этом свидетельствует то, что уже в советские годы работы Ковалева, написанные с марксистских позиций и публиковавшиеся в «идеологически правильных» изданиях, отличались уважением к другим мировоззренческим школам, к коллегам с иными убеждениями и точками зрения. Поэтому после распада СССР в 1991 г. в отличие от многих обществоведов-марксистов ему не было необходимости резко менять свои позиции.

С 1996 по 2005 г. А.М. Ковалев опубликовал восемь монографий по огромному комплексу философских и политологических проблем, обобщив большинство своих идей в монографии 2006 г. «Принципы новой философии». В данных работах Ковалев формулирует ряд новых наиболее общих законов природы, общества и человеческого мышления; стремится раскрыть фундаментальные принципы социальной философии, рассмотреть формационные и цивилизационные пути развития, проблему повторяемости в истории.

Он уделяет внимание наиболее общим законам развития материи и ее самоорганизации; общим тенденциям развития природного мира; роли человека в мире; соотношению социального и природного; способу производства общественной жизни в целом; критериям и источникам прогресса в обществе и многим вопросам, касающимся объективных основ, многообразия и противоречивости мирового развития. Труды Ковалева позволяют проследить в динамике рассматриваемые процессы и явления, а также представить тенденции возможного развития ситуации в России и в мире.

А.М. Ковалев прекрасно осознавал, что те проблемы, которые он рассматривает, те идеи, которые он предлагает, это только начало исследований в данной области. Также он понимал и ограниченность собственных возможностей постижения всей совокупности политико-философской проблематики в силу практической необъятности ее проблемного поля. Поэтому для создания новой философии нужен «коллектив ученых, состоящих как из философов, так и представителей других наук, который только и может решить эту сложнейшую и вместе с тем насущную проблему» [Ковалев, 2006: с. 5].

Таким образом, многоаспектное творчество А.М. Ковалева, посвященное не только философским, но и политологическим проблемам, позволяет по праву назвать его одним из основоположников современной российской политической науки.

Литература

- История философской мысли в Московском университете / Под ред. И.Я. Щипанова. М.: Издательство Московского университета, 1982. 264 с.
- Ковалев А.М. Принципы новой философии (идеи, размышления, гипотезы). М.: Современные тетради, 2006. 327 с.
- Коваленко В.И. Памяти учителя // Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 697–703.
- Коваленко В.И., Цыганков П.А. Вестник политических наук во взаимосвязи времен // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 5. С. 29–49.
- Козиков И.А., Кудряшова М.С., Шутов А.Ю. Ученый, учитель, гражданин // Ковалев А.М. Избранное. Воспоминания об А.М. Ковалеве. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 7–14.
- Опережающая активность. Беседа с профессором кафедры мировой и российской политики философского факультета Александром Митрофановичем Ковалевым. 2005 г. // Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова: страницы истории / Под ред. А.П. Козырева. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 450–467.
- Памяти Александра Митрофановича Ковалева // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 6. С. 106–107.
- Соболев В.А. Значение идейно-теоретического наследия А.М. Ковалева для становления политологии в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 136–141.
- Соболев В.А. История политической науки в России: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2022. 200 с.
- Соболев В.А., Филимонов К.Г. Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалева // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 161–168.
- Шутов А.Ю., Топычканов А.В. К истории и современному состоянию академической периодики в области политических наук (к 50-летию журнала «Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки») // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 5. С. 7–28.
-

Рыхтик Михаил Иванович

доктор политических наук, доцент, руководитель Нижегородского областного регионального отделения Российского общества политологов, директор Института международных отношений и мировой истории, заведующий кафедрой теории политики и коммуникации Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

e-mail: rykhtik@imomi.unn.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению перспектив развития политологического образования в российских университетах. Опыт организации образовательного процесса в ведущем научно-исследовательском университете, многолетняя работа в государственных аттестационных комиссиях 5 ведущих университетов России позволяет делать некоторые обобщения.

Ключевые слова: политологическое образование, политологическое сообщество, региональный университет.

Rykhtik Mikhail Ivanovich

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Nizhny Novgorod Regional Regional Branch of the Russian Society of Political Scientists, Director of the Institute of International Relations and World History, Head of the Department of Theory of Politics and Communication of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky e-mail: rykhtik@imomi.unn.ru

ABOUT THE PROSPECTS OF POLITICAL SCIENCE EDUCATION AT THE RUSSIAN REGIONAL UNIVERSITY

Abstract. The article is devoted to understanding the prospects for the development of political science education in Russian universities. The experience of organizing the educational process at a leading research university, long-term work in the state attestation commissions of 5 leading universities in Russia allows us to make some generalizations.

Keywords: Political science education, political science community, regional university.

На интерес к обществоведческим дисциплинам большое влияние оказывают настроения в обществе. Эксперты выделяют три основных фактора, снижающих долгосрочную ориентацию и социальный оптимизм в современном обществе. *Во-первых*, рост социального неравенства и кризис

ранее достигнутого общественного договора: не каждое современное государство может гарантировать стабильный рост благосостояния большинству своих граждан, при этом доверие к глобальным и внутристрановым социальным институтам снижается. *Во-вторых*, пессимизм в отношении будущего, связанный с экономическими факторами, усугубляется растущим осознанием неотвратимости негативных последствий антропогенных и информационных рисков. *В-третьих*, техно-гуманитарный дисбаланс, проявляющийся в том, что развитие технологий опережает развитие социального капитала, обеспечивающего способность общества договариваться о правилах их использования. Технологии делают нас рассеянными. Подталкивают к быстрым решениям, делают нетерпеливыми. Переход к экономике интернет-платформ подстегнул наблюдавшийся на протяжении 2000-х годов рост численности прекариата, то есть людей, не имеющих стабильной и полной трудовой занятости.

Нарастают противоречия между образами будущего элит и большинства россиян, что особенно хорошо заметно при анализе представлений молодежи о будущем страны [Молодежь и политика..., 2017]. По данным опроса, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в декабре 2020 года, образ будущего российского общества оставался неопределенным для половины молодых респондентов [Великая и др., 2021]. Причем, подобная ситуация для России не новая. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что российское общество характеризуется краткосрочным планированием жизни и неопределенностью образа коллективного будущего [Грищенко, 2018].

В этой связи особую роль приобретают усилия сотрудников Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) по наполнению смыслами идеи включения в образовательный процесс всех университетом России объединяющего, интегрального курса по Основам российской государственности. В случае системной и планомерной реализации этой инициативы могут появиться условия по изменению у молодежи картины будущего. Очень важно, чтобы на государственном уровне возродилось доверие к

институтам власти. Это значит: власть компетентна, эффективна и справедлива. Политологические дисциплины имеют потенциал ориентировать человека на личностный рост и развитие. Важно, чтобы наши формы преподавания политологии помогали студенту любых направлений подготовки осознавать себя как часть общества, страны, государства.

Многочисленные исследования показывают, что у человека в России оформился запрос на справедливость и сострадание. Однако, наше общество далеко от материального измерения справедливости. Достаточно посмотреть на высокий уровень расслоения и отказ от дискуссии о введении прогрессивной шкалы налогообложения. В этой связи возрастает запрос на нематериальное измерение справедливости.

Российское общество политологов сделало правильный и нужный шаг, начав аудит развития политологии в российских университетах. Это находит большую поддержку университетского политологического сообщества.

Основные проблемы, с которыми сталкивается сфера образования в целом и политологическое образование в частности с учетом опыта Нижегородского университета.

Первое. Политологическое образование в Нижегородском университете берет начало в 1994 году, когда состоялся первый набор студентов-политологов. С этого времени ННГУ имени Н.И. Лобачевского остается единственным университетом в регионе, который ведет подготовку по этому направлению, причем, на всех трех уровнях бакалавриат, магистратура и аспирантура. Это полностью отвечает потребностям, которые исходят со стороны потенциальных работодателей в регионе. Возникает вполне закономерный, сколько необходимо кафедр, факультетов, центров преподавания политической науки в регионах страны, чтобы не останавливать процесс воспроизводства кадров, но при этом не создавать никому не нужную конкуренцию при не всегда высоком качестве образования и науки? Важно, чтобы в ответе на этот вопрос более значимую роль играло профессиональное сообщество, а не чиновник.

Второе. Какой-то особой региональной специфики организации политологического образования в Нижнем Нов-

городе, скорее, нет. Поэтому, выделю основные проблемы, характерные для нашего образовательного процесса.

Во-первых, чрезмерная формализация образовательного процесса, которая характерна сегодня для всего российского высшего образования. Это проявляется в повышенной бюрократизации и бюрократизации требований к организации процесса, кадрам, программам и др. Парадоксально, но при массовом внедрении цифровых технологий и процессов, бумажный документооборот не сократился.

Во-вторых, это отсутствие профессионального стандарта, на который завязаны многие процессы. Правда, на мой взгляд, в этом больше плюсов, чем минусов (смотри выше). Здесь я соглашусь со всеми коллегами, которые говорят о том, что политологическое образование не имеет узкой специализации, и выпускник, получающий диплом политолога, не приобретает какую-то одну профессию на всю оставшуюся жизнь. Существует противоречие между государственными органами, которые выступают «заказчиками» подготовки политологов и ищут конкретного работодателя по окончании обучения, и самим характером организации образовательного процесса. Компетенции, которые формируются в течение обучения у студентов, готовят выпускника к очень широкому кругу специальностей, и возможное формальное ограничение для такой подготовки наносит, на мой взгляд, серьезный вред. Разрешить данное противоречие очень важно для политологического сообщества, чтобы самим не загнать себя в эти жесткие рамки бюрократического регламентирования. Другой аспект проблемы: насколько формализованными должны быть требования к тем студентам, которые самостоятельно оплачивают свое обучение? А таких в социально-гуманитарной сфере много.

Практика показывает, что те или иные должности на государственной службе или в бизнесе занимают люди с университетским образованием разных направлений, а потом, уже в процессе повышения квалификации, многие приобретают более конкретную специализацию. И не загонять себя в рамки узкой профессиональной подготовки на уровне бакалавриата очень важно, в особенности, на уровне образования в регионах! В этой связи многочисленные «атласы профессий будущего», на мой взгляд, играют дезо-

риентирующую роль. Если для Москвы и Санкт-Петербурга, где рынок для выпускника с дипломом политолога обширный, то для Саратова, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Воронежа, Новосибирска и др. изначально регламентировать узкую специализацию политолога опасно!

Данную региональную специфику необходимо принять во внимание, чтобы не совершить ошибки. Наш работодатель очень разнообразен. Это и органы государственной власти, и муниципальной власти, и банки, и бизнес, частные компании, работающие как на внутреннем рынке, так и на международном уровне, и спецслужбы. Москва может позволить себе осуществлять подготовку политологов только для органов власти, а мы такой «роскоши» позволить себе не можем.

Отсюда и специфика формирования образовательных программ в региональных университетах. Они характеризуются большим разнообразием учебных дисциплин, потому таким выпускникам нужно суметь найти применение и в частном секторе, и на международной арене, и на государственной службе. Понимание этого диктует специфику образовательных программ, которые отличаются большим разнообразием.

В этом самая важная особенность, которая предопределяет реализацию нами всего образовательного процесса. Причем, это не сугубо нижегородская проблема — потребность в более широкой профилизации для обучающихся испытывает большинство региональных университетов.

Университет никогда не сможет дать работодателю из бизнеса узкопрофильного специалиста. На то он и **университет**. Чисто чиновничий подход к образованию, основанный на калькуляции расходов и доходов наносит определенный вред российскому образованию. У настоящего университета и настоящего университетского профессора, доцента всегда будет **миссия**. Не случайно именно сейчас профессиональное сообщество активно вовлечено в разработку курса «Основы российской государственности», появление которого в учебных планах российских вузов позволяет надеяться на снижение значения проектного подхода в образовательном процессе. Мы консервативны, и в этом наша сила, а, возможно, и слабость. Расширение аудитории студентов, прослушавших этот курс, создаст ос-

нову для появления мотивированного студента для освоения магистерской программы, ориентированной на тех, кто обучался на не политологическом направлении подготовки.

Проблема, с которой обязательно столкнутся регионы, в том, что мобильность наших талантливых выпускников происходит по вертикали в одном направлении — они уезжают из регионов в Москву и Санкт-Петербург. Конечно, мы не можем «закрыть шлагбаум», чтоб ограничить это движение. Верное решение для исправления ситуации — это развитие магистерских и аспирантских программ в региональных университетах с воссозданием сети диссертационных советов. Именно появление и развитие сети диссертационных советов по политическим наукам в российских региональных вузах, на мой взгляд, одна из важнейших задач, которую должно решать Российское общество политологов!

В последнее время было много преувеличенной критики и, в ряде случаев, излишне формальных требований к работе диссертационных советов. Часть из них справедливые, некоторые — избыточные. Если эти избыточные требования к диссертационным советам снять, то это может способствовать воссозданию советов, приостановивших работу. Поддержка аспирантских программ и диссертационных советов, с учетом реальных потребностей регионов, поможет «восстановить» качество и объем подготовки молодых исследователей в региональных университетах, а также сохранит рабочие места для талантливой молодежи. Сейчас с этим серьезные проблемы.

Так вот на уровне базового уровня политологическое образование вполне может осуществляться «массово», и ничего страшного в этом нет, поскольку это общая гуманитарная обществоведческая подготовка человека с университетским взглядом на жизнь. А вот в аспирантуре и магистратуре политологическое знание может приобретать элементы элитарности. Предлагаемая в настоящее время реформа образовательной системы позволяет реализовать эту задачу, не нарушая никакого баланса в подготовке кадров.

Кроме того, работая в классическом университете, в котором ведется подготовка и физиков, и химиков, и биологов, и филологов, лично я убежден, что желательно, чтобы в

том или ином варианте политология как дисциплина (причем, она может называться по-разному) присутствовала в образовательных программах всех направлений подготовки. И это произойдет, когда будут подведены первые итоги внедрения дисциплины «Основы российской государственности». Не надо бояться разговаривать о политике с молодежью в аудитории, потому что если разговор ведется в аудитории, значит, он управляем, а если «разговор» происходит на улице, то это может быть опасно.

Я сторонник того, чтобы политические дисциплины в тех или иных аспектах присутствовали в программах подготовки всех студентов, но проблема еще заключается в академическом сообществе политологов. Многие из его представителей не способны предложить дисциплину, интересную для физика, для биолога, для химика... Пришло время продвижения идей по разработке новых педагогических методик, которые позволят рассказать о политике биологу. А то может повториться ситуация с физиками середины прошлого столетия, когда общество с опозданием задумалось о социально-политических последствиях изобретения атомной бомбы.

Литература

- Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А.* Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого развития общества // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 64-77.
- Грищенко М.А.* Функциональность коллективистских и индивидуалистических ценностей в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Учетные записки. 2018. № 2. С. 220-226
- Молодежь и политика: Актуальные вызовы. Опрос ВЦИОМ. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-05-22_cennosti.pdf (дата обращения: 29.07.2021)
-

Научное издание

Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы

К 30-летию образования отделения политологии в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова

Материалы Всероссийской научной конференции

МГУ имени М. В. Ломоносова
3 февраля 2021 г.

Под общей редакцией В. И. Коваленко

Научный редактор *З. Н. Осадченко*
Художественное оформление *К. В. Саутенков*
Корректор *Е. А. Певак*
Верстка *Л. В. Тарасюк*

Издание подготовлено и печатается за счет средств
Общероссийской общественной организации
«Российское общество политологов»

Подписано в печать 20.12.2022. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Изд. № 12245. Заказ №

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
<http://msupress.com>

Отдел реализации.

Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Отпечатано: «АО Первая Образцовая типография». Филиал Чеховский Печатный Двор.
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1.